

Лев Семенович Черной

**Социальные факторы и риски
экономического развития России**

История и современность

Москва, 2004 год

Аннотация

Рассмотрены основные социальные, властные и аппаратно-бюрократические факторы, оказывавшие решающее влияние на экономическое развитие России на различных исторических этапах.

Проведен анализ эволюции социальной структуры российского общества в "кризисные эпохи", с точки зрения ее влияния на социальную и экономическую стабильность. Особое внимание уделено механизмам возникновения социальных кризисов и "революционных ситуаций", а также появления и численного роста социальных групп, участвующих в "революционных взрывах".

Обсуждены модели возникновения локальных и общих социальных кризисов в Старой и Новой России, показан характер их влияния на хозяйственные механизмы и экономику в целом.

Для экономистов, социологов, широкого круга читателей, интересующихся проблемами социально-экономических реформ в России.

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ВВЕДЕНИЕ 9

ЧАСТЬ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА 13

Глава 1. Россия как историческая зона высоких конъюнктурных рисков	13
1.1. Военно-политические риски	13
1.2. Социальные конъюнктурные риски	22
1.3. Конъюнктурные риски "властно-элитного фаворитизма"	28
1.4. Внешнеполитические и внешнеэкономические конъюнктурные риски	32

Глава 2. Социокультурные условия и эволюция российской системы укладного полиморфизма	37
2.1. Экономическая значимость фактора укладного полиморфизма и его "неизбежность"	37
2.2. Эволюция и социокультурная преемственность системы экономических укладов в России	43
2.2.1. Специфика системы экономических укладов Хазарского каганата как предшественника Российского государства	43
2.2.2. Динамика социальной структуры и хозяйственных укладов Древнерусского государства	46
2.2.3. Период Московского царства XV-XVII веков	60
2.2.4. Санкт-Петербургский период	67
2.2.5. Советский период	76
2.2.6. Период постсоветских реформ	78

Глава 3. Дефицит эффективности Российского государства как фактор динамики социально-экономических процессов	83
3.1. Факторы управляемости России и обществ западного типа	83
3.2. Причины низкой управляемости России и ее последствия	88

Глава 4. Аппаратный фактор социально-экономического развития России	97
4.1. Административные институты как фактор эффективности рыночного хозяйства	97
4.2. Социальная политика и проблема автономизации аппарата от общества	99
4.3. Система факторов, влияющих на эффективность административного аппарата, и возможности его оптимизации в России	108
4.4. Спрос на услуги аппарата и проблема оптимальной занятости и оптимальных затрат в системах управления	112
4.5. Слабость аппарата как фактор компенсации неэффективности российского законодательства	120

Глава 5. Кризисы управляемости Российского государства и теневая социально-экономическая контрсистема	126
--	------------

ЧАСТЬ II. СОЦИАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧИТЕЛИ И РИСКИ РОССИЙСКИХ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ 139

Глава 6. "Маргинальный" социальный ограничитель процессов экономической либерализации в России	139
6.1. Маргиналы как источник революционной энергии в российских революциях XX века	139
6.2. Возникновение устойчивых зон социального противоборства и их типология	150
6.3. Факторы маргинализации общества и механизмы формирования социальных кризисов в Старой России	161

Глава 7. Криминальный сегмент общества и российское социально-экономическое пространство	171
7.1. Криминализация общества в Новой России. Возможные последствия и потенциал влияния на социальную и экономическую стабильность	171
7.2. Российская преступность в общемировом криминальном контексте	183

7.3. Приватизация ЖКХ как возможный фактор форсированной социально-экономической криминализации в России	187
Глава 8. Некриминальная маргинализация общества и ее влияние на экономику	190
8.1. Структура и динамика маргинальной социальной среды	190
8.2. Основные факторы и тенденции социальной маргинализации в Новой России	196
8.3. Российские социальные тенденции и реакции делового мира	207
8.4. Механизм маргинальной дестабилизации общества и современные российские реалии	217
Глава 9. Арифметика и алгебра рынка и "пространственный фактор" российской экономики	225
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	230

Предисловие

Мне неоднократно приходилось спорить с некоторыми российскими экономистами по вопросам значения социальных факторов в проведении экономических реформ. Знаменательно, что при этом сама мысль о возможности учета подобных факторов – оппонентами зачастую просто отвергалась "с порога".

Мотивы такого неприятия "социального подхода" к решению стратегических экономических проблем оказывались, при ближайшем рассмотрении, весьма разными.

Одни экономисты (особенно те, кто увлекся применением в России наработанных на Западе подходов к рынку в духе "неоклассики" или "монетаризма") говорили, что для учета социальных факторов в планировании реформ попросту нет экономической теории.

Нередко при этом подчеркивалось, что социальные вопросы – дело совершенно особое, что они в экономике вообще не по адресу, что они идут "по ведомству социологии". Иногда меня при этом "утешали": "правильная" экономическая политика, вполне освобождающая руки рыночным отношениям, мол, заодно автоматически решит, причем наилучшим из возможных способов, и возникающие при реформировании социальные проблемы.

Другие, напротив, признавали, что "социальный фон" при рыночном экономическом реформировании играет очень большую роль. Но при этом добавляли, что именно неблагоприятный для рынка российский социальный фон тормозит и будет тормозить реформы. А посему нужно их проводить привычным для России методом "революции сверху", если требуется – переламявая этот социальный фон, что называется, "через колено".

В то же время среди российских ученых (включая экономистов) достаточно распространена и иная точка зрения. Согласно такому подходу, социальные проблемы страны могут быть решены лишь в том случае, если успешные частные и корпоративные агенты формирующегося в России рынка будут достаточно интенсивно "делиться" с малоимущими своими рыночными доходами. На вопрос: "а на какие средства в таком случае эти самые "успешные" будут развивать свои компании, и укреплять позиции на российском и международном рынке" – сторонники данного подхода внятных ответов не дают. Вместо этого, как правило, следуют рассуждения о незаслуженно получаемых "успешными" сверхдоходах.

При этом если рассматривать вариант "дележки" не вообще, а практически, содержательных предложений оказывается крайне мало. Из конкретных механизмов решения социальных проблем в

такой парадигме пока что предлагается лишь широко обсуждаемая "природно-рентная" модель "дележки" успешных с неуспешными (со ссылками, например, на опыт Норвегии).

А поскольку достаточного понимания природы этих социальных проблем и их связи с рыночными реформами нет, то иногда единственно справедливым в условиях России "социальным решением" называют фактический "разворот" реформ чуть не на 180% (тотальные экспроприации и национализации частных и корпоративных активов и т.п.).

Новая монография Льва Черного, как представляется, стала одной из первых серьезных научных попыток, что называется, "ab ovo", подойти к анализу происхождения и содержания той сложной системы связей между социальным и экономическим, которая присуща исторической специфике России и всем попыткам ее реформирования.

Подкупает, прежде всего, настойчивое стремление автора в своем анализе доискиваться до причин, вызвавших те или иные, известные из нашей истории, социально-экономические последствия.

При этом особым, как ныне часто говорят, "ноу-хау" Л.Черного оказывается понимание глубокой исторической унаследованности социальных стереотипов, мотивов, способов действий. И, соответственно, введение в рассмотрение обширного (в том числе, малоизвестного даже научной публике) исторического социально-экономического материала, помогающего понять те или иные современные социально-экономические феномены.

В частности, в данной книге Л.Черным впервые в отечественной науке (и, как представляется, достаточно плодотворно) рассмотрены с социокультурных исторических позиций такие непростые и "вечные" российские проблемы, как высокие хозяйственные конъюнктурные риски, неизбежная множественность существующих в стране экономических укладов и субукладов, низкий уровень государственного управления и неэффективность административных аппаратов.

Знаменательно, что Л.Черной, подчеркивая историческое (социальное, политическое, хозяйственно-экономическое) своеобразие России, при этом вовсе не склонен считать природу и характер наших отечественных событий чем-то уникальным и не имеющим аналогий. Он широко оперирует социальными и экономическими сравнениями российской исторической динамики с яркими примерами из мирового опыта – от Великой французской революции до недавних реформ в Латинской Америке, от специфики западноевропейского феодализма до особенностей формирования укладной структуры хозяйства в США.

Особо важным и ценным результатом, который получил в новой монографии Л.Черной, я склонен считать действительно глубокий и системный анализ такого феномена, как социальная маргинализация. Этот анализ крайне важен именно сейчас, когда "маргинальная прослойка" в российском обществе резко увеличилась и, по нашим данным, продолжает расти. Особенно опасные тенденции маргинализации, как верно подметил автор, наблюдаются у молодых поколений. Прежде всего, в так называемых "депрессивных" регионах страны, но одновременно и в сравнительно благополучных столичных и областных финансовых и экономических центрах.

И, конечно же, приходится согласиться с Л.Черным в том, что эта маргинализация оказывается, в большой степени, прямым следствием тех реформ, которым подвергается постсоветская Россия. В том числе – реформ бюджетной и социальной сферы.

Положения Л.Черного, касающиеся негативных социально-экономических последствий проводимых в настоящее время в России социальных реформ, – в целом совпадают с результатами наших исследований и оказываются достаточно тревожными. Думается, с ними следует внимательно ознакомиться российским правительственным реформаторам.

Конечно, такого рода книга, посвященная очень сложным и малоисследованным вопросам системных связей между социальной сферой, политикой и экономикой, не может состоять из одних только достоинств.

В частности, мне представляются несколько преувеличенными (или недостаточно доказательными) выводы автора о решающей роли "маргинальных сообществ" в возникновении и развитии острых социальных кризисов и революций. Как известно из мировой истории, нередко подавляющая часть маргиналов оказывается в ходе революционных взрывов в составе "напуганных обывателей", более всего страдающих от социально-экономических последствий революционных событий.

Кроме того, по данным проводимых нами исследований, связь между процессами маргинализации и криминализации, а также маргинализации и социальной дестабилизации общества – более сложная и менее однозначная, чем это следует из моделей, предлагаемых Л.Черным. Она, как правило, опосредованная и, так сказать, "вариабельная": за маргинализацией социальной массы вовсе не всегда следует ее тотальная криминализация, а также повышение общего уровня социальной нестабильности.

Тем не менее, большинство предъявленных Л.Черным в данной книге научных результатов представляются не только новыми и оригинальными, но и, в целом, справедливыми. А поскольку

изложены они, что характерно для данного автора, в ярком и энергичном стиле, читается монография легко, с большим интересом и удовольствием.

Представляется, что книга получилась цельная, содержательная и полезная. Полезная не только для специалистов, но и для широкого российского читателя, интересующегося социально-экономическими проблемами. С чем и хочется поздравить автора.

Г.В.Осипов,
Академик РАН

Введение

Постсоветское реформирование российского общества и хозяйства в направлении правового государства и эффективной рыночной экономики встречается, как мы видим, с большими трудностями.

Разумеется, понимание этих трудностей продвинулось далеко вперед по сравнению с эпохой перестройки и распада СССР, когда составлялись заливчатские программы реформирования страны за 500 или 1000 дней. В сегодняшней России нет недостатка в исследованиях, посвященных действительно глубокому и профессиональному анализу наиболее острых и приоритетных проблем, с которыми столкнулось постсоветское реформирование страны в направлении современной рыночной экономики и политической демократии.

Однако, тем не менее, большинство анализов и описаний указанных проблем нередко "грешит" недостаточной системностью и, в том числе, недостаточным вниманием к тем разнообразным контекстам (историческим, географическим, политическим, социальным), в рамках которых разворачивается хозяйственно-экономический процесс.

Отсюда зачастую следует некритическое использование в качестве "образцов для подражания" экономических аналогий с хозяйственными структурами, реализованными в других странах и в совершенно других условиях. Например, попытки "срочно и сразу" равняться на создание в России институтов, повторяющих таковые в современных развитых странах Запада.

Отсюда зачастую следует настойчивое описание соотношений между экономикой и социальной жизнью в сугубо экономических категориях, в представлениях о социальной среде как чистом "объекте реформ", – безынициативном, подчиненном и не обладающем собственными активными реакциями.

Отсюда же – нередкое рассмотрение экономических и социальных процессов как "вещей в себе", в том числе внеконтекстное рассмотрение и описание "отдельно взятых" сегментов экономического и социального неблагополучия.

При такого рода описаниях, как правило, упускается из вида ряд весьма существенных обстоятельств.

Во-первых, любая социально-экономическая система – именно как система – обладает громадной "исторической памятью" и, соответственно, очень большой "исторической инерцией". Связана эта инерция, прежде всего, именно с "социальным прошлым" народов, составляющих данное общество.

Называют ли это "традициями", "социокультурными кодами", "локальными архетипами", "национальным характером" или "привычкой как душой державы", – в любом случае, этот фактор "исторических социальных особенностей" оказывает огромное (нередко – решающее) воздействие на все сферы общественного экономического, социального, политического развития.

Это обстоятельство сегодня практически бесспорно даже для наиболее последовательных приверженцев американской школы "унифицирующей" экономической и политической глобализации во главе с П.Бергером. Которые, анализируя состояние глобализации в различных странах и регионах мира в начале XXI века, признают, что даже в тех случаях, когда решительного "отторжения" глобализационных тенденций национальной социальной средой не происходит, эта глобализация оказывается вовсе не унифицирующей.

Оказывается, что, принимая (и вполне эффективно используя) часть "глобального контекста", национальные сообщества в обязательном порядке этот контекст "приспосабливают под себя", иногда трансформируя до почти полной неузнаваемости. И это характерно не только для Японии, Китая или Индии, находящихся на очень большой "социокультурной дистанции" от Запада, но и для вполне европейских Германии или Венгрии¹.

Во-вторых, современные российские исследователи социально-экономической среды нередко упускают из виду, что значительная часть социальных процессов в любом обществе и государстве имеет скрытый, латентный характер. Причем эта "подводная часть социального айсберга", как правило, тем мощнее и масштабнее, чем менее явной оказывается "институциональная организация" социальной среды.

Такие латентные социальные процессы практически всегда очень слабо и с большим трудом поддаются любого рода прямым, "директивным" или репрессивным, трансформациям сверху. Причина этого, опять-таки, лежит где-то в области "социальной памяти", "социокультурного ядра", "национального менталитета" или, как нередко пишут на Западе, "устойчивых стереотипов массового сознания".

А потому, когда речь заходит о каких-либо масштабных реформах "революционного" характера, главная (и очень непростая!) задача состоит в том, чтобы в максимальной мере использовать, а в необходимой части сменить, трансформировать

¹ Многоликая глобализация. Под. ред. Питера.С.Бергера и Сэмюэля.П.Хантингтона. М., "Аспект-Пресс", 2004.

этот самый "национальный менталитет", или "стереотипы массового сознания".

В США, например, это поняли очень давно, и уделяют данному вопросу предельно большое внимание². Там постоянно и пристально занимаются "мониторингом" массового сознания "социального айсберга" (включая его подводную, латентную часть), и стараются проводить его нужные "менталитетные коррекции".

Причем, подчеркнем, занимаются этим, в первую очередь, именно с точки зрения нормального и эффективного функционирования рыночного хозяйства. И как бы это не называть – "социальным контролем" или "промыыванием мозгов" – надо признать, что делается это достаточно успешно.

В-третьих, большинство нынешних исследователей российских социально-экономических процессов, все-таки, не вполне точно понимают "системность". Даже когда речь идет о работах интегрального характера, затрагивающих взаимоотношения различных сторон общественной и государственной жизни, подход обычно является скорее не "системным", а "комплексным".

В частности, нередко не учитывается то, что у любой полноценной сложной системы (а общество в государстве – это сверхсложная система) всегда существуют не только подсистемы и прямые и обратные связи между ними, но и целевые функции системы в целом и входящих в нее подсистем. Как не учитывается (или недостаточно учитывается) и то, что любая социально-государственная система – это система, открытая миру. То есть, погруженная в более крупную общемировую систему – со множеством ее конкурирующих подсистем и их целей. И, значит, в сложный контекст мир-системных взаимозависимостей.

А поскольку в социальной системе любого уровня все ее подсистемы состоят из людей и обладают таким особым качеством, как ярко выраженная "свобода воли", данное обстоятельство (в том числе наличие и конкуренция целей) имеет очень большое значение.

И, по той же причине, именно социальные (точнее, социокультурные) факторы, как правило, оказывают огромное, если

² Еще на заре XX века известный американский борец с монополизмом Г.Ллойд фактически впервые провозгласил идею о необходимости создания для рыночной экономики нужного – не просто социального, но именно идеологического и социокультурного – контекста. Ту самую идею, которая сегодня стала основой маркетинга и лежит в фундаменте нынешних теорий глобализации. Ллойд более сотни лет назад выразился буквально так: "От контроля над рынком – к контролю над умами" (см. Lloyd H.D. Wealth Against Commonwealth. N.Y., 1902, p. 323).

не решающее, влияние на системную (экономическую, политическую, социальную) динамику общества и государства.

Разумеется, одной из главных причин того, что перечисленные (важнейшие, на наш взгляд) обстоятельства регулярно упускались из виду – была определенная недостаточность у российской экономической и социальной науки теоретической, методологической и фактологической базы для полноценного системного рассмотрения указанных проблем. Сейчас же, как представляется, усилиями отечественного научного сообщества такая база, в целом, создана.

Соответственно, возникает понимание того, что определенные унаследованные черты российской экономики и российской социально-государственной жизни оказываются неотменимыми и иногда решающими факторами, определяющими "коридор возможного" для эффективного проведения реформ.

А в связи с этим – одновременно нарастает интерес к ключевым историческим обстоятельствам российской социальности, российской государственности и российского хозяйства, которые, в той или иной мере, и поныне являются "задающими рамками" и (или) фундаментальными проблемами отечественного экономического и социально-политического развития.

Попытке системного (разумеется, лишь предварительного и далеко не всеохватного) рассмотрения этих обстоятельств и посвящена данная книга.

И в связи с ее завершением хочу выразить особую благодарность академику РАН Г.В.Осипову, который взял на себя труд ознакомиться с рукописью и сделал по ряду ее разделов ряд ценных замечаний.

Л.С.Черной.
2002 – 2004 гг.

Часть I. Исторические особенности и социальный контекст развития российского рыночного хозяйства

Глава 1. Россия как историческая зона высоких конъюнктурных рисков

Необходимое условие возникновения развитого рыночного хозяйства – возможность длительного существования в условиях низких конъюнктурных (и, прежде всего, политических) рисков, связанных угрозой изменения политики власти, а также с опасностью крупномасштабных войн и нашествий.

О фундаментальных условиях появления и успеха капитализма очень просто и точно сказал Фернан Бродель: "Капитализм для своего развития требует определенной стабильности общественного устройства, а также определенного нейтралитета или слабости, или потворства государства".³

1.1. Военно-политические риски

"Капитализм" и в ранних, примитивных его формах, и в развитых формах, – никогда не любил сильной концентрации власти, особенно в ее монархическом варианте. Дело здесь в том, что такого рода концентрация власти всегда порождает разнообразные конъюнктурные риски, причем по множеству причин.

Во-первых, в действительности для всех обществ монархического типа (с известным исключением европейских абсолютистских монархий в том виде, какой они приобрели в XVIII веке), характерна внутренняя нестабильность. Хотя сильная власть, на первый взгляд, это стабильная власть, на самом деле это так далеко не всегда.

Как правило, сильная демократическая власть – действительно делает общество стабильным. А вот сильная недемократическая власть – очень часто, чему масса примеров в истории – порождает нестабильность и политические кризисы. И даже если интервалы между подобными кризисами достаточно велики, то сами такие кризисы в условиях недемократической власти нередко бывают особенно разрушительны.

При этом, чем более примитивны культурные и экономические условия, тем более выражена способность "сильной" власти монархического типа генерировать кризисы (даже если отвлечься от

³ Фернан Бродель. Динамика капитализма. Смоленск, "Полиграмма", 1993, с. 79.

кризисов, порождаемых войнами). Типичные источники таких кризисов – борьба претендентов на престол или даже просто смерть очередного монарха. Более того, в условиях сильной власти не только смена монарха, но и просто смена фаворита у монарха – уже может стать причиной мощных социополитических и экономических потрясений, оказывающих огромное влияние на условия хозяйственной деятельности.

Европейская история времен средневековья (а она в этот период отличалась более спокойным характером, чем азиатская история) – это история непрерывных династических кризисов и связанных с ними внутренних конфликтов, часто принимающих военную форму. В этой ситуации развитое рыночное хозяйство могло возникнуть только в «очагах стабильности», которыми тогда оказались самоуправляющиеся средневековые города.

Но и сама система такого рода городов могла возникнуть только при особых условиях. А именно, при наличии комбинации элементов довольно высокого уровня экономического и культурного развития (конечно, по меркам соответствующего времени) – с репрессивно-управленческой слабостью политических образований феодально-монархического типа. Такого рода комбинация оказалась возможной в Западной Европе (включая Германию). Но за ее пределами она встречается лишь в качестве редких исключений.

Во-вторых, само собой разумеющимся условием накопления элементов и ресурсов экономического развития является отсутствие разрушительных войн и даже отсутствие военной опасности. Именно поэтому центры развитого (и, что еще важнее, способного к дальнейшему развитию) рыночного хозяйства возникали зачастую в, казалось бы, совершенно неподходящих местах.

Так, цивилизация Древней Греции возникла в условиях, пожалуй, наименее подходящих для эффективной хозяйственной деятельности, – на земле, способной прокормить сравнительно немногочисленное население, но зато почти недоступной и для набегов кочевых орд, и для вторжений регулярных вооруженных сил тогдашних мощных соседних азиатских государств.

В еще менее подходящих условиях, вдали от всех тогдашних центров цивилизации, в буквальном смысле слова на окраине пустыни, сложилось величайшее торговое государство древности – Карфаген. Гибельной для него оказалась не изоляция, не близость Сахары, а появление по соседству новых мощных политических и экономических центров, – греческих городов-государств, а затем Рима. Начались непрерывные войны с усиливающимися соседями, и "Англия античности" была уничтожена.

Но история любит повторяться. Венеция, один из главнейших центров средневекового капитализма, основалась на морских

лагунах, в условиях, казалось бы, опять-таки, наименее подходящих для крупного центра производящей цивилизации. Ее местоположение было невыгодно во всех отношениях, за двумя исключениями. Оно, во-первых, способствовало морской торговле и, во-вторых, в максимальной мере обеспечивало безопасность.

Голландское государство, ставшее первым в мире действительно современным государством с экономикой рыночного типа, также основалось в условиях, весьма мало подходящих для хозяйственной производящей деятельности, но зато относительно безопасных для крупного торгового центра.

Не менее очевидно, что развитие английского капитализма и трансформацию Англии из государства феодального типа в первое в мире (если не считать Нидерланды) гражданское общество с развитым рыночным хозяйством – нельзя себе представить вне ключевого фактора островного положения страны. Именно поэтому английский парламент мог в директивном порядке предписывать своему монарху содержать (по крайней мере, в условиях мира и на английской территории) незначительную и дешевую армию.

Сразу отметим, что островное положение Англии предохраняло страну не только от собственно военных рисков, но и препятствовало захвату контроля над ее рынками (включая рынок капитала) извне. Так, Бродель напоминает, что создание в 1558 г. Лондонской биржи привело к резкому снижению влияния капиталов Антверпена, а закрытие в Англии "Стального двора" в 1597 г. – положило конец влиянию на Британских островах ганзейских торговых корпораций.⁴

Наконец, американская цивилизация в ее современных формах стала возможной только потому, что территория США никогда не подвергалась крупным военным нападениям и разрушениям. Накопление элементов развития в США с момента их образования (а фактически – с момента образования первых английских колоний на территории Нового Света) протекало последовательно и беспрепятственно.

Рыночное хозяйство в США всегда развивалось при минимальных конъюнктурных рисках военно-политического характера (за единственным крупным исключением гражданской войны Севера и Юга). И, в первую очередь, именно это создало современное качество американского общества и американской экономики.

Россия, с точки зрения условий своего географического расположения, является практически полным антиподом

⁴ Фернан Бродель. Динамика капитализма. Смоленск, "Полиграмма", 1993, с. 108.

перечисленных выше государственных центров, развившихся в "зонах долговременной безопасности". Она всегда была, напротив, зоной повышенной политической и военной опасности и, следовательно, высоких конъюнктурных рисков, связанных с этими обстоятельствами.

Данная особенность с самого зарождения российской государственности не только тормозила развитие хозяйственной деятельности вообще. Она, в особенности, препятствовала развитию городов (которые слишком регулярно грабили и сжигали дотла), а в городах – ремесленного и, прежде всего, финансового сектора экономики.

Заметим, что в городах-государствах Италии (сформировавшихся, с учетом специфики политической обстановки в Европе в соответствующий период, в зонах относительной безопасности) финансовый кредит оказывал мощнейшее влияние на экономическую жизнь и динамику производства и торговли (в том числе международной торговли) уже в XII веке.

В России же кредитная система приобрела более или менее развитый (и все же совершенно недостаточный) характер лишь во второй половине XIX века. Причем не в последнюю очередь как раз потому, что для ее развития был необходим такой уровень хозяйственной безопасности и бесконфликтности, о котором ранее в России можно было только мечтать.

Рыночное хозяйство в России всегда (за исключением последних 50 лет Российской империи) существовало в практически бескредитном варианте. Но это одновременно означало, что оно, даже в сравнительно крупных городских центрах, могло развиваться лишь в относительно примитивных формах. Уровень военных конъюнктурных рисков на российском континентальном "проходном дворе" – в принципе исключал возможность ведения эффективного денежного хозяйства (и, в особенности, хозяйства, основанного на кредите).

При этом в те времена, когда военные риски были сравнительно невелики, города в России развивались в целом по западноевропейской модели, в направлении автономизации от княжеской власти. Таким, в основном, было положение до XII века. И именно тогда Киевская Русь получила название "Гардарика" – страна городов.

Когда же положение изменилось (в особенности после монгольского военного удара и образования Золотой Орды, в которую вошла Россия), после двух-трехкратного уничтожения в XIII столетии почти всех крупных городских центров, ни о каком развитии городов в сторону автономизации говорить уже не приходилось. Хозяйственное развитие подавляющего большинства

регионов России было поставлено в условия фактической княжеской диктатуры (притом, что сами князья оказались в положении ленников Великого хана).

Лишь Новгород в основном сохранил свое относительно автономное экономическое положение, хотя и он был обложен данью. И этот пример, опять-таки, показывает значение фактора размещения в зоне безопасности для развития рыночного хозяйства. Новгород избежал тотальных погромов завоевателями, прежде всего и именно потому, что он был защищен от степняков своим географическим положением.

В Европе развитие городских автономий и городских республик прекратилось в основном в XV веке, в связи с ростом разрушительной силы военных конфликтов и военных возможностей феодально-абсолютистских образований. Но это произошло уже фактически после того, как возникшее в городах и приобретшее зрелый и развитый характер рыночное хозяйство вышло за городские пределы и распространилось на большую часть территории Западной Европы. В этой ситуации такие процессы, как, например, трансформация Милана и Флоренции (наряду с Венецией и Генуей, самых крупных городских республик Италии) в XV веке в герцогства, – уже мало что могли изменить в общем течении хозяйственно-экономической эволюции Европы.

Отметим, что развитие средневековых городов и городского хозяйства в Западной Европе было достаточно специфичным и почти не имело аналогий в других регионах мира. Например, в наиболее "социокультурно близкой" к Европе Восточной Римской империи в XIV – XV веках была совершенно особая система обеспечения и реализации прав собственности (в ту эпоху – прежде всего, земельной собственности). Неоднократно отмечалось, что собственность в Византии, в отличие от Западной Европы, – была не "порождением закона народов" (по Фоме Аквинату), а своего рода "жалованием" со стороны императорской власти, имеющей божественное происхождение⁵.

Это различие оказало очень существенное влияние на хозяйственную историю Восточного Рима. В частности, императоры предоставляли монастырям и аристократии крупные налоговые, торговые и иные привилегии, позволившие им получить ключевые экономические позиции в византийских городах. В результате цеховые организации и городская буржуазия как основные акторы развития городов – в Византии так и не сложились. И городская

⁵ См, например: К.В.Хвостова. Особенности социально-экономического развития Византии в XIV – XV вв. //Экономика и политика: взаимосвязь и взаимовлияние. М, АН СССР, 1990, с. 23-35.

экономическая автономия (которая в Западной Европе оказалась главным мотором развития капиталистического хозяйства) здесь реализована не была.

Очень часто утверждается, что Россия в этом смысле – наследница Византии. И что ее "некапиталистическое" городское развитие – прямой итог такой византийской (или православной) наследственности. Однако в России города фактически утратили свою способность влиять на хозяйственное развитие задолго до того, как она восприняла и осознала "византийское наследство". И до того, как на ее территории распространились развитые формы рыночного хозяйства. В результате еще до формирования централизованного государства развитие эффективной рыночной экономики в России оказалось заблокировано.

В Новгородской земле оно держалось дольше всего и было заблокировано с конца XV века, после утраты ею автономии (которой она пользовалась в рамках Великого Владимирского княжения) и интеграции Новгорода Московским государством. Причем интеграции, сопровождавшейся выселением за новгородские пределы тех нескольких сотен боярско-предпринимательских фамилий, которые, собственно, и создали за несколько веков из Новгорода "российский Карфаген".

"Приобретя абсолютизм", Россия, как этого и следовало ожидать, отнюдь не приобрела внутривнутриполитической стабильности. Два столетия после возникновения централизованного государства в России – это два столетия крайней военно-политической нестабильности и непрерывных политических кризисов, оказывающих самое пагубное влияние на условия развития российского рыночного хозяйства.

В ходе одного из очередных таких кризисов (1570 г.) Новгород подвергся полному разгрому, после чего навсегда потерял значение крупного хозяйственного центра. Именно тогда этот уникальный российский резервуар хозяйственного опыта и деловых рыночных навыков был уничтожен практически окончательно.

Во время династического кризиса, последовавшего за смертью последнего Рюриковича царя Федора и достигшего апогея после 1606 г. ("смута"), количество населения в центральных уездах государства, то есть на территории Московского княжества (каким оно было в начале XV века), сократилось в несколько раз. Кроме того, в ходе этого кризиса Москва была сожжена и как хозяйственный центр практически уничтожена.

Возникновение абсолютизма (при Иване III) не решило и проблемы внешних военных рисков. Достаточно сказать, что Москву в XVI веке (если не считать Кремля) степняки сжигали дважды – в 1521 г. и в 1571 г., причем в обоих случаях в Крым был выведен

огромный полон. Государство было втянуто в водоворот оборонительных и наступательных войн, крайне затруднявших накопление элементов и ресурсов экономического развития и исключавших нормальное функционирование рынков.

Но даже в послепетровскую эпоху, в ходе усиления Империи и снижения внешних военных рисков, военный фактор продолжал оказывать мощное негативное (хотя и не такое разрушительное, как прежде) влияние на развитие хозяйственной системы России.

Принципиальная особенность здесь заключается в том, что войны государств, расположенных в разных зонах с точки зрения общей военной безопасности, имеют, как правило, совершенно разные хозяйственно-экономические последствия.

В частности, достаточно хорошо изучен и описан тот факт, что войны, которые вели Англия, а затем США, находясь в "зонах безопасности", в целом стимулировали развитие их хозяйственной жизни. А вот войны, которые вели континентальные государства Европы, оказывали, как правило, негативное влияние на их хозяйственное развитие и процесс перехода к более зрелым и эффективным формам рыночной экономики.

Войны, которые вела Россия, в большинстве случаев сказывались на хозяйственном развитии страны крайне негативно. А полный и окончательный крах рыночного экономического развития имперской России был, по доказательным работам многих специалистов, в значительной мере прямым результатом Первой мировой войны.

Но этот крах имел безусловные корни в специфике географического положения России и необходимости нагружать экономику очень большими военными расходами. Так, еще до Первой мировой войны, в достаточно благополучном 1913 г., доля правительственных расходов, направляемых на оборонные цели, составляла около 50%⁶

Вторая мировая война велась СССР в условиях хозяйственной системы социалистического типа. Очевидно и широко известно, что влияние войны на хозяйственное развитие страны было огромно и разрушительно.

Менее очевидно и известно, что война резко сократила перспективный потенциал эффективности рыночного хозяйства страны, что сказывается на российской экономике вплоть до нынешнего времени. И произошло это, в большой степени, из-за порожденных войной социальных проблем. Характер и роль которых мы рассмотрим в следующем разделе.

⁶ Gregory P/ Russian National Income in 1913/// Quartely Journal of Economic Development, Cambridge, 1976, v.90, no.3, p.455

Говоря о конъюнктурных рисках современности, нельзя не отметить появление новых типов "военных" социально-экономических рисков. Такие риски, входящие в контекст экономического развития в конце XX – начале XXI веков, связаны, в первую очередь, с тем, что нынешняя эпоха ставит под сомнение важнейший принцип монополии государства на легитимное насилие.

Этот принцип, прежде всего, ставится под сомнение "по факту" наращиванием мощи и организованности насилия в отношении граждан и бизнеса со стороны разного рода криминальных образований.

Этот принцип, далее, ставится под сомнение процессами роста мощности и активности внутригосударственного и международного терроризма. Отметим, что влияние этих факторов оказывается не только прямым и непосредственным (ущерб собственникам и собственности), но и в гораздо большей степени косвенным (повышение рисков инвестиций, трансакций, вообще любых сделок, невозможность четкого предвидения будущей судьбы активов).

Этот принцип, наконец, ставится под сомнение усилением и легализацией так называемых "частных служб безопасности" в узком и широком смысле этого понятия.

Так, хорошо известно, что частные службы безопасности корпораций (причем это характерно вовсе не только для современной России) активно включаются – и в качестве "фактора угрозы насилием", и в качестве непосредственного и прямого "фактора насилия" – в локальный и даже государственный экономический контекст. Причем включаются они не только в процессы передела собственности, но и в процессы передела политической власти. Об этом, в частности, много написано в отношении стран Африки и Латинской Америки⁷.

Знаменательно, что в последнее время данная тенденция получает серьезных сторонников, призывающих к ее полноценной легализации и даже подводящих под такую легализацию "теоретическую" и "прагматическую" базу.

Так, например, Дж.Томсон пишет, что государственная монополия на насилие в мировой истории являлась скорее не правилом, а исключением: мол, даже тогда, когда государства безусловно доминировали во внешней и внутренней политике, частные (наемные) вооруженные формирования оставались их

⁷ См, например, Lilly D/ The Privatization of Peacekeeping: Prospects and Realities.//Disarmament Forum, 3. 2000. p.54, а также Ballesteros E. Report on the Question of the Use of Mercenaries as a Means of Violating Human Rights and Impeding the Exercise of the Right of People to Self-Determination.//Report to Commission on Human Rights Pursuant to Commission Resolution 1998/6.E/1999/11, 13 January 1999.

основным военным "инструментом". А Д.Брукс указывает, что южноафриканская наемническая компания Executive Outcomes потратила на операцию по полному разгрому повстанцев в Сьерра-Леоне в 1995-96 годах меньше \$40 млн., в то время как дальнейшее "поддержание мира" в стране обходилось миротворческим силам ООН примерно по \$50 млн. ежемесячно^{8, 9}.

Но совершенно очевидно, что официальное делегирование функции вооруженного насилия любым корпоративным субъектам, которые не могут быть абсолютно подчинены легитимным интересам общества и государства, приводит, как минимум, к двум фундаментальным последствиям.

Во-первых, возникающий при этом "конфликт интересов" станет, как правило, разрешаться в пользу корпорации – хозяина силового ресурса. Что сразу ставит под вопрос ключевую государственную функцию обеспечения равенства граждан. Во-вторых, делегирование корпорациям хотя бы части монопольного государственного права на легитимное насилие – автоматически ставит под сомнение весь смысл существования государства.

Но в современных условиях экономической, политической, социальной и т.д. глобализации, когда суверенные функции государства неуклонно размываются и ставятся под сомнение новыми жизненными реалиями, легитимация "частного насилия" неизбежно приведет к процессам распада единственной существующей системы мирового – государственного – права.

А поскольку ей на смену ничего не приходит (и, судя по всему, не предполагается), кроме "права силы", речь идет о возврате к тому глубокому "политическому средневековью", на которое, как на историческую норму Европы, ссылается Томсон.

Но в этом средневековье было, помимо частных армий, и многое другое. В том числе – эпоха "бегущих людей". Которые, зная, что несколько раз в год подвергнутся набегам "частных армий" конфликтующих баронов, прекращали строить дома, засеивать поля, создавать семьи, рожать детей. То есть – катастрофически десоциализировались. И понадобилось десятилетия или даже столетия времени и огромные усилия Церкви и Императоров, чтобы восстановить – государственным насилием и моральным примером – минимальный социальный порядок.

На то, что подобная перспектива "возвращения в средневековье" вовсе не надумана, – указывают вполне современные события в Конго, в той же "умиротворенной" Сьерра-

⁸ Thomson J. Mercenaries, Pirates, and Sovereigns: State Building and Extraterritorial Violence in Early Modern Europe. Princeton. N.J., 1994.

⁹ Brooks D. Messiahs or Mercenaries? The Future of International Private Military Services.//International Peacekeeping. 2000, V.7. №4, p. 129.

Леоне, в Судане, Сомали, Колумбии и т.д. А также – в нашей российской Чечне.

Но в этой тенденции "разгосударствления и приватизации насилия" есть и еще один очень опасный аспект. А именно – быстрая мафиизация "частных армий".

Во всем мире организованная преступность уже взимает огромную дань с национальных экономик. И эксперты подчеркивают, что ядро криминальных группировок (по крайней мере, в части их "боевых структур") составляют разного рода бывшие "солдаты удачи". Но, поскольку речь идет о легализации "частных армий" в отсутствие возможности действенного контроля за их операциями со стороны корпоративных или даже государственных заказчиков, то здесь полностью теряется нормативная граница между такого рода негосударственными "правоохранительными структурами" – и бандитскими шайками.

В более выгодном (и успешном) положении, скорее, окажутся первые, поскольку они, действуя по легальному мандату, наверняка будут лучше укомплектованы, вооружены, подготовлены, снабжены. То есть – более социально опасны.

Опасны потому, что во всех странах уже налицо мафиозные структуры, представляющие собой "параллельный" (или альтернативный) государственному механизм принуждения. Платят дань уголовным (а иногда – спецслужбистско-уголовным) "крышам" не только в России или бывших странах "советского блока".

И потенциальная легализация такого рода "частного бизнеса", как фактор новых и малопредсказуемых "военно-криминальных" рисков, – несомненно, несет с собой очень серьезные угрозы и государственности, и социальным отношениям, и хозяйственно-экономической системе.

1.2. Социальные конъюнктурные риски

Возвращаясь к социальным проблемам, созданным для СССР Великой Отечественной войной, укажем, что в ходе войны погибло около 40% мобилизованных мужчин (по некоторым оценкам, в отношении призванных из собственно России потери достигали 50%). Это создало в стране структуру населения с повышенным удельным весом женщин и надолго заблокировало процесс нормального демографического воспроизводства.

Заблокировало, во-первых, по причине дефицита мужчин и, во-вторых, потому, что послевоенная экономика создала огромный спрос на женскую рабочую силу. Социально-экономической нормой стала малодетная семья при огромном числе незамужних женщин. Сверх того, здоровье (включая нормальную репродуктивную способность) значительной части населения оказалось подорвано.

В этой ситуации оказались социально абсолютно необходимы:

а.) полностью бесплатное медицинское обслуживание;

б.) увеличение затрат на социальные цели вообще;

в.) введение полноценных пенсий по старости (просто потому, что значительная часть населения, а в России – большинство – после войны не могла создать семей с нормальным количеством детей, способных прокормить престарелых родителей).

Все перечисленные меры и были постепенно реализованы после 1945 г.

Знаменитая система социального обеспечения СССР (хотя она поглощала в абсолютном выражении и в долях бюджета сравнительно небольшие деньги) была, прежде всего, способом компенсации населению СССР военных потерь (и, отчасти, потерь, вызванных гражданской войной и коллективизацией). А еще более развитая советская система социального обеспечения в том виде, какой она приобрела в конце правления Хрущева, – в известной степени компенсировала населению и социальные издержки, понесенные в эпоху сталинизма.

При этом необходимо подчеркнуть, что сам огромный масштаб этих издержек категорически требовал – просто для сохранения устойчивости общества – введения значимых социальных компенсаторов.

Однако любая система социальных компенсаторов является, в целом, нерыночным фактором. И потому необходимость в масштабной системе таких компенсаторов в России – автоматически ограничивала сферу потенциального действия рыночных сил при переходе к рынку, независимо от того, когда и в какой форме он произошел.

Отметим, что система социальных компенсаторов – явление отнюдь не новое. Еще в глубокой древности любая – и местная, и государственная – власть понимала, что социальная масса, производящая основной продукт, становится хозяйственно неэффективной или даже социально опасной, если ее "доводят до крайности". И потому осознавала, что имеет в отношении своих подданных-работников не только большие права, но и определенные (и достаточно строгие) обязательства.

Так, рабовладелец в Древнем Египте, Карфагене или античной Греции – уже имел определенные обязательства перед своими рабами. Эти обязательства освящались, как правило, обычаем, но иногда указывались в соответствующих законодательных сводах. Тем более, эти обязательства власти и высших слоев в отношении подданных имелись (и соблюдались достаточно строго, включая репрессивные меры государства к нарушителям) в отношении свободных граждан.

Но и при феодализме обязательства феодала перед своими крестьянами были весьма ясными и не подвергались сомнению. Например, феодал в средневековой Европе был обязан не только защищать своих крестьян от набегов соседей и бандитских шайек, но и снабжать их, вместе с семьями, продовольствием в случае неурожая. То же самое в полной (и еще более строгой) мере касалось монастырских крестьян. Так что задолго до появления первых вариантов "систем общественного призрения" и "трудового законодательства" – в хозяйственно-экономических практиках прошлого уже существовали и последовательно применялись определенные меры "социальной защиты"¹⁰.

Оговорим, что наличие такой системы компенсаторов – обязательное "нагрузочное" социальное условие эффективности (да и вообще, устойчивого существования) современных рынков. Например, в США, как и во всех развитых странах, существует система социальных льгот, еще более впечатляющая, чем в СССР. Причем эти льготы (в том числе участникам Второй мировой войны) были введены при наличии много меньшей объективной социальной необходимости, чем в свое время в Советском Союзе.

В связи с этим нужно подчеркнуть, что в США переход к модели "социального государства" был реализован, прежде всего, для того, чтобы резко понизить социальные риски (а значит, и общий уровень конъюнктурных рисков для рыночного хозяйства) и, тем самым, создать социальные предпосылки для устойчивого функционирования экономики.

Здесь же отметим, что проблемы сохранения социальной устойчивости стали предметом внимания американских законодателей гораздо раньше, еще в конце XIX века. Так, в 1890 г., во время дебатов в Конгрессе США по антимонопольному закону, его автор, сенатор-республиканец Д.Шерман, заявил: "Вы должны обратить внимание на призыв народа или приготовиться к социализму, коммунизму и нигилизму. Сейчас общество взволновано силами, каковых никогда не существовало. Общественное мнение обеспокоено проблемами, способными разрушить социальный порядок".¹¹

Стремительное разрушение сложной укладной структуры американского хозяйства в конце XIX века в результате усиления монополий – вызвало к жизни мощный и массовый социальный протест. Знаменательно, что этот протест включал не только антимонопольные требования, но и (весьма нехарактерные для

¹⁰ Я.И.Кузьминов, М.М.Юдкевич. Курс лекций по институциональной экономике. М., ВШЭ, 2000, с. 46.

¹¹ Congressional Record, v.21, Part 3, p.2460.

Америки и тогда, и позже!) предложения сначала о введении государственного регулирования, а затем – о национализации ключевых инфраструктурных отраслей экономики США.

Этот протест быстро оформился в виде "Популистской партии" (1892 г.), куда вошли фермеры, рабочие, мелкие городские предприниматели и довольно широкие группы интеллигенции, и выдвинул так называемую "Омахскую программу" (национализация железных дорог, средств связи, введение прогрессивного налога, "рабочее законодательство", борьба с монополиями). И уже в 1894 г. на выборах в Конгресс популисты получили более 1,5 млн. голосов – самый крупный успех "третьей партии" в США за всю историю страны.¹² Так что алармистская интонация в процитированном выступлении Шермана была вовсе не случайной.

Еще один сравнительно свежий и достаточно показательный пример влияния социальных рисков на хозяйственно-экономическое развитие – недавняя политическая история Аргентины.

Политический и экономический хаос, воцарившийся в Аргентине при последних перонистских правительствах начала-середины 70-х годов, способствовал успеху военного переворота марта 1976 г. Но последовавшие меры "неолиберальной" политики военных (резкое сокращение бюджетных расходов, либерализация цен, "волевое" стремительное сокращение занятости в госсекторе и т.д.), приведшие к быстрому ухудшению уровня жизни наемных работников и массовому разорению мелкого частного бизнеса – оказались слишком высокой "социальной ценой" реформ даже на фоне еще не забытых безобразий перонистов и вызванной ими гражданской войны. К тому же внешний госдолг возрос с \$4,3 млрд. в 1975 г. до \$43,6 млрд. в 1983г. И в результате в 1983 г. военный режим был свергнут, несмотря на его очень мощный "полицейский ресурс".¹³

В царской России проблема социальной устойчивости решена не была. Она даже не вполне осознавалась. Как показано ниже в главе 6, это и привело, в конечном итоге, к революции.

Конечно же, в ходе последовавшей за революцией гражданской войны в Советской России было не до обсуждения социальной устойчивости и социальных конъюнктурных рисков. Но уже сразу после гражданской войны правительство, понимающее масштабы и взрывной потенциал разбуженных революцией масс, начало

¹² И.М.Супоницкая. Монополии и антимонополизм в США в конце XIX века. //Экономика и политика: взаимосвязь и взаимовлияние. М, АН СССР, 1990, с. 136-137.

¹³ Е.С.Колокольцева. "Неолиберальный эксперимент" в Аргентине 70-х годов. //Экономика и политика: взаимосвязь и взаимовлияние. М, АН СССР, 1990, с. 252-264.

уделять повышенное внимание социальным обязательствам перед работниками.

Так, например, в первом концессионном договоре времен НЭПа, заключенном с А.Хаммером на разработку Алпаевских месторождений асбеста на Урале, параграфы 14, 15, 16 посвящены обязательствам Хаммера по соблюдению требований всех создаваемых Россией надзорных служб (горной, санитарной, противопожарной, технической и т.д.), а также по охране труда, социальному обеспечению, найму и увольнению работников, минимальной зарплате.¹⁴

О том, как и почему создавалась мощная и всеобъемлющая система социальной защиты после Великой Отечественной войны, подробно сказано выше.

В Новой России в момент входа в рынок (что, по понятным причинам, неизбежно создавало социальное напряжение) сохранение системы социального обеспечения, включая большую часть субсидий коммунальному хозяйству, было абсолютной необходимостью для того, чтобы застраховать страну от социальных рисков на длительный период¹⁵. Однако, как известно, в действительности систему социального обеспечения (и связанные с ней социальные затраты) начали сворачивать.

Подчеркнем, что ее сворачиванию, отчасти, объективно способствовали особенности менталитета большей части населения России, у которого навыки к самоорганизации для сопротивления подобным мерам были полностью уничтожены в советские времена. Отсюда и возникла иллюзия, что Россию можно быстро и безболезненно перевести из режима высоких социальных расходов – в режим низких социальных расходов латиноамериканского типа. При этом полностью игнорировалось, например, то, что большинство территории Латинской Америки – в зоне тропиков, а Россия – в зоне весьма холодного климата.

В результате безболезненного перехода (что сегодня уже вполне очевидно) не получилось.

Во-первых, эксперты обоснованно связывают с избранным вариантом перехода трагические события 1993 г. События, которые, заметим, оказали буквально парализующее влияние на

¹⁴ В.Л.Мальков. "Феномен Хаммера". Из истории советско-американских экономических отношений. // Экономика и политика: взаимосвязь и взаимовлияние. М, АН СССР, 1990, с. 166-167.

¹⁵ О фиктивности, например, значительной части "субсидий на жилищно-коммунальную сферу" в постсоветское время – см. Л.С. Черной. Экономика, рынок, государство. М., «Наука», 2000, с. 123-126, 175. Субсидиями в России сейчас именуют те затраты на ЖКХ, которые во всем мире субсидиями не считают и оплачивают за счет бюджета.

потенциальных вкладчиков капитала в Россию. И произошло это потому, что 1993 г. поставил для этих вкладчиков под большой вопрос легитимность российской власти и, соответственно, проводимых ею реформ.

Во-вторых, сжатие социальной сферы на фоне острого кризиса (что практически никогда и нигде не делалось) – привело к фактическому бегству множества наиболее квалифицированных работников за границу.

В-третьих, свертывание социальной сферы автоматически усилило центробежные тенденции в весьма непрочном государстве. И оно, несомненно, является одной из основных причин если не возникновения чеченского кризиса, то его длительности и остроты.

Однако основное значение имеет потенциальное влияние свертывания социальных расходов на будущую социально-политическую стабильность в России. Растущая масса обездоленных – крайне взрывоопасный материал, даже если он пока и не проявляется в массовых протестных акциях. В этой ситуации острые кризисы, и даже распад государства, оказываются вовсе не исключены.

Причем, поскольку "мотором" новых социальных кризисов в стране станет, скорее всего, масса населения, вошедшая в сознательный возраст после 1991 г. и свободная от "советского" патологического страха перед властью, – основные кризисы, с которыми может столкнуться Россия при продолжении "антисоциальной" политики, оказываются наиболее вероятными между 2007 и 2020 гг.

Если говорить о непосредственном хозяйственном измерении данного вопроса, то нужно напомнить, что цикл "производственные инвестиции – амортизация – получение прибыли в объемах, оправдывающих инвестиции" для крупных проектов составляет не менее 15 лет. Ясно, что при описанных выше рисковом социально-политических обстоятельствах склонность частного российского и зарубежного капитала финансировать крупные долгосрочные проекты в России становится, по меньшей мере, сомнительна.

Упрощая и огрубляя проблему, можно сказать так: система социальных расходов – это подкуп населения для того, чтобы оно вело себя "спокойно". Причем "спокойствие" населения при этом не самоцель, а важнейший фактор гарантирования возврата инвестиций и нормального развития рыночной хозяйственно-экономической среды.

У нас же решили, что "социальный подкуп" не нужен, что население будет сохранять спокойствие при любых социально-экономических тяготах. И эта иллюзия слишком напоминает "расчеты" царя и его окружения в начале XX века на то, что

революция в России невозможна (по крайней мере, при наличии усиленного полицейского режима, который властью постоянно практиковался, начиная с царствования Александра III).

Два года назад крупный западный предприниматель, осведомленный о ситуации у нас в стране далеко не только по газетам, ответил на предложение инвестировать в России решительным отказом со следующей мотивировкой: "Как можно рассчитывать на возврат долгосрочных инвестиций при такой нищете и асоциальности огромных масс населения? Я уже потерял на этом немалые деньги в Африке. Да и где гарантии, что лет через десять такую нестабильную Россию не поделят между Китаем, Европой и исламом?".

Таким образом, капитал не идет в Россию, в том числе, и потому, что слишком вероятны социальные и военно-политические кризисы. И никакими налоговыми льготами и тарифными послаблениями это обстоятельство не отменить.

1.3. Конъюнктурные риски "властно-элитного фаворитизма"

Далее, одной из основных причин постоянного наличия в России высоких хозяйственных рисков является то, что власть в стране, начиная с возникновения Московского царства, всегда была ориентирована на обслуживание относительно немногочисленных "элитных" социальных групп. При этом, обслуживая указанные группы, она, как правило, почти полностью игнорировала прочее население (включая даже относительно привилегированные, социально и экономически активные, слои).

В XVI – первой половине XVII веков этой "обслуживаемой государством" элитой были, в первую очередь, помещики (получавшие доход с обязанных их содержать крестьян, тогда еще не числившихся собственностью помещиков). Кроме них, во второй половине XVI века в число привилегированных "бенефициаров" российской власти входит английская "Московская компания", а затем и ее голландские конкуренты.

Здесь следует подчеркнуть характерную последовательность событий: сначала Московская компания берет на себя обеспечение всех внешнеторговых связей государства, а вскоре следует разгром Новгорода, который тогда был основным "окном" России в Европу. Именно так с середины XVI по середину XVII веков российский торговый класс был "с головой" выдан английским и голландским конкурентам. В этот период он не развивался, а деградировал, и в результате оказался около 1649 г. где-то на уровне эпохи Ивана Калиты (первая половина XIV века).

Согласно распространенным ныне представлениям, это было нормально, и российские купцы должны были "конкурировать" с английскими и голландскими собратями. Но как раз конкурировать они и не могли.

Во-первых, по причине отсутствия доступа к производителям импортных товаров западного происхождения (при полной невозможности, в силу фактора технической отсталости, налаживания их производства в России).

Во-вторых, и это очень существенно, они не могли конкурировать с англичанами и голландцами потому, что западные компании имели в своем распоряжении крупные кредитные источники финансовых ресурсов, а в России таковых в то время просто не было (как фактически нет, к огромному сожалению, и сегодня).

В-третьих, они не могли конкурировать по той причине, что правовая защищенность английского или голландского купца была много выше, чем у купца российского (последний ее фактически не имел).

В-четвертых, со слабо организованным, разобщенным российским купечеством конкурировали не отдельные, например, английские купцы, а Московская компания, с ее огромными финансовыми ресурсами и мощной политической поддержкой со стороны английского правительства. Причем в условиях, когда, по причинам политического характера, московские государственные власти длительное время капитулировали фактически перед любым английским нажимом.

В-пятых, Московская английская компания, надолго практически монополизировавшая российский рынок экспортных товаров, постоянно вымогала у правительства налоговые льготы. Вся история ее контактов с Московским двором – это успешное вымогательство льгот и просто казенных подачек¹⁶.

Одним словом, во второй половине XVI века – первой половине XVII века на рынках ключевых товаров России "конкурировали" мощные торговые ТНК (английские и голландские), с одной стороны, – и слабосильные индивидуальные российские предприниматели, с другой. Исход этой конкуренции не мог не быть точно таким же плачевным, каким он бывает в аналогичных ситуациях сегодня. (В скобках отметим, что подобный исход очень вероятен для большинства рынков России в случае ее поспешного и непродуманного вступления в ВТО).

¹⁶ Яркое представление о действиях Московской компании в России дают записки Джерома Горсея, ее агента и одновременно представителя английского правительства в Москве: Джером Горсей. Записки о России. XVI – начала XVII в. М., Изд. Московского Университета, 1990.

В конечном счете, описанная выше система внешней торговли оказалась настолько убыточной для казны, что во второй половине XVII века ее ликвидировали. Но потери в сфере развития собственного рыночного хозяйства, вызванные практикой открытия внутреннего рынка для иностранных конкурентов и репрессивной политикой в отношении собственных агентов рынка (включая разгром Новгорода), разумеется, не могли быть компенсированы – и не были компенсированы.

Рядовой купец в России XVI-XVII веков сталкивался с еще одной проблемой – ставкой правительства, выражаясь современным языком, на "уполномоченных предпринимателей", тесно связанных с правящими сферами и выступающих, при необходимости, в качестве агентов правительства. Это так называемые "гости" (в середине XVII века – около 30 человек) "гостиной" и "суконной" сотен. Кроме того, в аналогичной роли часто выступали и иностранные купцы.

В дальнейшем эта система трансформировалась в систему уполномоченных предпринимателей, работавших в основном на казну и на экспорт и тесно связанных с правительственными сферами (достигшую расцвета при Петре I), а также в систему откупов. Последняя сохранялась вплоть до царствования Николая I.

Но несомненными фаворитами власти в самодержавной России все же оставались помещики. В 1649 г. Уложение, принятое Земским собором, навсегда закрепляет крестьян за помещиками и вотчинниками, а при Петре I разница между поместьем (помещик до этого пользовался поместьем, но оно было государственной собственностью) и вотчиной (частной собственностью) была полностью стерта. В конечном счете, были приватизированы и крестьяне, и земля.

Мотивировалось это, разумеется, интересами "службы" и государства (как сейчас многие неэффективные властные хозяйственные начинания мотивируются "потребностями рынка и развития экономики"). Результатом приватизации крестьян и земли был на деле огромный рост социальной нестабильности в стране и серия острейших социальных и политических кризисов.

Но уже Петр III отказался от обязательной службы помещиков ("Указ о вольности дворянской"), а Екатерина II закрепила такое положение. В то же время, государству приватизация земли и крестьян помещиками не дала фактически ничего. Это хорошо понимали уже во времена царевны Софьи (конец XVII века). По существу, это была чистая уступка корпоративному элитному интересу (о ее причинах речь пойдет ниже).

Аналогичные уступки многократно делались и после ликвидации крепостного права. Постоянно, вплоть до начала XIX

века и даже позднее, в разных формах возрождалась система "уполномоченных предпринимателей". И постоянно же делалась ставка на иностранный капитал, которому явно отдавалось предпочтение перед капиталом отечественным.

Так, при графе Витте и его преемниках экономическая политика государства была подчинена, прежде всего, задаче привлечения иностранного капитала, тогда как собственные "поданные" ставились в явно худшие условия. Примером чему является и сохранение законодательства о крестьянах, ставившее их в особые невыгодные условия хозяйствования, и сохранение режима "черты оседлости" (и в политическом, и в экономическом плане бессмысленное и вредное, что было, в конце концов, окончательно признано только во время Первой мировой войны).

Во время Первой мировой войны политика российской власти изменилась по адресу, но не по содержанию. Теперь правительство пыталось фактически подкупить промышленную буржуазию, обеспечивая ей по военным заказам фантастические прибыли (впрочем, в каком-то смысле сходная политика "подкупа" промышленной буржуазии проводилась и ранее – в XIX веке, во время Крымской войны).

Таким образом, властный режим, существовавший в России до 1917 г., до своих последних дней был верен себе. То есть, шел на огромные социальные риски, проводя политику избирательного элитного социального подкупа. Причем необходимо отметить, что эту политику отчасти унаследовала и советская власть (фактический подкуп льготами и привилегиями номенклатуры).

И, к сожалению, эта же политика обеспечения экономических интересов узких групп населения (заметим, что объективно даже не долгосрочных, а краткосрочных интересов), невзирая на социальные риски, – вновь начала использоваться после 1990 г.

Уже упоминавшееся выше сокращение социальных расходов в условиях быстро падающего ВВП – в первую очередь, компенсировало снижение доходности частного сектора из-за снижения валового оборота. Огромные размеры вывоза капитала показывают, что экономика России работает в режиме образования и перераспределения сверхприбыли, причем лица наемного труда практически полностью отстранены от участия в этом процессе.

При этом со временем в системе основных корпоративных "фаворитов" нынешних российских реформ происходили определенные изменения.

В 1989-1991 гг. это были кооператоры и директора предприятий.

Затем ими стали крупные приобретатели приватизируемых активов (соответственно, ваучерная приватизация была проведена

так, чтобы максимально сбить стоимость ваучеров, что достигалось сокращением срока их реализации).

Затем в "фавориты" вышли отечественные и зарубежные приобретатели государственных ценных бумаг, прибыльность которых была настолько велика, что относительно небольшой их выпуск обанкротил государство.

В течение всего периода после 1985 г. ими были экспортеры и иностранные инвесторы спекулятивного капитала.

Сегодня явные "фавориты" – экспортный сектор отечественной экономики и ТНК.

Что дело обстоит именно так, показывают планы форсированного вступления России в ВТО, настойчиво предлагаемые правительством. Заметим, что они "продавливаются" властью в условиях полной неспособности экономики России функционировать в открытом режиме (что и показал опыт практически открытого российского рынка последних 10 лет).

Наличие этих планов показывает, что предпринимательское сообщество России уже перестает быть "фаворитом" правительства. И тогда этим "фаворитом", скорее всего, станут наследники монопольной Московской компании времен Ивана Грозного, в виде современных ТНК.

При этом проблема вероятных будущих социальных и экономических рисков вновь игнорируется, как игнорируется и то, что экономика России находится в состоянии глубокого кризиса, который сам по себе является мощным генератором экономических и социальных рисков. А к ним в последнее время добавляются и растущие внешнеполитические и внешнеэкономические риски.

1.4. Внешнеполитические и внешнеэкономические конъюнктурные риски

Потенциал таких рисков не только не снижается, но и, напротив, непрерывно растет. Причем это относится и к внешнеполитическим рискам. И, прежде всего, потому, что, после распада СССР и резкого снижения всех совокупных потенциалов России, в современном мире существуют только два реальных крупнейших силовых и экономических центра – США (с их инструментом в виде НАТО) и Китай. А Россия оказывается политически, экономически и географически в промежуточной зоне между ними.

Любой внимательный наблюдатель видит, что наша страна пытается двигаться в этой зоне крайне осторожно и по весьма сложной траектории. И даже сам этот факт убедительно демонстрирует, что мы снова оказались в зоне высоких внешнеполитических рисков (как это бывало в истории России

неоднократно в ситуации, когда военный аппарат и хозяйственный потенциал России существенно ослабевал).

Но это же видит и внимательный западный наблюдатель! На Западе открыто обсуждаются планы раздела России на сферы влияния, или просто политического раздела, открыто публикуются соответствующие карты, на которых вместо России показаны несколько будущих "независимых государств".

Ситуация, когда в популярных и респектабельных журналах для деловой элиты ставится и спокойно обсуждается вопрос о "мире без России", – разумеется, оказывает очень сильное влияние на международное предпринимательское сообщество и на его склонность к экономическому сотрудничеству с нашей страной.

При этом следует отметить, что наше вступление в ВТО не создает никакой принципиально новой экономической реальности в отношениях России с Европой и США (поскольку Россия и так почти полностью экономически открыта на Запад). Однако оно создает принципиально новый потенциал открытости в отношении КНР (которая уже является членом ВТО). После вступления России в ВТО острая конкуренция российских субъектов рынка с китайскими – становится неизбежной.

Но при этом нельзя не учитывать, что вся крупная промышленность в Китае – государственная (более того – жестко и эффективно планируемая), что за китайскими субъектами рынков стоит сверхмощная инвестиционная система Китая, кредитующая почти исключительно реальный сектор, что конкурентный потенциал экономики Китая колоссален и непрерывно растет, а российский – незначителен и неуклонно падает.

С учетом сказанного, можно смело утверждать, что российские предприниматели окажутся в подобной конкуренции в явно слабом и невыгодном положении. Более того, ряд экспертов небезосновательно утверждает, что в этих условиях становится вполне вероятным весьма быстрое экономическое поглощение ключевых сегментов экономики России Китаем – в целом или по частям.

Такова ситуация с рисками, влияющими на рыночную систему России в целом. С точки же зрения отдельного предпринимателя (субъекта рынка) – ситуация еще хуже. Хуже хотя бы потому, что "частная" финансовая устойчивость этого отдельного предпринимателя – безусловно, ниже финансовой устойчивости рыночной системы.

Если рассматривать период Московского царства (в известном смысле, классический для российской рыночной системы), то источниками конъюнктурных рисков для рядового российского предпринимателя являлись:

- правовая необеспеченность социального и хозяйственного положения, взятки и поборы чиновников;
- отсутствие личной безопасности, в том числе, из-за огромного числа криминальных элементов (что характерно для практически всех средневековых обществ, но в особенности – для обществ, регулярно социально и хозяйственно дестабилизируемых военными набегами и внутривполитическими кризисами);
- существенная вероятность резких изменений условий хозяйственной деятельности в результате непредвиденных акций власти, а также в результате возможных войн;
- наличие протезируемых властями конкурентов;
- организационное и техническое (в широком смысле слова) превосходство этих конкурентов, к тому же располагающих мощными источниками кредита;
- предпочтение, отдаваемое властями иностранным предпринимателям, особенно организованным в крупные компании;
- слабость и неустойчивость внутреннего спроса при глубоко дискриминационном режиме деятельности на внешних рынках.

Рассматривая приведенный перечень рисков, приходится признать, что в сегодняшней России отечественный предприниматель находится, за небольшими исключениями, почти в таком же плачевном положении, как и в Московском царстве. Но вослед за этим приходится также признать, что в подобных условиях современное, конкурентное в глобальном смысле, частное предпринимательство (и эффективное народное хозяйство в целом) – оказывается под большим вопросом.

Резюмируя, следует подчеркнуть, что рыночная система России всегда функционировала в условиях высоких военных, политических, социальных и чисто экономических (с точки зрения интересов хозяйственного развития в целом) рисков, оказавших на нее самое негативное влияние. Сегодняшний день – вовсе не исключение из этого "правила". Но нынешние экономические реформы, к сожалению, проводятся без серьезного учета всех перечисленных рисков и их влияния на предпринимательство и эффективность хозяйствования в целом.

Наконец, никак нельзя сбрасывать со счетов крайне важные для функционирования и развития российского хозяйства специфические факторы. Прежде всего, факторы климатические (зона рискованного земледелия, очень высокая доля непроизводительных "климатических" затрат энергии, сырья и продукции) и факторы географические (гигантские коммуникационные расстояния между рынками и сегментами рынков).

А о том, что, в частности, климатический фактор в условиях открытости экономики оказывается в качестве источника конъюнктурных рисков (в силу его способности повышать издержки и вызывать вариации конъюнктуры) особенно опасным – написано достаточно много и доказательно¹⁷.

Таким образом, в течение более чем тысячелетия, со времен Хазарского каганата и даже раньше, рыночное хозяйство России развивалось в условиях перманентно высоких совокупных хозяйственных рисков. В своем развитии оно многократно отбрасывалось назад (1917 г. в этой цепи – лишь один, наиболее близкий к нам исторический хозяйственный перелом). Тогда как на Западе Европы такие глобальные экономически-регрессивные события происходили лишь однажды – в эпоху (хотя, конечно, весьма длительную) кризиса римской цивилизации.

Если брать в целом весь период попыток создать в России более или менее современное рыночное хозяйство, то оказывается, что под давлением военных, социальных и политических рисков рыночное хозяйство в России все время развивалось в неэффективном режиме. А периодически – просто уничтожалось (крах Хазарского каганата, монгольское завоевание, уничтожение новгородской рыночной структуры Иваном III и Иваном IV, смута начала XVII века, 1917 год).

Но и сегодня Россия не вышла из зоны острых социальных и политических рисков. И эта историческая особенность нашей страны является очень важным принципиальным обстоятельством, во многом задающим или даже диктующим условия становления рыночной экономики.

В обобщенном виде эта ситуация показана на рис. 1.

¹⁷ К этому аспекту климатической проблемы России в последние годы привлёк внимание общества и специалистов А.П.Паршев (см.: Паршев. Почему Россия не Америка. М., "Форум", 2000). Однако значительно раньше эта проблема была поднята Ричардом Пайпсом (см. Р.Пайпс. Россия при старом режиме. М., "Независимая газета" М., 1993, с. 16-25).

Глава 2. Социокультурные условия и эволюция российской системы укладного полиморфизма

2.1. Экономическая значимость фактора укладного полиморфизма и его "неизбежность"

Достаточно распространенный подход к любой конкретной экономике состоит в отождествлении качества экономики с качеством преобладающего социально-экономического уклада. Принято, например, говорить об экономиках рабовладельческого, феодального, рыночного, административно-командного типа.

Учения о социально-экономических формациях (в наиболее яркой и строгой форме получившие развитие у К.Маркса и его последователей) неявно базируются на той посылке, что социально-экономическое качество общества в целом можно, хотя бы в первом приближении, отождествить с социально-экономическим качеством определенного (доминирующего) уклада, обладающего выраженной спецификой и способностью к воспроизводству в данных условиях.

Однако подобное отождествление в огромном большинстве конкретных случаев недопустимо. Реальная ситуация такова, что в "рабовладельческой" формации (по Марксу) экономическое и социальное значение рабовладения всего лишь выше, чем в "феодальном" обществе (и, тем более, в "капиталистическом" обществе). В "феодальном" обществе, опять-таки, значение "феодального уклада" (с характерными для него системами личной зависимости) – больше, чем в "рабовладельческом" и "капиталистическом" обществе. А при "капитализме" – значение "капиталистического" уклада больше, чем в рабовладельческом и феодальном обществе.

Но при этом, тем не менее, даже из "социалистического" общества "капиталистический" уклад вытеснить целиком не удалось, как не удалось полностью заменить рыночные отношения – административно-командными.

Реальное общество, реальное социально-экономическое целое – это всегда система укладов и субукладов. И при этом совсем не обязательно, чтобы в этой системе какой-то определенный уклад безраздельно "господствовал".

Рабовладение имело большое значение в античные времена, но "господствовало" ли оно всегда и всюду в период античности? Всецело положительный ответ на этот вопрос был, по существу, дан лишь Марксом и его последователями. А в действительности, согласно множеству скрупулезных исследований, практически для всех развитых обществ Средиземноморья времен античности была характерна комбинация из рабовладельческого уклада и

капиталистического уклада с преобладанием элементов торгового капитализма.

Но при этом, например, в Иудее рабство никогда не имело существенного хозяйственного значения в силу религиозных запретов на сверхэксплуатацию рабов. Карфаген вошел в мировую историю не как центр рабовладения, а как великий торговый город с высокоразвитым финансовым хозяйством и развитой же системой работы на рынок (правда, базирующейся преимущественно на рабском труде).

При этом в рамках карфагенского государства сам город Карфаген играл примерно такую же роль, как Лондон в рамках Британии в XVIII веке. Был у Карфагена и аналог британских колониальных владений в Новом свете – Испания.

Афины с зависимыми от них колониями – мало чем отличались от Карфагена. То же сочетание торгового капитализма и рабовладения, то же наличие колоний и развитого денежного обращения, то же преобладание социальных элементов, вовлеченных в систему рыночного капиталистического уклада.

Великий противник Карфагена и Афин, Рим, даже на ранних этапах своего государственного развития давал ту же картину, хотя и в менее ярком варианте. Разница состояла, прежде всего, в значительно более высоком удельном весе в римском хозяйстве мелкого землевладения.

Однако уже в период войн Суллы, Помпея и Цезаря роль финансовой аристократии в римской государственной системе была существенно больше, чем значение мелкого и даже крупного землевладения. В начале имперского периода Рим представлял (как ранее Карфаген), классическую комбинацию из рабовладения, системы торгово-финансового капитализма и развитого государственного хозяйства. Причем часть провинций Рима ("провинции Цезаря", то есть управлявшиеся административным аппаратом императора) непосредственно эксплуатировалась государством.

А вне цивилизационной ойкумены Средиземноморья тогда же доминировала "азиатская" комбинация из зависимого населения, крупных торгово-промышленных центров и чрезвычайно развитой системы государственного хозяйства, для обозначения которой (в основном применительно к ее индийскому и китайскому вариантам) Маркс изобрел термин "азиатский способ производства".

Укладный полиморфизм – постоянная черта всех более или менее крупных государственных образований с глубокой древности и, по крайней мере, вплоть до Второй мировой войны. Характерно, что "лидер капитализма" – Англия (с системой колоний и зависимых территорий), а затем Британская империя (королева Виктория

приняла титул императрицы Индии в последней четверти XIX века) – предъявляли с XVIII до первой половины XX веков картину максимального укладного полиморфизма.

Во времена Адама Смита и Давида Рикардо Англия была классическим капиталистическим государством, а в ее колониях процветало рабовладение (причем в XVIII веке вклад основанной на рабском труде экономики Вест-Индии в финансовое могущество Англии был едва ли не определяющим).

До промышленной революции Англия с зависимыми территориями в экономическом отношении стояла на двух "китах" – торговле и рабовладении, а в социальном отношении на трех "китах" – укладных системах торгово-финансового капитализма, рабовладения и крупного землевладения. Причем влияние чисто феодальных элементов и структур хозяйства на политическую жизнь Англии до последней неудачной попытки реставрации династии Стюартов (1745 г.) – было много больше, чем в России не только в XVIII, но даже и в XVII веке.

Однако ликвидация Британской империи отнюдь не устранила систему укладного полиморфизма с английской социально-экономической сцены. Начиная с 30-х годов XX века, происходило быстрое наращивание значения в социальной и экономической жизни Англии специфического уклада, связанного с системой государственного финансового и нефинансового хозяйства.

А после образования в Англии значительной диаспоры "цветного" населения – в укладную систему острова начали все более активно и прочно встраиваться соответствующие специфические "иноцивилизационные" субукладные элементы, с их особыми сферами занятости, демографической динамикой и другими отличиями.

Система укладного полиморфизма характерна и для политического и экономического наследника Британской империи – США. До гражданской войны 1861-1865 г.г. социальная и хозяйственная система США базировалась на двух укладах – рабовладельческом и "капиталистическом" в варианте свободной конкуренции. Первый доминировал в южных Штатах, второй – в Северных Штатах, свободных от рабства. (Заметим, что это – в своем роде "классический" пример многоукладной системы, в которой различные уклады доминируют в разных частях хозяйственной территории одного и того же государства).

Причем ликвидация рабовладения лишь на некоторое время повысила степень укладной унификации американской хозяйственной системы.

Во-первых, результатом "реконструкции" Южных Штатов, проведенной победителями-северянами (в основном – с целью

передела имущества в свою пользу), стала существенная дезорганизация экономики Юга и формирование там застойного аграрного общества с преобладанием крупного землевладения.

Побежденные реагировали на данную "реконструкцию" (очень напоминавшую по своим хозяйственным результатам российскую реформу), в том числе, и созданием знаменитого ку-клукс-клана. Который, как специфический социальный институт, оказал весьма мощное и исторически длительное влияние на социально-экономическое развитие Южных Штатов.

Во-вторых, принятие "закона о гомстедах" способствовало чрезвычайному укреплению в социальной и экономической жизни США позиций мелкого землевладения, которые были постепенно подорваны лишь экономическим развитием второй половины XX века. Пожалуй, ни в одной развитой стране мира мелкие фермеры не оказали столь значительного влияния на сферу экономического законодательства, как в США.

Так, к концу 30-х годов XX века сельское хозяйство США было в существенной степени выведено из сферы действия рыночных сил. Сложился особый сельскохозяйственный уклад, который существует до сих пор в почти неизменном виде, хотя на первое место в сельскохозяйственном бизнесе США вышли крупные (пусть и менее масштабные, сравнительно с мега-корпорациями в других отраслях) производители.

В-третьих, крах рабовладельческих штатов ускорил развитие совершенно особого социального и хозяйственного уклада, сформировавшегося еще в первой половине XIX века на новоосваиваемых территориях. Характерной особенностью этого уклада является функционирование социального механизма в основном за пределами общегосударственного правового поля. В течение всего XIX века часть американской территории накрывалась правовым полем, а часть – нет.

Последняя часть, правда, постепенно сокращалась. Но, по мере ее сокращения, проявилась тенденция к формированию особого внеправового хозяйственного уклада. Или, говоря проще, криминальной и субкриминальной экономики. Причем уже в пределах территории, "накрытой" правовым полем.

Период после Гражданской войны ознаменовался в США формированием еще одного, ранее неизвестного специфического хозяйственного уклада (или субуклада) – системы крупных корпораций-трестов. Эта система к концу XIX века взяла под контроль основную часть транспортной системы и все новые отрасли промышленности. Но и некоторые из старых отраслей (в том числе металлургия, нефтяная промышленность,

электромашиностроение, позднее автомобилестроение) – также оказались вовлечены в структуры трестов.

Место конкурентных отношений в системе крупных корпораций (в том виде, какой она приобрела в США уже в 80-е – 90-е годы XIX века) заняли соглашения (в основном негласные) о ценах, дележе рынков, а также более сложные соглашения картельного типа. Началась "эпоха монополий".

То, что крупный бизнес "монополий" (хотя, конечно, на практике это была олигопольная система) противостоит среднему и мелкому бизнесу, что это особая хозяйственная система, – было осознано в США очень быстро. Результатом явилось антимонопольное законодательство (а еще до его появления – создание комиссий по контролю за ценами "естественных монополистов"). Комиссия по торговле между штатами, контролировавшая цены транспортных перевозок, в Америке появилась в 1887 году, а возникновение здесь первых таких комиссий относится к 70-м годам XIX века.)¹⁸.

Однако и тогда, и в дальнейшем интеграция крупными корпорациями системы мелкого и среднего бизнеса – отнюдь не привела к формированию в рамках экономики США (или, по крайней мере, ее несельскохозяйственного сектора) некоего унифицированного экономического уклада.

Во-первых, сама эта интеграция была далеко не полной, причем система малого и среднего бизнеса интегрировалась не только с системой крупных корпораций (через участие в капитале, коммерческом кредитовании, работу на субподрядах и другие формы зависимости), но и с системой нелегитимной ("серой" и "черной") экономики. Теневая экономика сегодня – это, прежде всего, экономика малых и средних фирм.

Во-вторых, по мере роста экономического значения системы крупных корпораций – увеличивалось и экономическое значение теневой экономики как таковой. Последняя превратилась (подчеркиваем, что речь идет именно о США) в своеобразный экономический уклад (субуклад). Развитие этого внеправового хозяйственного уклада получило особенно мощный толчок после введения так называемого "сухого закона", который и создал, собственно, в США крупную организованную преступность в экономически значимом варианте.

Сегодня в США модно предъявлять России всевозможные претензии по поводу экономической преступности. Но в действительности – ничего подобного американской организованной преступности периода ее расцвета (то есть времен 20-х – 80-х годов

¹⁸ К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю. Экономикс. Принципы, проблемы и политика. М. "Республика", 1992, с. 227.

XX века) в России не было и (пока?) нет. И хотя о криминальном хозяйственном субукладе в США говорить сегодня не принято, в то же время, нет никаких признаков того, что наркобизнес в США в недалеком прошлом или сейчас сократил свой обороты.

На этом примере можно видеть, что криминальная хозяйственная система может быть очень устойчивой, и что экономическая либерализация может не препятствовать, а способствовать её развитию. На рубеже 1980-х годов, по оценкам американских специалистов, доля крупного бизнеса в ВВП США составляла 30–40%. Но тогда же, по оценке тех же американских специалистов, доля теневой экономики в ВВП была от 14% до 23%, то есть всего вдвое меньше¹⁹.

В-третьих, параллельно росту системы крупных корпораций – увеличивался и удельный вес в экономике государственного хозяйственного уклада, или, проще, занятости на государственных предприятиях и в госучреждениях. А кроме этого, начиная с 30-х годов XX века, крупные размеры приобрел специфический экономический субуклад чистых "потребителей государственных экономических благ", или государственных иждивенцев (безработные, пенсионеры и т.п.).

Наконец, в качестве своеобразного экономического субуклада можно, видимо, рассматривать и военно-экономическую деятельность, Которая, как известно, в США приобрела сверхкрупные размеры. И которая, в особенности после Второй мировой войны (в эпоху ракетно-ядерного оружия), превратилась в стабильную и мощнейшую экономическую (а значит, и политическую) институцию.

Классическая экономическая теория и ее современные варианты, чаще всего, рассматривают рыночную экономику как однородную в системном смысле среду. В действительности же любое рыночное хозяйство, безотносительно к внешним регулирующим воздействиям на него (или даже при их практическом отсутствии), всегда представляет собой сложную систему взаимосвязанных экономических укладов и субукладов, характеризующуюся определенной спецификой экономических трансакций как рыночного, так и нерыночного характера.

В общем случае отношения между рыночными укладами (и экономическими укладами вообще) являются отношениями дополненности (хотя одновременно они часто являются и отношениями конкурентности). Таким было положение и в период

¹⁹ Business weekly 05.04.1982. (статья "Скрытая сила подпольной экономики").

античности, и в Средние века, и при Адаме Смите. И таким же оно является ныне.

При этом следует особо подчеркнуть, что укладная структура рыночного хозяйства в общем случае вовсе не упрощается и не унифицируется с повышением его либерализованности и приватизированности. Поэтому свойства любой экономики в любой момент определяются не только показателями ее либерализованности и приватизированности, но и спецификой системы составляющих ее укладов и субукладов. И, соответственно, определенным спектром укладообразующих факторов, часть из которых носит, по преимуществу, внеэкономический (прежде всего, социокультурный) характер. На это обстоятельство в той или иной мере указывали многие исследователи (в частности, М.Вебер²⁰).

Более того, специфика данной экономики в любой момент является, видимо, прежде всего, функцией исторического развития и взаимовлияния укладообразующих факторов, действующих в конкретном социальном и географическом пространстве.

И потому для понимания специфики нынешней экономики России требуется анализ и учет как действовавших ранее, так и имеющих место в сегодняшний момент укладообразующих факторов.

2.2. Эволюция и социокультурная преемственность системы экономических укладов в России

2.2.1. Специфика системы экономических укладов Хазарского каганата как предшественника Российского государства

Хозяйственная территория Хазарского каганата заключала в себя пространство между Волгой и Днестром, современное Предкавказье и примыкающую к Волге с Востока полосу. Как и для многих государственных образований Средней и Центральной Азии в период политического доминирования в этом пространстве кочевых народов и номадических империй (в частности, также и для Золотой Орды), для Хазарского каганата была характерна комбинация из трех хозяйственных систем – системы кочевого хозяйства, системы оседлого земледелия и торгово-ремесленной системы (или того, что М.Н.Покровский и ученики его школы именовали торговым капитализмом).

²⁰ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма.//М.Вебер. Избранные произведения, М., Прогресс, 1990, с. 77-79.

К данному перечислению необходимо добавить еще и наложенное на эти "первичные" хозяйственные системы (и соответствующие уклады) государственное хозяйство. Которое, как правило, осуществляло перераспределение общественного продукта в пользу кочевого социально-хозяйственного сегмента.

В каждый данный момент "степь" как таковая, то есть система кочевого хозяйства, могла прокормить лишь относительно небольшое население. А при перераспределении общественного продукта, создаваемого хозяйственной системой в целом, в пользу кочевого населения, – подконтрольное население могло быть значительно большим.

Но политическая устойчивость государств типа Хазарского каганата и позднее Золотой Орды – прямо и непосредственно зависела от их военной мощи. А военная мощь определялась, прежде всего, численностью кочевого населения и, следовательно, способностью государства перераспределять ресурсы в его пользу.

Такие государства, мобилизуя (посредством налогообложения в натуральной и денежной форме) ресурсы вне системы кочевого хозяйства (прежде всего, дань от подвластных народов и территорий), поддерживали и наращивали свою военную мощь. Уровень этой мощи в такой укладной взаимозависимости, в свою очередь, прямо и непосредственно определялся масштабами "подданных" территорий и их населения.

Заметим, что классическая рыночная теория рассматривает исключительно экономическую систему, в которой хозяйственные риски не связаны с уровнем государственных расходов (последние для этой теории являются чистым нагрузочным фактором экономики). Однако в условиях таких систем, как Хазарский каганат или империя Чингизидов, территория которых была открыта для внешних военных вторжений (и была, следовательно, объектом потенциальной дезорганизации хозяйственной деятельности), перераспределительная эффективность государственной системы была практически единственным экономическим механизмом, способным свести до разумных значений хозяйственные риски для всего (и кочевого, и оседлого) населения.

На практике хозяйственная деятельность в образованиях, подобных Хазарскому каганату, всегда связана с высоким уровнем рисков, причем в числе этих рисков, не в последнюю очередь, – и сама политическая конструкция с характерной для нее слабостью системы нормативных "тормозов" в отношении произвола власти.

Совокупность перечисленных моментов ограничивала возможности накопления эффектов развития в хозяйственной системе каганата во времени, и автоматически лимитировала возможности развития торгово-ремесленной сферы и системы

рыночных трансакций. Кроме того, развитие хозяйственной системы Хазарии было существенно подорвано войнами каганата с Багдадским халифатом, когда арабские армии проникали на территорию каганата вплоть до современной Самары.

Тем не менее, контроль над Волжским водным путем удерживался каганатом еще в середине X века: в 964 г. вятичи по-прежнему платили дань хазарам²¹. Известный поход Святослава в 965 г., безусловно, нанес существенный ущерб экономике каганата. Но причиной его гибели и распада стало, в первую очередь, перемещение с Востока на Запад в X веке новых масс азиатских кочевников – половцев (кыпчаков).

Гибель каганата под ударами половцев датируют первой половиной XI века, а ее результатом был полный упадок к концу XI века значения Волги в качестве крупного торгового пути. Это значение в полной мере восстановилось только в XIV веке²².

История и специфика хозяйственной системы Хазарского каганата (как и многих других государственных образований Средней и Центральной Азии) показывает, что поступательное развитие системы хозяйственных укладов в направлении их глубокой маркетизации и формирования рыночной системы того типа, который сформировался в Европе в XIII – XIV веках (а в Суньском Китае в XI – XIII веках), – может катастрофически прерываться действием внесистемных факторов. И, более того, может сменяться процессами регрессивной трансформации всей укладной структуры за счет усиления позиций более примитивных укладов и "вымывания" из экономики наиболее перспективных "рыночных" укладов.

В Европе такого рода тотальная регрессивная трансформация системы хозяйственных укладов имела место только однажды – в период краха Западной Римской империи и возникновения системы варварских королевств. Причем западные историки и экономисты указывают, что эта регрессивная трансформация сказывалась на хозяйственном развитии Европы много столетий, а в некоторых регионах, в какой-то мере, сказывается и поныне.

Однако на территории бывшего СССР, или в пределах территории бывшей Российской империи, а равно и на примыкающих территориях Центральной и Южной Азии и в Китае, регрессивная трансформация системы хозяйственных укладов в последние два тысячелетия проявлялась многократно. Причем происходило это под влиянием как внесистемных факторов, так и

²¹ Полное собрание русских летописей. М. 1991. т.II, с. 53.

²² Там же, с. 55

внутрисистемных факторов – внутренних политических и социальных кризисов.

И такая специфика хозяйственной истории – просто не может не сказываться и на социально-политической динамике, и на современных стилях массового хозяйственно-экономического поведения.

2.2.2. Динамика социальной структуры и хозяйственных укладов Древнерусского государства

Одним из крайне важных, сложившихся еще в дохристианские времена, социокультурных факторов эволюции и становления хозяйственно-экономической деятельности на Руси, согласно многочисленным историческим анализам²³, стало развитие специфической территориально-соседской общины в виде объединения семейных общин, как основной формы социальной и хозяйственной организации практически всего деятельного населения.

Хозяйственная жизнь в лесной и лесостепной зоне, которая стала основным ареалом расселения "проторусских", базировалась в основном на натуральном или почти натуральном хозяйстве, в основные отрасли которого входили земледелие на освобожденных от леса участках, скотоводство, охота, рыболовство, собирательство, бортничество. Глубина хозяйственной зависимости от торговли была крайне невелика, роль товарно-денежных отношений ничтожна, уровень социального расслоения по имущественному признаку незначителен.

Но, в то же время, описанная специфика существования, с учетом сурового (по сравнению с большинством исторически сосуществовавших цивилизационных ареалов Евразии) климата и низкого природного воспроизводственного потенциала территории, практически не оставляла шансов на выживание в индивидуальных или узкосемейных социальных формах.

Большие пространства со сравнительно низким "потенциалом грабежа", где оседлое трудовое население не испытывало ни мощного конкурентного давления со стороны "безземельных" соседей, ни серьезной опасности от грабительских набегов, создавали предпосылки для устойчивого самовоспроизводства обрисованной укладной системы. Заметим, что даже взаимная ассимиляция восточнославянских и финно-угорских элементов не оставила никаких исторических свидетельств серьезной межплеменной и межгрупповой конфликтности.

²³ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М. Наука, 1993, с. 245-248.

Богатство как социальный фактор в этих условиях оказывалось "малофункциональным" как в статусно-ролевом смысле, так и в смысле обеспечения индивидуального или семейного уровня жизни. И потому достигательные мотивации "приобретательского" характера либо не имели серьезного социального и экономического значения, либо, нередко, просто репрессировались общиной, поскольку угрожали ей расслоением и распадом. Можно даже предположить, что именно эти унаследованные социокультурные стереотипы ведения хозяйства в далеком будущем в какой-то мере трансформировались в массовое распространение религиозного "нестяжательства".

Будучи расположены вдали от "набеговых зон" номадических империй раннего средневековья, ареалы расселения "проторусских" племен не могли не закреплять в этнокультурной традиции и не включать в менталитет, сакрально-обрядовые и бытовые стереотипы – именно такой тип общинного существования.

Отметим, что в южной, степной зоне Древней Руси данный тип укладной и этнокультурной структуры хозяйствования постоянно подвергался испытанию и "размыву" в результате нарастающего дефицита пахотных земель, быстрого становления племенных властных иерархий и набегов степняков. Большую роль в его ослаблении играла и необходимость производства прибавочного продукта для дани, которую требовалось платить возникающей собственной раннекняжеской власти или захватчикам-победителям.

Но в северной полосе расселения проторусских – данный социокультурно-укладный тип длительное время (вплоть до создания относительно централизованной "варяжской" княжеской государственности, а кое-где до эпохи монгольского завоевания или даже позже) сохранялся без масштабных изменений.

Исходная точка развития системы хозяйственных укладов Древнерусского государства – это натуральное хозяйство земледельческого типа. Охота, рыболовство, бортничество и пр., как и ремесло и торговля, играли в нем (как и много позднее) роль подсобных промыслов. Прибавочный продукт отделялся от производителей в основном в виде дани. Развитие государственной хозяйственной системы, а в связи с ней городов, торговли, ремесел началось фактически только после установления сильной княжеской власти (социально-политического события отечественной истории, которое чаще всего связывают с "призванием варягов").

Исходное состояние древнерусской хозяйственной системы – примерно такое же, каким оно было у древних германцев во времена Тацита. Частная собственность на землю – отсутствовала. Ее заменяло устанавливаемое по обычаю (или, реже, силой) право

пользования земель данной родовой общиной, племенем или племенным союзом.

С этого же начиналось развитие государственной хозяйственной системы и на Руси. Князья определяли размер дани и разверстывали ее по "подданным". Затем создавался (тогда еще примитивный) аппарат для сбора дани. Вотчинная система землевладения появилась гораздо позднее.

Появление на Руси централизованной государственности, а также весьма жесткая историческая динамика набегов и завоеваний (вплоть до монгольского завоевания в XIII веке) весьма сильно подействовали на укладную структуру хозяйства на Руси.

Во-первых, в качестве достаточно убедительной конкурирующей укладной альтернативы в полной мере проявился и устойчиво воспроизводился привнесенный из Степи "набегово-абреческий" присваивающий субуклад. Заметим, что (в особенности после разгрома Хазарии половцами и Святославом) отряды киевских князей – также достаточно часто используют эту "форму хозяйствования" в ходе набегов на Степь, Византию или владения друг друга.

Во-вторых, необходимость выплаты дани князьям либо победителям-захватчикам – резко повышает требования к уровню товарности ведущегося хозяйства, к объему производимого прибавочного продукта. Собственное выживание и воспроизводство при одновременном отчуждении дани вызывает потребность в существенном увеличении производительности труда – в первую очередь, за счет более совершенных практик землепользования и орудий труда.

Будучи наиболее актуальной в традиционной земледелии, эта потребность не могла не вызвать к жизни расширения торговых связей с центрами производства таких орудий (прежде всего железного земледельческого и бытового инвентаря).

В-третьих, как "открытие" локальных общин остальному миру в результате становления государственных институтов и набегов, так и потребности товарного обмена с дальними и ближними соседями, – не могли не вызвать к жизни активного развития меновых, а затем и товарно-денежных отношений. И – развития соответствующего "торгового уклада".

В-четвертых, нарастание потребностей в полноценном обеспечении становящейся государственности, с одной стороны, и расширяющегося продовольственного крестьянского хозяйства с другой стороны, а также сопутствующей торговой системы, – не могли не форсировать создания сложного городского хозяйства с его промышленно-ремесленным укладом и субукладами зачаточной

"сферы обслуживания". И не случайно прибывающие на Русь варяги называли ее "страной городов.

При этом нужно заметить, что в Киевской Руси властный слой общества играл не сугубо военную, а "военно-промышленную" роль. Как пишет Ключевский, "составляя военно-правительственный класс, княжеская дружина в то же время оставалась еще во главе русского купечества, из которого выделилась, и принимала деятельное участие в заморской торговле"²⁴.

Сумма описанных процессов, с учетом параллельных процессов этнического взаимопроникновения и взаимной этнической ассимиляции Руси и Степи, приводила к постепенному разложению, трансформации и нередко даже распаду первичного (патриархального) территориально-общинного уклада, а также к социальному расслоению первичной общины и крупномасштабным и массовым социокультурным изменениям.

Из общины не могли не выделяться наиболее активные члены и группы, перед которыми возникала "внеобщинная" или "надобщинная" социальная перспектива. Например, служба князю в дружине или сборе дани, организация и реализация системы торговых связей; создание, на основе усвоения чужого опыта, производства необходимых орудий труда, и пр.

Однако при этом община, постепенно трансформируясь, почти повсеместно все же сохранялась. И вовсе не только в силу этнокультурной инерции, а просто потому, что факторы, ставящие под вопрос единственность первично-общинного уклада, не отменяли большинства других факторов, "создавших" общину, и даже добавляли к ним новые "общиносообразные" мотивы (например, необходимость совместной защиты от угрозы грабежа со стороны мелких банд, использующих появившийся "военно-набеговый" субуклад).

При этом заметим, что христианизация Руси, будучи проводима достаточно постепенно и длительное время, не только частично инкорпорировала старые родоплеменные языческие верования, но и, в силу ряда особенностей византийского Православия, не слишком значительно сказывалась на трудовой этике и стилях хозяйствования, а также на социальной организации древнерусского "мира". Пожалуй, главными социально-психологическими результатами принятия Православия стали:

- наложение на общинное и племенное единство – осознания более общего, религиозного, единства;
- по крайней мере, частичное открытие общинных миров Большому миру через христианскую проповедь;

²⁴ Ключевский В.О. Полный курс лекций в трех книгах, Кн.1, с 143.

- постепенное проникновение (через взаимодействие религии и власти) во все слои общества принципов иерархической организации;

- постепенная трансформация правовой сферы от племенного обычного права к унифицированному праву, освященному авторитетом Писания и Святых отцов.

Необходимо особо отметить, что в древней Руси ее социально-экономическому развитию в течение нескольких столетий серьезно препятствовала практика перехода князей "со стола на стол", то есть из княжества в другое княжество. А эта практика порождалась тем, что Русь в целом считалась собственностью не какого-то отдельно взятого князя, а всей разраставшейся княжеской семьи (фамилии).

Соответственно, "когда умирал старший, или великий князь, то его достоинство переходит не к старшему сыну, но к старшему в целом роде княжеском; этот старший перемещается на главный стол, причем перемещаются и остальные родичи на те столы, которые теперь соответствуют их степени старшинства", пишет С.М.Соловьев. И далее: "Такие отношения в роде правителей, такой порядок преемства, такие переходы князей могущественно действуют на весь общественный быт древней Руси, на определенные отношения правительственного начала к дружине и к остальному народонаселению, одним словом, находятся на первом плане, характеризуют время"²⁵.

Понятно, что пока существовал такой порядок, условия для развития вотчинной системы собственности и хозяйствования были неблагоприятны. Положение изменилось лишь в XII веке, когда установилась общепринятая в большинстве других цивилизационных ареалов (и в Европе, и в Азии) система передачи княжеских столов от отца к сыну.

И потому же Россия стала сначала страной городов (так ее называли скандинавы), а уже только затем страной вотчин. Новгород уже был Великим Новгородом, а князья все еще пересаживались со стола на стол, причем эти пересаживания продолжались, хотя и в меньших масштабах, и в XII веке, и даже в XIII веке, до монгольского нашествия.

Система "ротации" князей, действовавшая в полном объеме в X-XI веках, способствовала (поскольку речь идет о ее влиянии на хозяйственную систему), двум важным тенденциям:

²⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. I, тома 1-2, М. "Голос", 1993, с. 9-10.

- развитию самоуправления в крупных городах (крайним примером в этом отношении является Новгород), и их хозяйственному развитию;

- замедлению развития собственно вотчинного землевладения князей и бояр.

При этом она же препятствовала развитию поместной системы, то есть системы пользования доходом с поместья в обмен на службу, и развитию системы государственного хозяйства в целом.

И эта же система делала практически невозможной эффективную борьбу с набегами кочевников. Это, в свою очередь, препятствовало масштабному освоению богатых южных черноземов и способствовало постепенному перемещению экономического центра Древней Руси на Северо-Восток, в междуречье Волги и Оки, где, как обнаружилось, имелись пригодные для возделывания земли.

Но, в то же время, ликвидация системы перехода князей со стола на стол – на практике означала "приватизацию" отдельных территорий малыми княжескими семьями и ликвидацию государственного единства Древней Руси. И, видимо, влияние этого события на развитие хозяйственной системы Древней Руси было не меньше, чем влияние на развитие совокупной хозяйственной системы бывшего СССР его государственного распада в 1991 г.

Во-первых, это событие оказало в целом скорее негативное влияние на хозяйственное развитие российских городов, как центров наиболее передовых рыночных (в том числе торговых) укладных новаций. Приватизация (и неизбежная частичная изоляция) княжеских доменов сократила объем торговых связей, приведя ко всей системе хорошо известных неблагоприятных эффектов локализации рынков.

Во-вторых, и это важнее всего, способность Руси противостоять военному нажиму со стороны ее кочевых соседей оказалась еще ниже, чем во времена совместного "фамильного" княжеского владения. Что и выявилось в полной мере в период нашествия Батыя. Военный и особенно политический организационный ресурс возникшей системы древнерусских княжеств – оказался попросту недостаточным для нейтрализации конъюнктурных рисков, связанных с потенциальными внешними военными угрозами.

Именно борьба за первенство между князьями-родичами в занятии главных столов, сопровождавшаяся войнами и набегами, стала главным фактором разложения и упадка раннерусской государственности. И в этом смысле совершенно правы С.Соловьев и И.Солоневич, писавшие: "Киев упал не вследствие одного

татарского разгрома, упадок его начался гораздо прежде татар"²⁶. "Киевскую Русь разбила, разумеется, не степь. Степь только добила государственность, начинавшую распадаться изнутри"²⁷.

В результате нашествия Батыя и серии дальнейших нашествий система хозяйственных укладов, сложившаяся в рамках Древней Руси, претерпела метаморфозу, примерно аналогичную той, которой подверглась под ударами кочевых соседей система хозяйственных укладов Хазарского каганата двумя столетиями раньше. Она – деградировала.

При этом городское хозяйство было на 2/3 уничтожено, ремесла в своем развитии оказались отброшены минимум на два столетия назад, объем торговли – сократился многократно. Днепр, как и Волга двумя столетиями раньше, перестал быть великим торговым путем. За исключением Новгорода, русские города после нашествия утратили хозяйственную автономию.

Период "монгольской Руси" (особенно его начальные этапы с подчеркнута высокой частотой показательных репрессий и грабежей), разумеется, в весьма большой степени хаотизировал и российскую социальную ткань (прежде всего иерархию власти и бытовую жизнь низов), и всю укладную структуру хозяйства, и мироощущение. Эти процессы не могли не способствовать возрастанию роли религиозного мировоззрения (в первую очередь, его апокалипсических тонов), и одновременно привели к совершенно катастрофическим по масштабам и последствиям социально-психологическим и хозяйственным результатам.

Разрушение хозяйственных укладов приобретало массовый и повсеместный характер, тысячи людей скитались по стране без крова, без смысла, без дела и без цели.

Но социально-психологическая депрессия монгольского завоевания не могла не затронуть и Церковь. Именно в это время на Руси получила широкое распространение православная мистика учения Григория Паламы – исихазм, предполагавшая единение с богом за счет ухода от мира и сосредоточения в постоянной безмолвной "умной молитве". Начал происходить отток монахов из старых (и не ограбленных монголами, а потому по-прежнему богатых) общежительских монастырей в "пустыни", где они жили своим трудом и постепенно создавали новые обители.

И именно вокруг таких новых обителей вскоре начали возникать поселения "бегающих людишек", которые вновь оседали на земле и начинали молиться, трудиться, рожать и растить детей – словом, начинали жить. Наиболее известные из подобных обителей –

²⁶ Соловьев С.М. Об истории древней России. М., 1993, с.189.

²⁷ Солоневич И. Народная монархия. М., 1991, с. 225.

созданный Сергием Радонежским Троицкий монастырь, а также монастыри "заволжских старцев" – Кирилло-Белозерский и др.

Видимо, восстановление на Руси относительно эффективной хозяйственно-укладной структуры, а также, в значительной мере, создание посадов – начальных "ядер" многих будущих новых российских городов – в немалой степени обязано именно описанному процессу.

И здесь стоит отметить, что данный процесс имеет очень близкую аналогию в истории Западной Европы, где после распада Рима и нескончаемой череды войн и внутренних усобиц в варварских королевствах, – хозяйство, вконец запустевшее в результате практического исчезновения оседлого трудового населения, начало восстанавливаться именно вокруг монастырей. Именно их настоятели и пастыри своей проповедью и своим трудовым примером останавливали и "приводили в чувство" тамошних "бегающих людишек".

Разумеется, социальная структура и укладная система русского хозяйства в монгольское время понесла большие потери. Особенно болезненным процессом стала череда войн между княжествами, как спровоцированных ордынцами (всегда эффективно использовавшими принцип "разделяй и властвуй"), так и вызываемых династически неопределенными претензиями князей на различные столы. Далее, монгольское владычество не могло не повысить норму эксплуатации крестьян, от которых теперь требовалась наработать дань и для самого князя, и (через князя) для ханских баскаков.

Но, кроме того, проведенная монголами перепись трудоспособного населения ("число") и внедренная ими практика сбора дани "с дома" – стали важнейшим фактором ослабления или даже распада первичной соседской общины. Община в целом устойчиво сохранялась и воспроизводилась только на землях так называемых "черносошных" крестьян (преимущественно в Северо-Восточной Руси), которые жили в селах, не принадлежащих хозяевам вотчин или их слугам, сами владели землей и сами платили дань и другие налоги.

Однако, признавая глубокое негативное влияние ордынства на социально-политическую и хозяйственную жизнь Руси, в то же время нельзя отрицать, что эпоха монгольского завоевания стала для русской социальной и хозяйственной среды своего рода "школой", привнеся ранее неведомый опыт новых форм хозяйствования, познакомив с многими дальними рынками, ставшими доступными в рамках империи Чингизидов, и т.д.

Кроме того, отмена института баскачества и "откуп" дани Орде Великим князем, получавшим на это ханский ярлык, дали (начиная с

Ивана Калиты) старт такой финансово-хозяйственной централизации Руси, которая вскоре превратила Московское княжество в Московское царство.

Но одновременно монгольский период дал толчок еще одному важнейшему процессу. В результате нашествия резко увеличилась потребность в способности государства (в виде отдельных княжеств) мобилизовывать и перераспределять финансовые и материальные ресурсы. Соответственно, возникли условия, весьма благоприятные для развития государственной хозяйственной системы, а также наращивания политического веса "власти" по сравнению с "обществом".

Р.Пайпс представляет себе возникновение в России того, что он именует "вотчинным режимом" ("при котором право суверенитета и право собственности сливаются") следующим образом. После того, как внутри своего княжества князь обзаводится поместьем, "поначалу население княжеского поместья состояло из рабов и прочих лиц, так или иначе попавших в кабалу к его владельцу". Затем, "отталкиваясь от крепкой базы своих частных владений, русские князья (не сразу и лишь поборов сильное сопротивление) распространили свою личную власть и на вольное население за пределами этих владений. Ставшая во главе страны Московско-Владимирская княжеская династия перенесла учреждения и порядки, первоначально выработанные ею в замкнутом мире своего *oikos* а, на все государство в целом, превратив Россию (по крайней мере, в теории) в гигантское княжеское поместье"²⁸.

То есть в России, по Пайпсу, этот процесс шел примерно так же, как и при распространении рабовладения по горизонтали в США. Сначала возникли отдельные плантации с использованием труда рабов. Затем они начали расширяться, а число рабов – расти. Затем возникли рабовладельческие Штаты.

Но в России на деле все было иначе. Все те княжества, на которые распространялась власть завоевателей (в совокупности составляющие Великое Владимирское княжение), сразу после завоевания оказались перед лицом необходимости платить дань Золотой Орде и, что было особенно тяжело, – дань серебром. В каждом княжестве лицом, ответственным за выплату "урока", являлся местный князь, в рамках всего Великого Владимирского княжения – Великий князь. Применительно к ситуации взыскания "урока" князь наделялся властью Хана, сидящего в Сарае (столице Золотой Орды).

²⁸ Пайпс Р. "Россия при старом режиме" М. "Независимая газета", 1993, с. 37.

Соответственно, монгольское завоевание в историческом плане практически одномоментно привело к многократному увеличению власти русских князей, чьи княжества вошли в государственную систему Золотой Орды, над своими подданными. В этой ситуации не имело совершенно никакого значения – есть или нет у данного конкретного князя "частные владения", которым столь большое значение придает Ричард Пайпс, и сколько их. Если бы, например, Иван Калита, прославившийся как сборщик дани, взял да и передал свои частные владения местным монастырям, это никак не уменьшило бы его власти.

Но монгольское завоевание не просто привело к росту власти князей над населением княжеств, над "подданными". Оно привело к росту власти государства над населением, ибо князья действовали в качестве уполномоченных золотоордынского государства, а вовсе не от своего лица и не по собственной воле. Причем хан в любой момент мог сбросить князя со "стола" (что нередко и случалось). Понятно, что в этой ситуации ни о каком "вотчинном режиме" говорить не приходится.

Непосредственный укладно-хозяйственный эффект монгольского завоевания (помимо известного разрушения производительных сил и сложившейся укладной системы) – это рост налоговых сборов в денежной форме (серебро). Что не могло не увеличить и власть государственного аппарата. Но одновременно увеличилось значение и частной собственности и частного труда как объекта налогообложения.

В этом смысле монгольское завоевание, скорее, способствовало росту экономического значения частной собственности, чем его снижению. И потому система частной собственности, и в том числе частной собственности на землю, несомненно, продолжала развиваться и в течение полутора столетий после Батыева нашествия.

Сейчас трудно оценить, увеличилась ли во второй половине XIII – XIV веке площадь дворцовых земель (то есть собственно княжеских доменов), но площадь монастырского землевладения и размеры собственности монастырей – несомненно, увеличились.

Поглощения княжеств (XIV век) домом московских князей, как ни парадоксально, также способствовали росту масштабов частной собственности на землю. Ибо при этом часть земель поглощаемых Москвой княжеств, не имевшая определенной "физиономии собственности", автоматически превращалась в вотчины членов бывшей княжеской фамилии и их ближайшего окружения.

При этом даже для XIII века в России не приходится говорить об особом дефиците частных земельных владений. Что действительно имело место и тогда, и много позднее, – это слабость или вовсе

отсутствие формального закрепления права собственности. Следует оговорить, что это явление свойственно не только России. Но в России, стране традиционно неформальной, оно всегда имело огромные размеры.

Так, известно, что с бумагами о праве на земельную собственность было плохо не только в России, но и в Англии. Деревенские общины и приходы в Англии и в XVIII веке, как правило, не имели надежных формальных свидетельств того, что земля, которой они пользуются, принадлежит им. При Стюартах это, как правило, "сходило с рук", но в XVIII веке возникла масса процессов об отчуждении земель в пользу крупных землевладельцев, причем вопрос, как правило, решался в пользу последних²⁹.

Но и в США с формальным закреплением поземельной собственности дело обстояло не просто. У мелких землевладельцев в начале XIX века, особенно на новых землях, не было никаких прав на землю, кроме "права пользования". А в США не было закона, аналогичного российскому закону "о приобретательной давности".

Потому сразу после основания США имели место многочисленные попытки продажи крупных массивов государственных земель с находившимися на них собственниками (скваттерами) крупным компаниям. Возникла вооруженная борьба, в которой скваттеры, как правило, брали вверх над агентами компаний и их вооруженными отрядами. Но именно поэтому США надолго остались страной мелкого землевладения и своеобразного (заметим, иногда совершенно неоправданно романтизируемого) "револьверного права".

В России в XIV веке, а равно и много позже, всякая семья, освоившая определенную площадь девственного леса (как и в США в XVIII веке – первой половине XIX века и даже позднее), считала эту землю своей. И князья, заинтересованные в том, чтобы их княжества располагали как можно большей запашкой, с этим "правом собственности" не только соглашались, но и вовсе не были склонны оспаривать такого рода обычай.

Поэтому на княжеской земле сидели не "арендаторы", как считает Пайпс, а собственники. И здесь же заметим, что этот взгляд на крестьянскую собственность сохранился и при первых московских самодержцах. То есть поместье в своем первоначальном виде давало его владельцу лишь право на определенную часть дохода, производимого собственниками-крестьянами в его пределах, – и не более того. Естественно, что при этом помещик отнюдь не рассматривался в качестве собственника.

²⁹ БСЭ, т.9, М. "Советская энциклопедия", с.450 и 451.

В конце XIV века система землепользования в России складывалась из следующих основных элементов:

- вотчины, приобретенные в основном в результате дарений, и дворцовые земли, аналогичные по статусу вотчинам;
- монастырское землевладение, опять-таки сформировавшееся в основном в результате дарений;
- собственность общин и отдельных крестьянских семей.

Закрепленные "бумагой" права собственности на землю и даже на личности холопов – в этот период были, скорее, исключением, чем правилом. Чаще всего права на собственность закреплялись "старинной" собственности и свидетельскими показаниями под присягой.

При этом огромное значение имело не только отсутствие в стране аппарата для "закрепления" прав собственности, но и просто бумаги (пергамент же был редок и дорог). Точка зрения Р.Пайпса на российское землевладение примерно такова: не было бумаги, документа, – не было и собственности. На самом деле бумаги действительно не было, но собственность была. Отметим, что данный тезис доказательно иллюстрируется в новом энциклопедическом издании по проблемам земельной собственности в России³⁰.

Отметим, что, хотя монгольское завоевание и увеличило в огромной степени власть князя, – тем не менее, князья пользовались новоприобретенной властью, как правило, осмотрительно. И фактически всегда в той или иной мере делили власть с ближайшим окружением.

Причины этого были сугубо прозаические.

Во-первых, князь, в условиях высокой частоты вооруженных конфликтов и постоянной опасности более или менее крупных нашествий степняков, сильно зависел от лояльности не только ближайшего окружения и княжеской дружины, но и населения княжества в целом (тем более что регулярно возникала потребность в его поголовной мобилизации на войну, фортификационные работы и т.п.).

Во-вторых, если княжество было более или менее крупным, в нем, как правило, имелись уделы братьев или других ближайших родственников князя, с соответствующим "семейным" правовым иммунитетом.

В-третьих, у княжеского окружения существовало, на случай недовольства действиями властителя, освященное обычаем и законом "право отъезда" (боярин всегда мог покинуть князя).

³⁰ Собственность на землю в России: история и современность. Под ред. Д.Ф.Аяцкова. М, РОССПЭН, 2002.

В-четвертых, с населением постепенно возрождающихся (и уже крупных по тем временам) городов князья обращались по традиции деликатно. Ссориться с крупным городом (тем более, столицей княжества) было всегда и "накладно", и опасно.

В целом вся описываемая властно-хозяйственная конструкция была намного более современной, чем это может показаться на первый взгляд. Власть любого князя, включая московских князей, в XIII – XIV веках и даже позднее, отнюдь не была неограниченной.

Она ограничивалась Ханом в Орде, дружиной и ближними боярами (в русских княжествах, как правило, имелся эквивалент позднейшей боярской думы, хотя обычно в неформальном варианте), и писаным правом. Она ограничивалась Церковью, а также системой неписаных норм обычая (с которыми практически все очень считались), и, наконец, текущей – в те времена достаточно неустойчивой – политической конъюнктурой.

То есть, любой русский князь отнюдь не был в положении американского плантатора начала XIX века, который мог делать на своей плантации "что угодно".

В таких условиях тенденция к дифференциации хозяйственных укладов в сфере землепользования, вполне проявившаяся в XI-XII веках и в XIII веке (до монгольского нашествия), продолжилась и после нашествия. Именно в этот период фактически завершилось формирование системы крупного частного и монастырского землевладения, достигла расцвета система семейного частного землевладения, и сформировались специфические уклады землепользования на колонизируемой окраине Северо-Востока, а также в пограничье с Дикой степью.

Глубоко регрессивные изменения в системе хозяйственных укладов в период "монгольского ига" имели место, прежде всего, в городском секторе и на территориях, ресурсы которых интенсивно мобилизовались с целью выплаты дани (и которые, тем не менее, периодически становились ареной военных действий).

Регресс коснулся, соответственно, в первую очередь сферы торговли и ремесла и, в широком смысле, городского хозяйственного уклада. Помимо хозяйственного истощения как такового, существенной причиной этого регресса являлось также извлечение серебра из оборота и, значит, демонетизация экономики России, натурализация товарообмена.

О размерах выкачки серебра из России в ходе и по завершении монгольского завоевания можно судить по записи Марко Поло о России и ее жителях: "Много у них руд серебряных; добывают они много серебра"³¹. На самом же деле, как известно из множества

³¹ Марко Поло. "Книга о разнообразии мира". СПб, "Амфора", 1999, с.360.

других источников, серебряных руд и рудников в тогдашней России почти не было.

Однако демонетизация экономики России в процессе выплаты дани Золотой Орде не только вызвала упадок хозяйства городов, но и превратилась в мощный укладообразующий фактор.

Во-первых, прекратился процесс развития кредитной системы. Кредит приобрел практически исключительно товарную форму. Тем самым автоматически был заблокирован процесс развития сегментов рыночного хозяйства, требующих кредита в денежной форме. "Нехватка денег, – отмечает Р.Пайпс (правда, имея в виду, вероятно, более поздний период), – была достаточной причиной для задержки появления в России богатого класса, сравнимого с западной буржуазией эпохи классического капитализма"³².

Во-вторых, в XIII – XIV веках, в силу демонетизации экономики, автоматически сократился платежеспособный спрос на любую продукцию – будь-то ремесел или сельскохозяйственного производства. Это ударило по хозяйству (в первую очередь городскому) не меньше, чем разрушения, вызванные завоевателями.

В-третьих, демонетизация экономики страны способствовала натурализации государственного в широком смысле слова и княжеского в узком смысле слова хозяйства.

В конце концов, именно это в значительной мере и привело к развитию поместной системы, суть которой состоит в том, что выплата крестьянином налога государству – замещается выплатой по месту производства продукта назначенному государством лицу ("помещику").

Отметим, что проблема отсутствия денежной массы, как фундаментальный тормоз развития рыночных отношений, знакома не только России. Так, например, во время Столетней войны (XIV век) англичане захватили в плен короля Франции и потребовали за него огромный выкуп.

Этот выкуп – золотом и серебром – собирали по всей Франции. В результате произошла катастрофическая демонетизация французского национального хозяйства. Как следствие, товарно-денежный обмен в стране надолго практически прекратился. И (достаточно быстрое до этого момента) экономическое развитие Франции, по оценкам французских историков и экономистов, было фактически остановлено на 50-70-лет³³.

³² Пайпс Р., указ. соч., с.253.

³³ Я.И.Кузьминов, М.М.Юдкевич. Курс лекций по институциональной экономике. М., ВШЭ, 2000, с. 44.

2.2.3. Период Московского царства XV-XVII веков

В том, что касается оценок хозяйственной системы Московского царства, уже давно проявляется тенденция к сильному упрощению реального положения вещей. А именно – сведению хозяйственной индивидуальности Московского царства к безраздельному торжеству в нем "вотчинного" уклада.

Последовательным сторонником этой концепции является, например, Р.Пайпс. С его точки зрения, Россия как стала в период Московского царства вотчинным государством, так и осталась им, с небольшими отклонениями, в Петербургский период. "В таких государствах, – разъясняет он, – политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и властители (властители) являются одновременно и сувереном государства, и его собственником".³⁴

О "вотчинной" концепции природы Российского государства приходится специально говорить потому, что из нее регулярно выводят тезис об историческом отсутствии реальной массовой частной собственности в России. И, как следствие, – начинают говорить о принципиальной "исторической нерыночности" российской экономики.

Заметим, что, во многом исходя из данной концепции, Россию даже сегодня порой объявляют нерыночным государством (хотя она в последние 10-12 лет больше походит не на СССР, а на американский Дальний Запад последней трети XIX века).

Центральный пункт концепции "вотчинности" российского государства в его традиционной и модернизированной (по Пайпсу) версиях – состоит в том, что в России никогда не было подлинной частной собственности (помимо собственности государя). Почему не было? Да потому, что в качестве таковой приверженцами этой концепции признается лишь безусловная юридическая собственность³⁵.

Нормой, по Пайпсу (и, видимо, с точки зрения большинства других сторонников взгляда на Московское царство как государство вотчинного типа), является возникновение сначала права собственности, а затем политической власти, права суверена. Логически же и исторически – дело обстоит иначе: сначала возникает право суверена (собирать дань, получать доход), а лишь после этого – право собственности. Причем при своем зарождении право собственности было почти неотличимо от права пользования

³⁴ Пайпс Р., указ. соч. с.11.

³⁵ По Р.Пайпсу, безусловность собственности – чуть ли не московское изобретение. Но на самом деле, скорее, исключением является ее безусловность.

собственностью, сливаясь с ним, да и в дальнейшем постоянно переплеталось с правом пользования.

Пресловутая самодержавность московских царей означала всего лишь то, что их власть опиралась не на вассалов, не на "многомятежные народные хотения" (как выражался Иван Грозный), а на аппарат бюрократического типа и фактически наемных военных слуг (ярким примером в этом отношении являются опричники Грозного). Самодержавие на Москве было всегда "меньше", чем самодержавие на Востоке, и значило примерно то же, что и абсолютизм на Западе.

В частности, К.Кавелин рассматривал опричнину как попытку "создать служебное дворянство и заменить им родовое вельможество... мысль, которая под другими формами была осуществлена Петром Великим"³⁶. Но даже Иван Грозный с его радикальным подходом к этой проблеме – был вынужден к определенной осторожности: "... для опричнины были отделены как раз те местности, где еще не существовало на старинных удельных территориях землевладение княжат, потомков владетельных князей"³⁷.

При этом формально бояре постоянно писались в своих прошениях царю его "холопами". Однако система местничества, сковывавшая царей по рукам и ногам (и крайне лимитировавшая возможности их выбора ближайших соратников, даже в рамках очень ограниченного числа родов, определенными правилами), пережила Ивана Грозного. Она была отменена только в 1682 году постановлением Земского собора. И заметим, что эта система представляла собой оригинальный и далеко не второстепенный атрибут Московского царства.

В средневековой Японии сегун (правитель) был по рангу ниже императора, но в действительности правил сегун. В России царь был самодержавным, но он постоянно боролся за власть с боярами (и лучше всего эту проблему, и то на очень короткий срок, решил лишь Борис Годунов).

Во Франции при Людовике XIII и Ришелье – огромное число знатных дворян было отправлено на плаху. В России после смуты в XVII веке (и до царствования Петра I) – похоже, ни одного подобного случая не было.

Именно стремление боярства сохранить свои властно-политические и экономические привилегии было в это время одним из главных "рамочных" обстоятельств российского социально-

³⁶ Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России // Наш умственный строй. М. 1989. с. 54.

³⁷ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., Высшая школа, 1993, с. 224.

политического и экономического развития. В начале XVII века нежелание боярства "служить Годуновым да Захарьиным" стало одним из самых существенных факторов разрастания Смуты. Обратим внимание на важную характеристику, данную этому обстоятельству Ключевским: "первый Самозванец был лишь испечен в польской печке, но заквашен – в Москве"³⁸.

При этом важнейшие сословия России времен Московского царства были подчеркнута военными. Фактически, у нас были военно-феодалное дворянство, военно-крестьянское казачество, военно-торговые стрельцы. Все они в мирное время занимались обыденными делами службы, управления, хозяйства, но в любой момент могли быть мобилизованы для военных целей. В том числе и в связи с данным обстоятельством российский историк П.Милюков подчеркивает: "Русская государственная организация развивалась под влиянием быстро возраставшей нужды в войске и деньгах"³⁹.

В то же время и политическое, и экономическое развитие Руси в Московский период требовало, с одной стороны, прекращения конфликтов между существующими властно-хозяйственными субъектами и, с другой стороны, повышения экономической активности и эффективности этих субъектов.

Иван Грозный решал эти задачи резкой централизацией власти и созданием новых групп зависимых от власти собственников (разумеется, прежде всего, земельных собственников). При этом основные репрессии опричнины были применены, в первую очередь, для слома старой системы властно-имущественных отношений, в которой княжата и бояре считали царя (великого князя) лишь "первым среди равных".

Заметим, что именно это измерение – статус царя и остальной элиты – оказывается одной из главных тем переписки Грозного с князем Андреем Курбским. Курбский утверждает, что данные властью царя законы нельзя считать правом, если они неразумны и несправедливы (то есть настаивает на прежнем праве элиты критиковать, "наставлять" и корректировать верховную власть). А Грозный упорно и последовательно отвечает: "Я один перед Богом за вас и Россию ответчик"⁴⁰.

Но примерно тот же самый конфликт между верховной властью и группами высшей элиты мы регулярно наблюдаем в России и ранее (в монгольские времена), и позднее, в том числе и в петровское (боярская оппозиция) и в советское (процесс

³⁸ Ключевский В.О. указ. соч. Кн. 2, с. 151.

³⁹ Милюков П.Н.. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1909, ч.1, с. 193.

⁴⁰ Золотухин Н.М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М. 1985, с. 151-156.

становления и укрепления номенклатуры) время, и в последние послеперестроечные годы (олигархический процесс в его властно-экономическом сопряжении).

И именно поэтому решительная власть в России, ставящая перед собой цели фундаментальных (в том числе и в первую очередь – модернизационных) преобразований, почти неизбежно проводит крупномасштабную войну с укрепляющейся элитой "боярского" типа. Это и опричнина (и ее результат – изъятие родовых вотчин у "княжат"), и развитие поместного землевладения, и ликвидация местничества, и "волюнтаристская" политика Петра I по ротации владетельных элит и возвращению казенных и частных "заводчиков", и знаменитые "сталинские чистки".

Но в реальности в России, как отмечено выше, уже в начале Московского царства существовала весьма дифференцированная система собственности, и в том числе земельной. С землей производились различные операции, включая продажу, продажу с правом выкупа, заклад и т. п. Причем обладание землей было связано с известными обязанностями и повинностями (точно так же, как сегодня в США получение дохода связано с обязанностями законопослушно платить налоги).

Однако при этом собственность монастырей была практически свободна от повинностей, и лишь в конце своего царствования Иван Грозный заставил духовенство "в добровольно-принудительном порядке" поделиться своими земельными фондами с государством. Тогда была фактически аннулирована часть дарений княжеских фамилий монастырям и, сверх того, монастыри обложили разовой данью – источники называют громадную по тем временам цифру в 300 тыс. руб.

Сторонники концепции о вотчинной природе Московского царства постоянно забывают не только о монастырском землевладении (масштаб которого современники в фазе его максимального развития в конце XVI века определяли в треть всех пахотных земель), но и о том, что помещик (до того, как это положение было изменено Петром I) был не собственником поместья, а лишь собственником чистого дохода, производимого помещьем. И, опять-таки, забывают, что у большинства помещиков к моменту их "испомещения" никакой крупной земельной собственности – вообще не было.

Великий князь, а затем Царь, – не отнимал собственную землю у помещиков, превращая собственника в пользователя, а наделял помещика правом на доход с "поместья" (но не правом собственности на него).

Поместная система, по существу, начала разлагаться, когда крестьян стали прикреплять к земле, причем первоначально это

прикрепление превращало крестьянина из формально свободного человека в собственность государства.

И лишь позже, когда Петр I укрепил свою власть и уравнил правовой статус поместий и земель, принадлежащих владельцам на праве вотчинной собственности, – статус "сидевших на земле" крестьян стал сближаться со статусом рабов-холопов.

Здесь уместно обратить внимание на то, что в период нынешних реформ приватизация в России зашла очень далеко уже за первые три-четыре года. В Московской же Руси процесс приватизации земель растянулся более чем на два столетия и завершился только в Санкт-Петербургский период. Причем в течение первых полутора столетий крестьянин-домохозяин сначала был в основном свободным человеком, а в конце этого периода (перед принятием Соборного Уложения 1649 г.) почти свободным человеком, а члены его семьи – вовсе свободными. И прикрепило крестьян к земле именно Уложение 1649 г., а не Борис Годунов.

Таким образом, реально в сельскохозяйственном секторе Московской Руси существовала система множества укладов и субукладов, и сначала поместный уклад далеко не доминировал. Доминировали уклады государственной (дворцовой и волостной) земельной собственности и мелкокрестьянской собственности, плюс уклад монастырской земельной собственности.

К началу опричнины (середина XVI века) в центре России вотчины (собственные земли крупных землевладельцев) преобладали (или имели такое же значение) над поместным землевладением (то есть землями, которыми помещики пользовались). А если еще учесть монастырские земли (безусловную собственность монастырей) – это преобладание было полным.

При этом государство и в XVII веке, и в начале XVIII века, и в дальнейшем – использовало свою мощь вовсе не для того, чтобы упразднить безусловную частную собственность на землю. Напротив, оно использовало все ресурсы своих аппаратов, прежде всего, для того, чтобы резко увеличить объем частной собственности, принадлежащей физическим лицам как в форме земли, так и форме "живого инвентаря" – крестьян, а также денежных пожалований.

То есть государство в России было в эту эпоху основным "генератором" частной собственности (впрочем, так же, как в соответствующий период в Англии и, вероятно, повсюду). При этом российское государство в данном отношении явно "перестаралось", превратив свободных крестьян в рабов, и создало для себя долговременную постоянную проблему. Которую (опять-таки

государство) набралось духу решить только в 1861 г. освобождением крестьян.

Таким образом, период максимальной мощи государства в Старой России (до 1917 г.) был одновременно периодом максимального развития крупной частной собственности. И потому от концепции вотчинной природы Московского государства при ближайшем рассмотрении ничего не остается.

Реально в Московском государстве существовала система укладного полиморфизма, очень близкая к той, которая примерно в этот же период имела место в Индии сначала в султанате мамлюков (где как раз и была поместная система московского типа), а затем, с XVI века, в государстве Великих Моголов. Где властью было учреждено и "роздано" около 400 крупных ленных владений – джагиров. Собственники джагиров должны были, точно так же, как и в России, являться по призыву правителя на войну (лично и в сопровождении определенного количества полностью снаряженных и обученных воинов).

Сдвиг от частной собственности в пользу собственности государства произошел в Московском царстве, скорее, в несельскохозяйственном (торгово-промышленном) секторе. Именно в Московский период полунезависимые торгово-ремесленные центры (Новгород и Псков) утратили автономность и даже просто свой главный экономический потенциал.

В это время государство взяло под контроль основные товарные потоки и крупную торговлю в целом. Возникла система уполномоченных купцов и система привилегированных иностранных торговых компаний. Таким образом, крупный бизнес был как бы отделен от мелкого, причем основная тяжесть податных платежей была возложена в основном на последний.

Но одновременно московский царь на деле вел себя не как "собственник государства", а как суверен. Правами собственника (причем с известными ограничениями) он пользовался лишь в системе дворцового хозяйства. При этом его "вклад в ВВП", выражаясь современным языком, был не больше, чем в удельный период Руси (хотя в абсолютном выражении уже достиг весьма крупных размеров). Это и был российско-московский "госсектор" (или очень сильное к нему приближение).

Таким образом, госсектор в России начал расти из дворцового хозяйства, постепенно отделяясь от него. Но существовал он до 1917 г. (если считать "госсектором" также дворцовое хозяйство) непрерывно, начиная с удельного периода. И это очень важный момент, поскольку именно наличие госсектора в разных формах только и позволяло на деле реализовать функции суверена и практически поддерживать государственное единство.

Данное обстоятельство нельзя упускать из виду и сегодня, когда некоторыми кругами радикальных реформаторов провозглашается цель создать государство без госсектора и без социального эквивалента церковного (монастырского) землевладения. А ведь наличие церковного землевладения, во-первых, автоматически ограничивало возможности извлечения прибавочного продукта из крестьян и за пределами монастырских угодий (или, иначе, легитимную "справедливую" норму эксплуатации) и, во-вторых, позволяло монастырям выступать (по крайней мере, периодически) в качестве своеобразных центров социального вспомоществования. Впрочем, примерно так же это бывало и на Западе.

"Смута" начала процесс ликвидации боярства как цельного властного, реально правящего сословия. Уже к началу XVII века в Московском царстве складывается и укрепляется достаточно сложная иерархическая структура "служилых людей" с их специфическими ролями в бюрократической и хозяйственно-укладной системе. В состав "думных чинов" входят как бояре, так и думные дворяне и думные дьяки. Далее идут "московские чины" – стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы и дьяки. И, наконец, нижний этаж служилой иерархии замыкают "городовые чины" (служащие в провинциальных городах) – "выбор", дети боярские дворовые и дети боярские городовые.

Но именно тогда зарождается и укрепляется и во власти, и в собственности (в то время практически полностью земельной собственности) система российского фаворитизма: "...государи XVII века начали править с помощью отдельных лиц, случайно всплывавших наверх"⁴¹.

И все это – на фоне объективно необходимого стране усиления централизованного государства. А.Пресняков пишет о царствовании Михаила Романова "Удовлетворение настоятельнейших потребностей обширного государства, только пережившего тяжелый кризис и изнуряемого внешней борьбой, было едва по силам его населению. Несоответствие средств и потребностей вело к тому, что государство все более властвовало над народной жизнью, а самостоятельность земская быстро замирала"⁴².

Однако, тем не менее, новые служилые сословия, рекрутировавшиеся во многом из низов, уже тогда активно предъявляли власти конкретные экономические требования: отмена "урочных лет" для беглых и окончательное закрепление крестьян, ликвидация частновладельческих слобод в городах и возвращение

⁴¹ Ключевский В.О. указ. соч. Кн.2, с. 189.

⁴² Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. с.413.

в тягло закладчиков, протекционизм в отношении иностранного купечества и т.п.⁴³.

И в том же XVII веке впервые по-крупному заявляет о себе как о политической силе, имеющей и формулирующей собственные экономические интересы, низовой, крестьянский "мир".

Это и восстание И.Болотникова, и многочисленные городские восстания "посадских людей", и восстание С.Разина, в которых впервые отчетливо проявился "классово-экономический" характер мотивов ("черный люд против власти", причем со смешанной этнорелигиозной базой восстаний – русские, татары, мордва, чуваша и пр. вместе). Считается, что именно эти восстания, в результате которых власть стала всерьез опасаться "мира", на полстолетия оттянули окончательное закрепощение крестьян.

Резюмируя обзор данного периода, можно уверенно утверждать, что "диктатура" московских царей не привела к укладной унификации (а, тем более, к огосударствлению собственности) и, наоборот, скорее способствовала развитию в рамках государственного целого системы укладного полиморфизма.

При этом рост мощи государства и приобретение им в основном современных границ – сопровождались возникновением и активным развитием вариаций системы хозяйственных укладов не только "по вертикали", но и по горизонтали.

Общеизвестно, что и в XVI веке, и в XVII веке периферия Московского государства жила, в очень большой степени, по своим собственным законам и традициям. В частности, на Русском Севере система хозяйственных укладов была одна, на Дону – другая, в Сибири – третья.

2.2.4. Санкт-Петербургский период

Санкт-петербургский (имперский) период развития России до 1861 г. был в экономическом отношении периодом завершения начавшихся в предшествующий период приватизационных процессов (что находило яркое выражение в продолжавшихся в XVIII веке "раздачах" крестьян) и, одновременно, попыток частичной укладной унификации (распространение крепостничества по горизонтали, ликвидация монастырского землевладения).

Однако если условия социальной и хозяйственной жизни на Украине были в целом унифицированы с общеимперскими (чему способствовало присоединение к России правобережной Украины с ее развитым крепостническим хозяйством), то Финляндия и Царство Польское после того, как они вошли в состав России, в основном

⁴³ Черепнин Л.В. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России // Абсолютизм в России. М., 1992, с. 121-123.

сохранили свои традиционные хозяйственно-укладные системы. Более того, до 1831 года Польша пользовалась всеми атрибутами самостоятельного государства и не имела лишь собственной внешней политики.

В то же время многочисленные войны, которые вела развивающаяся экспансия Империя, требовали резкого наращивания эффективности всего хозяйственного комплекса страны. А поскольку (в первую очередь, в силу описанных выше конъюнктурных рисков и ограничений) это было сделать крайне трудно, единственным выходом для власти оказывалось насильственное реформирование хозяйственной системы для повышения уровня эксплуатации подданных. (Заметим, что то же самое в аналогичных ситуациях было весьма характерно для Европы средневековья и даже начала Нового времени).

В связи с этим Ключевский пишет: "В России... внешние опасности всегда опережали естественный рост народа... Уже люди екатерининского времени понимали, что обновление России нельзя было предоставлять постепенной, тихой работе времени, не подталкиваемой насильственно"⁴⁴.

Чаще всего, говоря об этом, исследователи (особенно зарубежные исследователи) ищут причину в особом патерналистском менталитете народов России, выработанном столетиями беспрекословного подчинения деспотической власти. Возможно, это отчасти и так. Но, как бы ни объяснять причину указанного несоответствия между потребностями страны в хозяйственно-экономическом развитии и самопроизвольной динамикой этого процесса развития, – именно отсюда, из этого несоответствия, видимо, и вытекает тот постоянный фактор развития российской политики и российского хозяйства, который неоднократно определялся как "реформы и революции сверху".

Впрочем, был в России Санкт-Петербургского периода и такой очень важный хозяйственно-экономический и укладный фактор, которому никак нельзя приписать социально-экономическую индифферентность и патернализм. Это – старообрядцы.

Старообрядцы уже через несколько десятилетий после раскола и никонианских реформ фактически начали превращаться в особую конфессионально-экономическую группу. И к середине-концу XVIII века сообщества внутри этой группы стали демонстрировать собственные специфические навыки хозяйствования и субукладные модели. А в XIX веке эти сообщества создали масштабную (и весьма мощную в экономическом отношении) прослойку староверческого купечества и предпринимательства, быстро

⁴⁴ Ключевский В.О. указ. соч., Кн.3, с. 58.

превратившуюся в один из главных "столпов" российского капитализма.

В основе староверческого предпринимательства стоял особый тип религиозной идеологии (эсхатологического оптимизма или пессимизма)⁴⁵, создавший соответствующую этику и предъявивший свои типы социокультурного существования и экономической деятельности⁴⁶. Особо отметим, что одним из главных мотивов этой идеологии был тот же самый тезис о богооставленности мира и спасении в деятельности (включая староверческую концепцию "труда благого"), который, по мнению М.Вебера⁴⁷, породил на европейском Западе знаменитый "дух капитализма". Это обстоятельство даже позволило некоторым исследователям называть староверов "русскими протестантами".

Однако основные российские трудовые массы и российская элита, жившие в традиционной Православии, оказались проникнуты совершенно другим духом и другой трудовой этикой. Если сопоставлять с Европой, то эта этика гораздо ближе к этике тех социальных групп, для которых, согласно тому же Веберу, не мог быть "...исключен неизменный вопрос: как бы при максимуме удобств и минимуме напряжения сохранить привычный заработок"⁴⁸.

Хотя здесь сразу же следует оговорить, что это обстоятельство совершенно неверно объяснять тем, что русский работник был ленив или нерадив. Просто, повторим еще раз, в геоклиматических условиях России даже для продовольственного самообеспечения крестьянской семьи (без учета прямых и косвенных налогов и отработок) требовалось несравненно больше усилий и времени, чем, например, в Европе.

Одним из крайне существенных факторов сохранения и наращивания социокультурного и укладного разнообразия в разрастающейся Империи стало присоединение новых территорий – преимущественно на Юге и Юго-Востоке, с их в основном исламизированным населением и собственной (иногда, как на Кавказе, резко контрастной по отношению к большинству регионов старой России) системой социальных отношений и хозяйствования.

Так, в частности, известно, что приобретение новых подданных на Северном Кавказе и в Туркестанском крае привело к резкому обновлению и усилению роли и влияния "набегово-абреческого"

⁴⁵ См., например, Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма" М., 1977, с.179.

⁴⁶ Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М., 1995, с. 337 и далее.

⁴⁷ Вебер М., указ. соч., с. 143-146.

⁴⁸ Вебер М., указ. соч., с. 82.

присваивающего субуклада. Более того, хорошо известно, что этому субукладу оказалась вовсе не чужда часть казачества пограничных имперских войск.

Еще одним важным укладообразующим и социальным процессом имперского периода стал рост городского населения за счет иногда временного (отхожие промыслы), но все чаще постоянного притока работников из деревни. В оценках этого процесса часто недостаточно принимается во внимание тот социокультурный шок, который претерпевал деревенский житель в новых городских условиях. И в связи с этим следует обратить внимание на такой памятник российского нормативно-культурного творчества, как знаменитый "Домострой".

Появление "Домостроя" и секрет его популярности в качестве массового практического руководства, в качестве образца для устройства жизни, – видимо, в большой мере определяется тем, что это была попытка ввести в некий организованный укладный порядок (причем, что важно, церковно, религиозно освященный порядок) крайне беспорядочную жизнь "новых горожан". То есть, – выходцев из сельской крестьянской общины, плохо приспособленных для жизни в совершенно непривычной для них городской среде.

Именно необходимостью помочь им в обустройстве в городской жизни, преодолеть строгими нормами этот социокультурный шок, и вызвана ставшая "притчей во языцех" очень жесткая, мелочно-детальная, регламентация "Домостроя", а также его насыщенность обрядами и церемониями⁴⁹.

Таким образом, и в Санкт-Петербургский период, несмотря на безусловные властные попытки "давлением сверху" добиться социально-политической и экономической унификации пространства Империи, Россия обладала достаточно сложной системой социокультурных типов и хозяйственных укладов. Которые сосуществовали и "по вертикали", в одних и тех же географических зонах, и "по горизонтали", на разных территориях страны.

А в XIX веке правительство Империи вообще фактически отказалось от попыток унификации хозяйственной системы государства по горизонтали. И это очень интересный момент с точки зрения аналогий с современностью, поскольку политика унификации хозяйственных укладов проводится ныне в глобальных масштабах (одним из ее инструментов является МВФ).

Однако, судя по мировому историческому хозяйственному опыту (как и по отечественному опыту), эта задача вообще неразрешима и некорректна. Здесь стоит заметить, что об этом подробно и убедительно писали, проводя различие между

⁴⁹ Колесов В.В. Домострой. М. 1991, с. 8-11.

собственно материальной жизнью, рыночной экономикой и капитализмом, Фернан Бродель⁵⁰ и Иммануил Валлерстайн.

Вообще говоря, склонные к политике унификации, российские власти пошли на консервацию после 1861 г. в землевладении в основных областях империи двух основных хозяйственных укладов – частного хозяйственного с ядром в виде крупного землевладения, и общинного. Столыпинские реформы как попытки уничтожить общину (возродившуюся в новом качестве во время помещного землевладения и крепостного права, о чем ниже), – вопреки множеству нынешних идеологизированных публикаций, вовсе не были успешными.

Причем эти попытки, как правило, решительно торпедировались именно снизу. Большинство крестьян было против ликвидации общинного хозяйства и не желало превращаться в "фермеров" (заметим, что сегодня во многих регионах России очень похожая ситуация наблюдается с попытками окончательной ликвидации колхозов).

Провал столыпинских реформ и вызванные ими массовые крестьянские бунты времен революции 1905 года, как сейчас уже достаточно детально исследовано, были связаны, прежде всего, с массовым социально-этическим неприятием общиной фигуры обособившегося от "мира" частного собственника. В этих условиях идеи, например, Савицкого об организации крестьянского хозяйства на основе индивидуальной трудовой этики, родственной протестантской (или, тем более, использующей наемный труд)⁵¹, – просто не могли получить широкого признания и хозяйственно-экономического воплощения.

Но при этом община, напротив, хорошо принимала и нередко с успехом практически реализовала идеи кооперации. Модель кооперативного движения, разработанная, прежде всего, А.Чаяновым⁵², была отчасти воплощена в дореволюционных российских крестьянских кооперативах, а затем (разумеется, с очень серьезными и жестокими трансформациями) была положена в основу "сталинской коллективизации".

И здесь необходимо оговорить, что и до революции, и после революции отношение деревни к "кулаку" было, в подавляющем большинстве случаев, остро негативным. Существует даже вполне обоснованное мнение, что советская деревня в своей основной массе "согласилась на коллективизацию в обмен на проводимое властью раскулачивание".

⁵⁰ Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, Полиграмма, 1993, с. 46-65.

⁵¹ Савицкий П. Хозяин и хозяйство. //Россия-XXI, №7, 1993, с. 85-91.

⁵² Чаянов А.В. Что такое аграрный вопрос. М. 1917, с. 18-19, 24-25.

В то же время развитие современных форм рыночного хозяйства в городе, казалось бы, должно было привести к формированию относительно единообразного хозяйственного уклада. Но и этого не произошло. В конце XIX века и в начале XX века в городах существовали:

- продвинутый хозяйственный рыночный уклад с ядром в виде системы синдикатов, контролировавших производство в основных отраслях (Продамет, Продауголь и др.) и очень крупных компаний (прежде всего, в нефтяной промышленности). Конъюнктура в рамках этого уклада в значительной степени определялась общеевропейскими факторами и примерно соответствовала динамике Парижской биржи;

- уклад, представленный предприятиями, работающими исключительно или по преимуществу на внутренний рынок;

- собственно государственная нефинансовая хозяйственная система, включающая ряд казенных промышленных предприятий (по преимуществу военных), железные дороги, систему казенной торговли спиртными напитками и некоторые другие объекты.

Кроме того, существовала система хозяйственных организаций, подчиненных земствам (в том числе больницы), а также мелкоремесленный уклад, развитая сфера услуг и (даже в относительно крупных городах) нетоварное "натуральное" садово-огородное и т.п. хозяйство.

При этом, по состоянию на 1913 г., стоимость основных фондов фабрично-заводской промышленности и железных дорог составляла 3523 млн. руб., а все вложения в железные дороги – 5811 млн. руб. (из которых – 5612 млн. руб. – вложения казны)⁵³. Доля государства в суммарных активах промышленности и железнодорожного транспорта России в 1913 г. составляла не менее 50%.

Подчеркнем, что первоначально государство предполагало проводить строительство железных дорог в основном за счет частного капитала. Но к концу 80-х годов XIX века частный капитал утратил интерес к железным дорогам, как к трудоемкому и малоприбыльному делу (реально речь шла, прежде всего, об очень высоких сроках окупаемости инвестиций).

В итоге в 1889-1903 гг. государство заплатило частным владельцам железнодорожных активов 1373 млн. руб. выкупных⁵⁴, и сеть железных дорог оказалась в основном в государственных руках⁵⁵. Здесь мы видим любопытное явление – реприватизацию

⁵³ Струмилин С.Г. Статистика и экономика. М. "Наука", 1979, с.367 и 411.

⁵⁴ Там же, с. 441.

⁵⁵ 43 386 верст из 65 526 верст. (В.Н.Коковцев. Из моего прошлого. Воспоминания 1911-1919. М. "Современник", 1990, с. 444). Активы казенных

значительной части активов рыночного сектора в условиях проведения в целом весьма либеральной государственной экономической политики.

Подчеркнем, что сосредоточение в руках государства преобладающей части железнодорожной сети и подвижного парка – отнюдь не результат "вотчинных наклонностей" царя и его чиновников – в первую очередь, С.Витте. Железнодорожная система Британской Индии имела примерно ту же структуру собственности, что и в России. В Канаде, в условиях, аналогичных российским, железные дороги еще в конце 30-х годов XX века также были полностью государственными.

Главная причина – в том, что огосударствление железных дорог позволяло проводить политику низких тарифов. Такая политика в перечисленных странах была насущно необходима из-за острой необходимости крупнотоннажных перевозок на большие расстояния при невозможности широкого использования дешевого морского и речного транспорта. В этих условиях высокие тарифы на железнодорожном транспорте – были способны фактически изолировать региональные сегменты рынков и парализовать развитие большей части частного сектора.

Кроме того, огосударствление железных дорог позволяло высвободить финансовые ресурсы частного сектора для капиталовложений в сегменты экономики, эффективность которых находится в прямой и непосредственной связи с предпринимательской инициативой.

И оба эти фактора нам нельзя, в частности, не учитывать в нынешней России при принятии решений о дальнейшем реформировании "железнодорожной монополии" – наследницы советского МПС.

В том, что касается пробуждения и поддержки предпринимательской инициативы и развития конкуренции (основных условий становления эффективного рыночного хозяйства), правительства Империи делали довольно много. Политика российской власти последних имперских десятилетий в отношении сельского хозяйства, промышленности и торговли была, несмотря на значимый "каркасный" госсектор, весьма либеральной. Однако в части, касающейся международной торговли, эта либеральность соблюдалась далеко не всегда.

В частности, тот же министр финансов С.Витте, являясь сторонником идей немецкого экономиста Фридриха Листа, был убежден в необходимости введения протекционистских мер для промышленного импорта в Россию. Он был, например, готов идти

дорог были многократно больше активов частных дорог.

буквально на тарифную войну с Берлином, несмотря на тесные династические отношения между двумя императорскими дворами и открытое недовольство Бисмарка⁵⁶.

И здесь уместно напомнить, что в этой протекционистской политике Витте был активно поддержан имеющим немалый авторитет в высших сановных кругах Д.И.Менделеевым, который написал – специально по вопросу протекционистских тарифов – несколько писем Николаю II⁵⁷.

Вообще именно в эту эпоху, видимо, и начала впервые складываться та, вначале узкая, прослойка российских хозяйственных руководителей – теоретиков и практиков, которую можно назвать "школой российского экономического прагматизма", и к которой можно отнести, помимо упомянутых Витте и Менделеева, также М.Н.Туган-Барановского, А.В.Чаянова, Н.Д.Кондратьева и ряд других ученых и практиков.

Так, в частности, Туган-Барановский, анализируя историю российского фабрично-заводского производства⁵⁸, показал связь кризисных явлений в отечественном хозяйстве с отсутствием источников доступного кредита и с общей слабостью кредитно-финансовой системы. (Подчеркнем, что первый – Государственный заемный – банк в России появился лишь в 1754 г. и долгое время выдавал кредиты только помещикам под залог земли).

Сейчас, в контексте обсуждения истории экономического развития России и стратегии нынешних реформ, часто ставится вопрос: почему хозяйственное управление у нас в стране постоянно отчуждено от самих хозяйствующих субъектов и обычно осуществляется властью, внеэкономическими методами и без серьезного учета интересов этих субъектов? В связи с этим стоит отметить следующее.

На западе и, в частности, в США основное влияние на принятие стратегических государственных решений с достаточно давних пор оказывала именно экономическая элита. Р.Миллс, например, считает крупнейшие корпорации, наряду с государственной администрацией и армией, одним из трех основных социальных институтов Америки⁵⁹. Причина, прежде всего, в том, что, по ряду оценок, даже в периоды максимального экономического и административно-хозяйственного могущества американского государства, – совокупный хозяйственно-экономический, и в том

⁵⁶ Витте С.Ю. Воспоминания в трех томах. М.. Изд. социально-экономической литературы. Т.1. с. 370-374.

⁵⁷ Менделеев Д.И., Сочинения, т. XXV, с. 775.

⁵⁸ Туган-Барановский М.Н. Русская фабрика в ее прошлом и настоящем. Петроград, 1918.

⁵⁹ Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959, с. 25-27.

числе финансовый, потенциал частновладельческих социальных групп обычно в десятки раз превышал соответствующий потенциал административной власти.

Торг, как способ властвования и социального управления, оказывается в этих условиях практически основным фундаментом и политической, и всей хозяйственной жизни, формируя общий психологический фон и контекст любой общественной деятельности. И потому в США, как утверждает, например, А.Шлезингер, "только лидер, способный убеждать и торговаться, способен вообще запустить в ход громоздкую управленческую машину"⁶⁰.

В России, в силу отсутствия экономических элит такого масштаба (и совокупного экономического влияния), финансово-экономический фактор властвования никогда не мог бы даже попытаться реально выдвинуться на решающие политические позиции.

Даже крупное землевладение, из-за пониженного в климатических условиях России производительного потенциала сельского хозяйства, не создало в стране того массового крупного собственника, который мог бы, по большому счету, конвертировать свой экономический потенциал в значимый властный ресурс. А собственно финансовый капитал в России вообще всегда был крайне дефицитен. И потому исследователи российской экономики, даже в отношении позднего имперского (предреволюционного) периода, неоднократно озвучивали тезис "русская буржуазия – буржуазия, которой не было".

Подчеркнем, что именно из-за совершенно недостаточного для нужд экономики развития отечественного кредитно-финансового сектора – имперская администрация в конце XIX – начале XX веков была вынуждена пойти на введение золотого рубля и политику конвертируемой валюты, с сопряженными с ней опасностями вывоза капитала и международных валютных и политических рисков. (Заметим, что роль этих рисков в полной мере проявились позже, в период Первой мировой войны, в непростых отношениях России с Антантой).

И именно по этой причине имперская администрация начала активно привлекать для развития российского хозяйства кредиты с международных (сначала английских и голландских, а затем в основном французских) финансовых рынков⁶¹.

⁶⁰ Шлезингер А. Циклы американской истории. М., Прогресс, 1992, с.410.

⁶¹ Витте С.Ю. Указ. соч. Т.1. с. 280.

2.2.5. Советский период

Для советского времени в целом, по понятным причинам, оказалась характерна тенденция к одновременным упрощениям и унификации и социальной структуры общества, и системы хозяйственных укладов (с некоторым отступлением от этой тенденции в период НЭПа). В конечном счете, в советской хозяйственной системе осталось только два официальных уклада – госсектор и колхозный сектор (причем размеры последнего весьма сильно сократились после преобразования значительной части колхозов в совхозы).

Указанная политика унификации хозяйственных укладов объективно стала одной из важнейших причин утраты советской экономикой хозяйственной эффективности. Прежде всего, потому, что она практически исключала возможность локальной адаптации насильно унифицированных укладных форм к весьма многообразным на огромной территории природно-климатическим и социокультурным условиям хозяйствования.

Так, в частности, хорошо известно, что именно такая политика директивно-волюнтаристской укладной унификации, будучи применена в Туркестанском крае, привела к массовой гибели скота, упадку оазисных центров традиционного земледелия и, в конечном счете, к катастрофическому голоду, во время которого погибли, по меньшей мере, сотни тысяч человек.

Кроме того, такая политика, до предела сузив пространство экономической (и вообще хозяйственной) инициативы как для индивидов, так и для традиционных сообществ разного типа и происхождения, оказалась, вероятно, одним из основных факторов социально-политического отчуждения деятельного населения от советской власти и государства.

И подчеркнем, что именно для "периферийных" зон СССР, в которых такая, противоречащая традиционным нормам жизни, укладная унификация оказалась наиболее грубой и болезненной, стали характерны максимальные масштабы коллаборационизма в период Великой Отечественной войны.

Но в действительности унифицировать советскую хозяйственную укладную структуру, как известно, не удалось. Экономика реагировала на все попытки укладной унификации полуполевым или просто нелегальным воспроизводством старых традиционных воспроизводящих укладов, созданием и быстрым ростом теневого хозяйственного сектора, а также своеобразной трансформацией былых "абреческих" субукладов в своеобразную "экономику" хищений социалистической собственности с ее

оборотом (в последние советские годы) в несколько десятков миллиардов долларов.

Кроме того, государство, ради сохранения социальной стабильности, было вынуждено "смотреть сквозь пальцы" на появление, развитие, взаимопроникновение множества неофициальных субукладных форм экономической деятельности и в сфере личного хозяйства, и в сфере услуг, и в других сферах.

Заметим, что вся эта укладная и субукладная структура повсеместно в Советской России активно и длительное время (как выясняется по развитию властно-экономических процессов в ряде постсоветских стран СНГ – до сего дня) воспроизводила соответствующую социокультурную и этико-нормативную базу хозяйствования. Так, в Средней Азии, Киргизии, Казахстане в постсоветское время становятся уже почти обыденными и межобщинные конфликты за поливную воду, и массовые набеги на соседей с угоном скота (так называемая "баранта"). А горная Чечня, как известно, почти мгновенно и в массовом порядке вернулась к бывшему набегово-абреческому присваивающему субукладу.

Но эти процессы влияния унаследованного социокультурного фундамента на советское хозяйствование были характерны вовсе не только для государственных окраин. В частности, выше уже было сказано, что при проведении коллективизации и "раскулачивания" власть в полной мере использовала социокультурные особенности дореволюционной крестьянской общины и ее стремления обустроить жизнь и хозяйство "миром".

Но и "сталинская индустриализация" проводилась, прежде всего, руками вытесненных из деревни коллективизацией недавних крестьян, которые не могли не переносить в город навыки и образ жизни породившей их общины. Воспроизводясь в превращенных и искаженных формах в "барачной" жизни новых индустриальных поселков, этот постдеревенский общинный "мир" организовывал и выстраивал (в том числе, применяя многообразные формы коллективной репрессии и коллективного поощрения) практически все сферы социальной жизни – нормы бытового поведения, тип отношения к труду и пр.

Одной из проблем, которые это порождало, была "общинная" репрессия попыток индивидуальной достижительности и соревновательности ("не высовывайся, будь, как все"), которая сохранялась очень длительное время и во многом определяет трудовую этику значительной части российского общества и по сегодняшний день. Это точно уловил и показал, например, Владимир Высоцкий в одной из своих наиболее талантливых песен:

"Все жили ВРОВЕНЬ, скромно так, система коридорная, на тридцать восемь комнаток – всего одна уборная"⁶².

И известно, что советская власть в своих попытках поднять производительность труда сумела наладить широкое, постоянное и массовое трудовое соревнование лишь там и лишь тогда, когда оно было организовано не на уровне отдельных работников, а на уровне бригад. То есть, – трудовых (заметим, что, как правило, заодно и "общежительских") коллективов.

2.2.6. Период постсоветских реформ

С начала реформ и по 1992 г. укладный полиморфизм экономики России возрастал. Однако затем начала вновь проявляться тенденция укладной унификации за счет попыток полного вытеснения госсектора и минимизации кооперативного сектора (который, заметим, ныне по масштабам и уровню развития намного уступает аналогичному сектору в 1917 г., "до большевиков").

Создается впечатление, что неизменной целью нынешних российских реформаторов было и остается создание некоего абстрактного "рынка" и, соответственно, не менее абстрактного рыночного уклада, унифицирующего условия хозяйствования во всех секторах экономики безотносительно к их природе, прибыльности, капиталоемкости, материало- и энергоемкости и т.д. А также – безотносительно к локальным особенностям российских регионов.

От того обстоятельства, что реальное рыночное хозяйство в любой более или менее развитой стране включает достаточно специфические уклады и субуклады, связанные с крупным бизнесом, мелким бизнесом и госсектором, наши реформаторы очевидным образом абстрагировались.

И это привело к ряду парадоксальных результатов:

1. Госсектор уже в 1992 году превратился, строго говоря, в квази-госсектор, поскольку его функционирование практически не регулировалось (все усилия государства были сосредоточены не на управлении госсектором, а на его приватизации). Фактически предприятия госсектора были как бы отданы в доверительное управление их руководителям, но без фиксации ограничений на их экономическое поведение.

А это автоматически привело к превращению именно госсектора в полукриминальное царство – различные экономические преступления здесь стали почти что нормой.

⁶² Высоцкий В.С. Сочинения в 2 томах. Т. 1, с. 471.

2. Никакого внимания созданию системного крупного бизнеса, то есть крупных финансовых и нефинансовых корпораций, контролируемых частным капиталом, не уделялось. Результат – российские структуры крупного бизнеса, способные реально конкурировать на ключевых мировых рынках за годы реформ так и не сложились (ТЭК и еще несколько сырьевых компаний – единственное и неоднозначное исключение).

Крупных корпораций в России, если исключить недоприватизированные "естественные монополии", просто катастрофически мало, а их способность стратегически влиять на экономическое развитие страны – весьма незначительна⁶³.

3. Система малого бизнеса – создана в неэффективном варианте, с очень слабым промышленным производственным ядром и очень крупным теневым сектором. Функционирование в теневом или "полутеневом" режиме здесь почти превратилось в "образ жизни".

4. В стране вообще гипертрофирован теневой сектор и мощно развит мелкокриминальный и субкриминальный сектор экономики.

5. Нарастают тенденции разложения экономики на экспортный сектор и локальные рынки региональных масштабов.

Но, при всех перечисленных негативных тенденциях, государство в сегодняшней России влияет на экономику очень сильно. В первую очередь – за счет того, что ее "реформирует". Усилия реформаторов, якобы направленные на либерализацию экономики и повышение ее рыночного качества, тем самым дают в целом почти всецело обратный результат.

Общий промежуточный итог этих попыток создания "идеального" высококонкурентного рыночного хозяйства – появление в стране бескредитного капитализма банкротов (поскольку банки не в состоянии обслуживать реальный сектор из-за их слабости, а большая часть предприятий – в фактически банкротном состоянии). Причем огромная часть субъектов этого "капитализма банкротов" оказывается обладателями совершенно неопределенного или крайне "подвижного" хозяйственного статуса.

Вдобавок, становящийся в ходе реформ тип хозяйства – явно несет на себе отпечаток описанных выше худших традиций Московского царства (фаворитизм в отношении иностранных предпринимателей, сильное влияние административной сферы на деловой мир, неквалифицированный и неэффективный аппарат).

Но именно этот уникальный хозяйственный режим насаждается в централизованном порядке повсеместно в одном и том же виде

⁶³ Об этой проблеме см.: Л.С. Черной. Экономика, рынок, государство. М., «Наука», 2000, с. 64-73.

(аналогично тому, как это было с другим хозяйственным укладом в советские времена) и при отчаянном сопротивлении унаследованной и стихийно формирующейся ткани иных укладов и субукладов. А потому руководителям на местах приходится компенсировать дефекты властной (центральной) хозяйственной институциональной политики – неформальными управленческими коррективами по административным каналам. То есть тем, что в послевоенной Японии называли "руководством через окошко".

И чем более сложным оказывается хозяйственно-экономическое положение страны (или даже конкретной отрасли), тем выше в данных условиях становятся объем и значимость "руководства через окошко".

По описанным причинам сложившуюся в России к сегодняшнему моменту систему хозяйственных укладов следует рассматривать как временную и в нынешнем виде нежизнеспособную. Хотя бы потому, что почти бескредитный "капитализм банкротов", причем существующий в режиме практически открытой экономики, устойчивым быть никак не может.

Кроме того, такой "капитализм" ни в нынешнем виде, ни с учетом планируемых (прокламируемых) властью изменений, совершенно не соответствует потребностям предпринимательского сообщества.

Во-первых, промышленное производство в России за последнее десятилетие в большинстве секторов сократилось в 2-4 раза, что автоматически сузило сферу промышленной деятельности (причем, прежде всего, в тех отраслях, эффективность которых в особенности зависит от предпринимательской инициативы)⁶⁴.

Во-вторых, при планируемом введении "режима ВТО" позиции российского предпринимательского сообщества и в мировой, и даже в российской экономике (при отсутствии кредита и банкротном состоянии большей части предприятий с изношенными фондами) неизбежно очень быстро ухудшатся (впрочем, они будут ухудшаться и без "режима ВТО").

В-третьих, переход к системе внутренних цен на энергоносители, исчисляемых на базе официального курса рубля и мировых цен, при заниженности курса в 2-3 раза (иначе экспорт невозможен⁶⁵) – автоматически ведет к тому, что уровень цен на

⁶⁴ Согласно данным об объемах производства в текущих ценах и росте цен производителей, объем промышленного производства в 1999 г. составлял в % к 1990 г.: в машиностроении – 17%, в легкой промышленности – 7,0% (Российский статистический ежегодник, 2000, с. 331, 341, 567). Это – в своем роде уникальное достижение.

⁶⁵ Л.С.Черной. Глобализация: прошлое или будущее? Трансформация рыночных хозяйственно-экономических систем. М, ИКЦ "Академкнига", 2003, с.

энергоносители в России окажется в 2-3 раза выше среднего уровня цен на российском рынке.

А это, в комбинации с другими факторами, наверняка приведет к сокращению объемов производства в энергоемких отраслях промышленности до уровня, вплотную приближающегося к потребностям экспорта. И далее – к новому общему снижению производства во всей промышленности и в сельском хозяйстве.

В-четвертых, предпринимательскому сообществу России вовсе не нужно, чтобы на него возлагалась задача финансирования капиталовложений в электроэнергетику и железнодорожный транспорт (а именно это предполагает ряд планируемых реформ), – в условиях, когда оно не в состоянии найти средства даже для инвестиций в прибыльные малокапиталоемкие отрасли, а иностранный капитал в принципе избегает инвестиций в отрасли с высокой фондоемкостью.

Судя по достаточно широкому спектру экспертных оценок, предпринимательскому сообществу России нужно, чтобы инвестиции в капиталоемкие отрасли взяло на себя государство (как это было в большинстве нынешних развитых стран в 50-70-е годы – при их гораздо лучшем экономическом положении). И одновременно ему нужно, чтобы государство проводило политику низких цен на услуги железнодорожного транспорта и продукцию ТЭК (с тем, чтобы компенсировать отечественным предпринимателям факторы холодного климата и высоких транспортных издержек).

С середины XVI по середину XVII вв. московское правительство проводило политику "выдачи головой" российского купечества английским и голландским конкурентам.

Теперь объективно наращивается политика "выдачи головой" предпринимательского сообщества России эффективным зарубежным предпринимательским сообществам, сложившимся при длительной активной поддержке государства или в полной мере пользующихся ею и сейчас (помимо развитых стран, это, например, Китай, Турция и пр.).

Но это такой тип участия в строительстве глобальной экономики, при котором для российских предпринимателей места на мировых рынках просто не будет.

Представляется, что эффективная в условиях современной России система хозяйственных укладов должна, с определенными поправками, наследовать той, которая была у нас в стране перед революцией 1917 года, то есть в конце имперского периода, и сохранять созданную в советское время систему "социальных стабилизаторов". Уклады должны быть адаптированы к

современным хозяйственным условиям и достаточно гибко варьироваться по горизонтали. Банкротная проблема должна быть решена за счет реальной политики финансового оздоровления предприятий, в том числе за счет государственной помощи банкротам.

Альтернатива таким мерам, на наш взгляд, – экономический и, возможно, политический распад государства и, в конечном счете, ассимиляция большей части российской хозяйственной территории другими мощными международными субъектами. В первую очередь – Китаем с его гигантской динамичной "экономикой полуреформ".

Глава 3. Дефицит эффективности Российского государства как фактор динамики социально-экономических процессов

3.1. Факторы управляемости России и обществ западного типа

Согласно распространенной точке зрения, главное отличие России, как социально-экономического объекта, от общества западного типа состоит в том, что в ней – сильное государство, которое все и вся активно регулирует. А в западных обществах, как утверждается, – государство слабое, и сфера его регулировочных воздействий на социально-экономические процессы невелика.

Реальное положение совсем иное хотя бы потому, что якобы "сильное" российское государство неоднократно разлагалось под влиянием внутривластных факторов – например, в период смуты в начале XVII века и в 1917 году.

В 1991 году распалась Большая Россия. А Новая Россия пока также совсем не выглядит эффективным государством, гарантированным от дальнейшего распада.

Очевидными главными особенностями российской политико-экономической системы, создающими ей репутацию сильного государства, являются:

- жесткая конфронтация власти (чрезвычайно сконцентрированной) с большинством элитных групп, из которой власть, как правило, выходит победителем;
- большой удельный вес "приказных административных факторов" в системе управления.

Менее очевидным является то, что Российское государство сложилось и в течение многих столетий, по XVIII век (до ввода в оборот бумажных денег Екатериной II), развивалось в условиях острой демонетизации всей экономики и слабости финансовой базы власти, а также в условиях отсутствия (в отличие от того, что имело место на Западе) развитой финансовой сферы. И потому – в условиях неспособности управлять главным образом через воздействие на параметры финансовой среды и посредством большого бюджета⁶⁶.

Даже в XVIII веке российский бюджет был ничтожен сравнительно с французским. Точно так же, как сегодня российский бюджет (даже если считать не по заниженному курсу, а по паритету покупательной способности рубля) ничтожен сравнительно с американским.

⁶⁶ Р.Пайпс совершенно правильно отмечает: "...в России в обращении денег никогда много не было". (Пайпс Р., указ. соч., с.253).

Именно по этой причине в России, в течение почти всей ее истории, не имелось возможностей эффективного управления страной по западному образцу. И как раз дефицит таких возможностей возмещался "управлением через приказы", несмотря на очевидные большинству властных элит слабости и недостатки такой системы управления.

Заметим, что и общества западного типа переходили к системе преимущественно косвенного управления (через финансовую сферу) тоже не сразу, а лишь по мере создания и укрепления такой финансовой сферы. Сначала это произошло в Голландии, затем в Англии, затем во Франции. Однако при этом хлебная торговля, например, регулировалась во Франции в масштабах, невиданных в России, в течение большей части XVIII века, причем властью контролировались и товаропотоки, и цены.

Англия, в действительности, дерегулировалась и перешла к преимущественно финансовой модели государственного управления только после победы над Наполеоном. Пруссия при Фридрихе II, а также при его предках и преемниках, была классическим административным государством "российского типа" (точнее, видимо, Россия XVIII века была государством прусского типа, ибо российские административные заимствования шли, прежде всего, из Пруссии).

Но и гораздо позже каждый раз, когда на Западе выявлялась недостаточность чисто финансовых инструментов регулирования экономических и социально-политических процессов, – сразу проявлялась тенденция к резкому увеличению использования административных инструментов в общем объеме регулировочных воздействий.

В последние годы очевидные неуспехи ряда российских рыночных реформ нередко пытаются объяснить исключительной спецификой социокультурного развития России. Мол, при чем здесь возможности рыночного (прежде всего, финансового) управления экономической и социальной средой?! Дело, якобы, прежде всего в том, что только для нашей страны характерны широкие и массовые "негативные ожидания" в отношении буржуазных классов (вплоть до полного неприятия частной собственности).

Однако это – вовсе не исключительная российская специфика. Схожие явления и настроения были (причем неоднократно в истории) и в странах, которые несколько веков развивались во вполне "рыночном" русле. Например, во Франции.

Так, французский историк Ж.-К.Перро пишет, что во времена Великой французской революции катастрофическая ситуация со снабжением городов (прежде всего, Парижа) продовольствием и товарами первой необходимости – вызвала волну острой ненависти

к "спекулянтам и скупщикам", и породила в массовом сознании французов "недоверие к свободному рынку, конкуренции, частному предпринимательству".

"...На заре индустриализации это устойчивое недоверие к крупным предпринимателям, банкирам (богатым и, следовательно, безнравственным) было чревато тяжкими последствиями... Во Франции либеральные идеи рождались в мучениях, от которых они были избавлены в Великобритании"⁶⁷

Отметим, что действительная угроза потери социального управления, с которой тогда столкнулась новая революционная власть, вынудила ее к использованию жестких административных или даже "военно-командных" методов государственного регулирования. А последовавшая за этим череда войн, в которые оказалась втянута Франция, углубила и закрепила такие регулятивные тенденции.

Но заодно нельзя не отметить, что вытеснение элементов рыночного регулирования директивными механизмами – в итоге привело к бурному расцвету в стране теневой, нелегальной экономики. И далее к нарастанию хозяйственной роли и социального влияния субкриминального и криминального сегментов французского "предпринимательского сословия"⁶⁸.

Возвращаясь к теме данного раздела, подчеркнем, что во время Первой мировой войны все крупные государства Западной Европы (в особенности – участники войны) управлялись преимущественно командно-административными средствами, используя те или иные варианты системы "военного социализма". Не была исключением и наиболее либеральная Англия⁶⁹.

После 1918 г. произошел почти повсеместный возврат к системе косвенных методов государственного управления, преимущественно через финансовые инструменты.

Однако после начала кризиса 1929 года доля административных методов в управлении экономиками развитых (а затем и развивающихся) стран начала быстро расти, причем одновременно в объект регулирующих административных воздействий превратилась и вся социальная среда (вспомним,

⁶⁷ Цит. по А.В.Ревякин. Государство и экономика во Франции XIX века: от военно-административного к рыночному механизму регулирования. //Экономика и политика: взаимосвязь и взаимовлияние. М, АН СССР, 1990, с. 73.

⁶⁸ Там же, с. 72.

⁶⁹ Л.С.Черной. Глобализация: прошлое или будущее? Трансформация рыночных хозяйственно-экономических систем. М, ИКЦ "Академкнига", 2003, с. 122-132.

например, мощнейшие разветвленные социальные программы администрации Ф.-Д. Рузвельта).

Во время Второй мировой войны экономики Англии, США, Канады превратились в почти полностью регулируемые (почти "военно-социалистические") смешанные экономики. И в этом отношении они, если рассматривать ключевые параметры и механизмы управления, мало чем отличались от "тоталитарных" Италии, Германии и СССР.

После войны (если не брать в расчет СССР и некоторые другие страны) уровень административного регулирования социальной и экономической среды повсеместно понизился, но долго оставался весьма высоким (в частности, в Англии и Франции после войны были проведены массированные национализации ключевых капиталоемких сегментов хозяйства, а во Франции – и значительной части банковских структур).

После 1980 г. стали предприниматься систематические повсеместные попытки понизить долю административных механизмов управления социальной и экономической среды, то есть произвести ее массовую либерализацию. Эти попытки (если не брать в расчет бывших социалистических, а ныне новых рыночных стран), несмотря на многочисленные доказательные данные о действительно глубокой либерализации экономик, увенчались лишь относительным успехом.

Во-первых, либерализационный эффект широких приватизационных мероприятий был практически повсеместно скомпенсирован быстрым ростом масштабов бюджетного перераспределения ВВП.

Во-вторых, продолжал развиваться мощный процесс уплотнения и ужесточения нормативно-законодательной системы административного и хозяйственного регулирования и, соответственно, "нормативной" делиберализации социальной и экономической среды.

В-третьих, "либерализационный" рост проницаемости межгосударственных границ был скомпенсирован параллельным ужесточением контроля за перемещением людей, товаров, услуг и финансовых потоков.

И, наконец, в настоящее время (и, в первую очередь, на наиболее либерализованном Западе) "эпоха либерализации" на наших глазах трансформируется в эпоху "борьбы с криминальным капиталом" и "борьбы с терроризмом", сопровождающуюся резким наращиванием системы мер чисто административного и нормативного контроля и регулирования подавляющего числа сфер хозяйственно-экономической деятельности.

Однако даже если игнорировать специфические "полицейские эффекты", порожденные указанной эпохой "борьбы с террором и криминальным капиталом", то, тем не менее, вполне очевидно, что развитые общества функционируют в условиях высокой степени нерыночного (прямо или косвенно административного) регулирования основных экономических и социальных параметров. В том числе динамики ВВП, динамики инфляции, курса национальных денежных единиц, уровня оплаты труда, безработицы, валютно-финансовых потоков.

Положение в этом отношении радикально отличается от того, что было 100 или даже 30-40 лет назад. Выдвинутый Ф.фон Хайеком проект "возврата к свободе нестесненных рынков" был в действительности (хотя и без громких публичных признаний) заменен совершенно другими концепциями и практическими управляющими мерами.

Достаточно распространено представление о том, что экономика Запада (и почти всех стран с эффективными экономиками западного типа) регулируется в основном непосредственно рынком. Это отчасти верно. Но одновременно верно и то, что условия для эффективного функционирования рынка там (чем дальше, тем больше) создаются за счет весьма глубокой и активной административной регулировки экономической и социальной среды по очень большому числу параметров. То есть на деле нерегулируемая (или, точнее, условно регулируемая) рыночная сфера в современных экономиках западного типа – по существу, является надстройкой над планомерно и эффективно регулируемой системой институтов и структур⁷⁰.

Таким образом, сегодня оказалось, что Россия гораздо ближе к хайековскому идеалу "нерегулируемого общества", чем страны Запада. Ближе именно потому, что система административного регулирования в нашей стране практически свернута, а система финансового регулирования – еще не развернута и даже, по большому счету, не создана.

Более того, характер проводившейся нашими реформаторами в последние годы финансово-денежной политики, основанной на принципе допущения глубокой демонетизации экономики, на нынешний момент сделал невозможным создание в России финансовой системы, отвечающей современным стандартам. И, тем самым, заблокировал создание инструментов эффективного регулирования экономики России собственно финансовыми, рыночными средствами.

⁷⁰ Л.С. Черной. Экономика, рынок, государство. М., «Наука», 2000, с. 35-52.

3.2. Причины низкой управляемости России и ее последствия

Способность государства (точнее, его руководящих центров) в любой данный момент воздействовать на протекающие в социально-экономическом пространстве процессы – лимитируется тем, что социально-экономическая среда обладает как ограниченной чувствительностью к управляющим воздействиям, так и определенным потенциалом сопротивления этим воздействиям.

Причем эти "потенциалы чувствительности" и "потенциалы сопротивления" не являются константами и меняются в зависимости от множества обстоятельств.

В обществе с высокой сопротивляемостью управляющим воздействиям – слабая власть в принципе не может добиться многого, но и сильная власть зачастую также может добиться очень немногого.

Общество, составленное из более или менее многочисленных интегрированных социальных групп типа племен, кланов, клик, мафий, каст, в принципе, при прочих равных условиях, менее чувствительно к управляющим воздействиям, чем общество, лишенное таких групп. Первый тип общества можно в грубом приближении назвать обществом с "нуклеоидной" социальной структурой, второй – обществом с аморфной социальной структурой.

Реальное общество, конечно же, никогда не может быть вполне аморфным и, соответственно, всегда обладает определенной "нуклеоидностью", уровень которой зависит как от числа "социальных нуклеусов" (в качестве которых могут выступать не только кланы и мафии, но и партии, профсоюзы и т.п.), так и от силы интегрирующих эти "нуклеосы" эмоциональных "полей общности".

Азиатские общества традиционного типа всегда характеризовались существенно более высокой насыщенностью социальными нуклеусами традиционного типа (племена, кланы, клики, касты), чем типично европейские общества. Соответственно, они всегда характеризовались повышенной сопротивляемостью управляющим воздействиям, и управление ими как единым целым могло осуществляться лишь весьма жесткими или даже деспотическими режимами (что, как правило, и имело место в истории).

Но при этом сплошь и рядом вполне деспотический режим оказывался не в состоянии проконтролировать даже основные социальные и экономические процессы, протекающие в обществе. И нарушение баланса между силой деспотии и силой сопротивления деспотии в пользу последней – вело либо к перемене династии,

либо к распаду государства (и, как правило, его поглощению другим государством).

Разумеется, "коэффициент нуклеоидности", как он определен выше, далеко не единственный фактор, который оказывает влияние на потенциал сопротивляемости общества управляющим воздействиям. В действительности этот потенциал сопротивляемости распределен между управляющим аппаратом (организацией) – и собственно объектом управляющих воздействий.

Соответственно, можно говорить об аппаратном потенциале сопротивляемости управляющим воздействиям и объектном потенциале сопротивляемости управляющим воздействиям.

Или иными словами, любой реформаторский или даже просто управляющий порыв власти в любом обществе наталкивается на сопротивление и искажение как со стороны управляемого общества, так и со стороны исполняющих управление аппаратов (рис. 3.1).

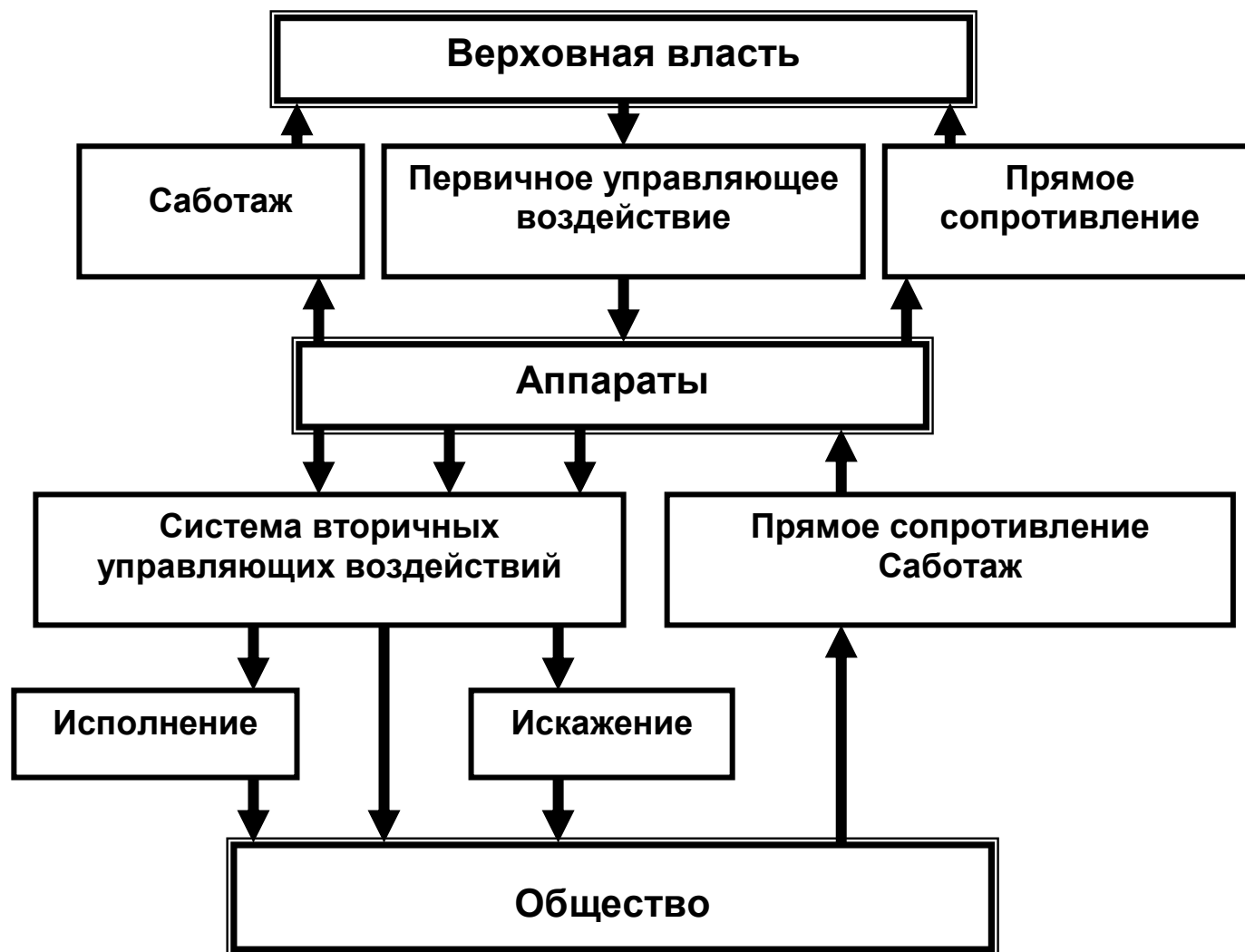

Рис 3.1. Структурная схема социального управления

В связи с описанной моделью необходимо подчеркнуть, что в России действительно никогда не было действительной политической свободы. Но при этом в ней постоянно сохранялись крупные социальные и географические зоны, практически находившиеся вне зоны абсолютистского и государственного контроля.

В числе таких "зон вне абсолютного контроля", если взять в качестве примера Московское царство, были:

- до реформ Петра I церковь в целом и монастырская Россия (с автономией последней покончила лишь Екатерина, хотя вопрос о секуляризации монастырской собственности приобрел актуальность еще в первой половине XVI века);

- северная, восточная и южная периферия государства, куда постоянно оттекало (зачастую попросту бежало) население из центра, и в том числе территории донских, терских, уральских казаков;

- вообще казачьи войска как институт;

- общины староверов (фактически русских в том виде, какой они имели до трансформации поместного режима в режим крепостного права);

- общины иностранцев и представительства иностранных компаний (яркий пример – знаменитая "немецкая слобода" в Москве);

- сообщества так называемых "гулящих людей", которые в теории, при якобы крайне жестоких московских порядках, вообще не должны были существовать, но на практике были достаточно многочисленны и активны;

- нелегальный сектор вотчинного и крепостного хозяйства

Даже этот перечень, без каких-либо комментариев, показывает, что в период Московского царства объектный потенциал сопротивляемости регулирующим воздействиям был очень велик. В дальнейшем характер факторов, создающих эффекты сопротивления управляющим воздействиям, конечно, менялся. Но сам потенциал сопротивляемости России "управлению" был неизменно высоким, а результаты управления всегда, как правило, далеко не соответствовали ожиданиям.

Разумеется, чем эффективнее был административный аппарат, тем лучше преодолевалось сопротивление социально-экономической среды России управляющим воздействиям. Однако в России аппарат никогда не был очень эффективным (о чем подробно – ниже).

Поэтому даже в советский период степень неуправляемости общества была заметной величиной, причем с течением времени

она увеличивалась. Нарастание элементов неуправляемости выглядело так:

1. Начиная со сталинских времен, планы развития сельского хозяйства регулярно не выполнялись.

2. В деревнях власть не могла справиться с хищениями социалистической собственности. В теории крестьянина могли посадить за несколько колосков (и иногда так и случалось), на практике же крестьяне регулярно из года в год "приватизировали" около 1/3 производившейся в колхозно-совхозной системе продукции. Это было прекрасно известно, но на это закрывали глаза.

3. Система так называемой потребкооперации также все время работала в режиме "полуприватизации" (поэтому она была огосударствлена при Хрущеве, а при Сталине, что симптоматично, ее терпели).

4. В торговле всегда существовал (и процветал) весьма значительный теневой сектор.

5. Работа промышленности обеспечивалась реально несколькими десятками тысяч незаконных бартерных микрорынков, субъектами которых были снабженческие организации предприятий, осуществлявших вторичное перераспределение фондов (не всегда рационально, а иногда сознательно деформировано или почти произвольно распределявшихся Госпланом).

6. Реальный контроль за темпами роста промышленности начал утрачиваться после 1950 г. и был почти полностью, за вычетом ряда приоритетных отраслей, утрачен к концу 1970-х годов.

7. В 1980-е годы планы отраслей и предприятий начали приобретать чисто условный, декоративный характер.

8. Не предпринималось даже попыток взять под контроль процессы демографической деградации.

9. Около 1970 г. выявилась неспособность страны обеспечивать полноценное технологическое обновление производства.

10. Не позднее 1960-х годов стала выявляться неспособность режима обеспечить лояльность населения, и не позднее 1980 г. — его неспособность блокировать разложение партийного аппарата.

Видимо, одна из наиболее существенных исторических причин пониженной управляемости России состоит в низкой или недостаточной легитимности власти (и, соответственно, законодательства).

В связи с этим следует заметить, что дефицитом легитимности (по крайней мере, в глазах значительной части политической и экономической элиты) обладали чуть ли не все российские монархи.

Одни из них происходили от неизвестных отцов (Петр I; возможно, Василий III; Иван Грозный, а также Павел I и даже

Николай II), другие являлись "выборными царями" (Борис Годунов, Михаил Романов), третьи приходили к власти в результате тайных или явных государственных переворотов (Екатерина I, Елизавета Петровна, Екатерина II, отчасти Петр I, Александр I).

Но тот же самый дефицит легитимности заставлял "самодержцев" либо проводить в широких масштабах политику репрессий (Иван Грозный, Петр I, Павел I), либо обеспечивать себе поддержку элиты за счет крупного социального подкупа (путем раздачи государственных земель и душ, а также прямых пожалований), либо делать одновременно то и другое. Существует, в частности, обоснованное мнение, что история возникновения и развития крепостного права тесно связана с попытками царей, испытывавших дефицит легитимности, укрепить свое положение путем подкупа дворянской массы.

Однако проблема дефицита легитимности у носителей власти неизбежно имеет своей обратной стороной дефицит легитимности законодательства. Не в последнюю очередь, по этой причине законы никогда не пользовались в России особым уважением. Особенно в тех случаях, если они не имели прочного и убедительного морального основания.

Причем, как отмечает множество исследователей, законы в России постоянно "сепарировались снизу" – в том смысле, что повсеместно и всегда разделялись массовым сознанием на имеющие и не имеющие моральную санкцию, то есть на "справедливые" и "несправедливые". Законы второй категории, независимо от условий их принятия, считались "законами второго сорта". Им подчинялись лишь тогда и лишь постольку, поскольку к этому принуждала внешняя сила.

Но эта же проблема имеет прямое и непосредственное отношение и к периоду наших нынешних реформ. Значительная часть принятых в последнее десятилетие (причем даже без формальных нарушений) законов обладает ограниченным (то есть чисто формальным, но никак не санкционированным массовой моралью) правовым статусом. И знаменательно, что за весь период реформ (имеющих воистину революционное, причем касающееся всех и каждого, экономическое содержание) по вопросам экономического законодательства в России не было проведено ни одного референдума.

Это обстоятельство, заметим, не только крайне затрудняет становление России как полноценного правового государства. Это обстоятельство играет решающую роль в "косвенной легитимации" всей структуры теневой и криминальной экономики, политики, социальной деятельности, с которой мы сейчас пытаемся (признаем, пока малоуспешно) бороться.

А причина этой малоуспешности – именно в том, что легальность публичного законодательства оказывается постоянно противопоставлена не только эффективности, но и, что крайне важно, "справедливости" нелегальных способов действия.

Подчеркнем, что вопрос социально-этического обоснования рыночных реформ, рыночных отношений вообще (и, в частности, прав собственности в условиях рынка) стоит достаточно остро вовсе не только у нас в России, где возвращение к рынку происходит после очень длительного "разрыва" протяженностью в несколько поколений. Причем и в экономической теории, и в экономической практике это обоснование оказывается невозможным через понятия разного рода популярных у теоретиков моделей "совокупной полезности", "наибольшей общественной выгоды" и т.п.

Так, подход Р.Коуза, предлагающий, в виде универсального принципа, закреплять и защищать права собственности за теми экономическими субъектами, которые могут извлечь из их использования максимальную выгоду⁷¹, вызвал достаточно массовую и убедительную критику. Причем, заметим, критику не только с этатистских и "уравнительных" позиций, но и с позиций институционализма.

Критики подчеркивают, что огромная роль в реальном обществе неэкономических мотиваций приводит, в случае попыток распределения прав собственности в соответствии с теоремой Коуза, к косвенным издержкам социального характера, которые ставят под вопрос любые приобретения за счет рыночной "эгоистической эффективности"⁷².

В связи с этим в качестве важнейшего дополнения к критериям "рыночной эффективности" (по Коузу или других типов) предлагается использовать для легитимации рыночных реформ и прав собственности те или иные критерии "справедливости". Но уже хотя бы перечисление нескольких наиболее известных моделей "учета справедливости" (оптимум Парето, оптимум Калдора, оптимум Роулза), а также попыток систематизировать "критерии справедливости" (Л.Болтански, М.Уолцер и др.) – показывают, что здесь любые критериальные шкалы являются предметом вкусовых, концептуальных, идеологических и иных разночтений⁷³.

Многочисленные дискуссии по таким разночтениям в западной экономической литературе достаточно убедительно

⁷¹ Коуз Р. Фирма, рынок и право. М, 1993, с. 108.

⁷² North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, 1990, p. 75.

⁷³ А.Олейник. Роль государства в установлении прав собственности.//Мировая экономика и международные отношения, 2003, №7, с. 52-61.

продемонстрировали, что главная трудность такого подхода заключается в очень разных трактовках "справедливости". И что эти различия в трактовках основаны, прежде всего, на специфических, фундаментально отличающихся друг от друга, представлениях о "справедливости" в разных странах, социокультурных ареалах и даже социальных стратах и группах.

Отсюда следует, что универсализм подхода к рыночному реформированию (в частности, к установлению, легитимации и защите прав собственности) с позиций "эгоистической эффективности", исповедуемый неолиберальными теоретиками, оказывается чистой воды утопией. Утопией, столь же далекой от реальности, как поставленный в центр неолиберальной модели универсальный всепланетный "гомо экономикус".

А это означает, что попытки некритического переноса этого подхода, вместе с его институтами, на любую чуждую "эгоистической эффективности" (или даже не вполне чуждую, но осложненную другими мотивационными факторами) социокультурную почву, – не могут не приводить к катастрофическим последствиям – социальным, экономическим, политическим. Что мы и наблюдаем у нас в России.

Наблюдаем, в том числе, потому, что мотивационные приоритеты и понятия о "справедливом и легитимном" у разнообразных нуклеосов, составляющих российское общество, отличаются от "нормальной либеральной рыночной этики" весьма и весьма существенно.

В связи с этим нужно отметить, что нормативное и хозяйственно-экономическое противостояние между сложившимися в России сообществами (как кланово-мафиозного, так и вполне рыночного характера) и властью (аппаратом) проявляется не только в сфере "теневой экономики". Оно постоянно прорывается на поверхность и во множестве действий власти, прямо указывающих на недоверие к хозяйствующим субъектам (например, неоднократные неожиданные экономические решения конфискационного характера в ходе проводимых реформ), и в "проговорах" хозяйствующих субъектов, иногда даже попадающих в юридические документы.

Например, в хозяйственном договоре в разделе "форс-мажорные обстоятельства" вдруг возникает пункт "действия правительства"...⁷⁴

Эта анекдотическая "как бы мелочь" – на деле вовсе не мелочь. В стране, в которой изменения в правящих сферах всегда

⁷⁴ Олейник А.Н. Жизнь по понятиям // Политические исследования, №2, 2001, с. 48.

исторически играли гораздо более серьезную роль, чем изменения законов, это обстоятельство имеет огромное значение. Оно порождает, с точки зрения предпринимательского климата, фундаментальную неопределенность в конъюнктуре на средне-долгосрочную перспективу. И, таким образом, само по себе очень значительно повышает и общехозяйственные (включая инвестиционные), и социальные риски.

Прежде всего, огромное значение имеет дефицит правового ресурса новообразованной частной собственности. Это – одна из основных причин того, что фондовый рынок оценивает даже первоклассные российские производственные активы очень низко. Но это же, в свою очередь, негативно влияет на экономическое положение предприятий, лишает их, в частности, фондов для залоговых операций, и неизбежно ведет к недоинвестированию и сокращению производственного аппарата.

А потому существует острая потребность в принятии комплекса мер, направленных на повышение ресурса легитимности всего реформационного законодательства. В том числе, путем его более или менее глубокой корректировки, а также широкой системы компенсаций населению.

В противном случае рассчитывать на приобретение российской экономикой нормального уровня эффективности, даже при самых благоприятных условиях (а они не таковы и вряд ли в ближайшем будущем станут таковыми) очень трудно. И тогда Россия надолго останется столь же малоуправляемой страной, какой она неоднократно и в течение длительных периодов бывала в прошлом.

Глава 4. Аппаратный фактор социально-экономического развития России

4.1. Административные институты как фактор эффективности рыночного хозяйства

Весьма популярна точка зрения, согласно которой рыночное хозяйство, поскольку оно само себя регулирует, не нуждается в мощных системах административного обеспечения (в широком смысле слова) функционирования, или в сильных административных институтах. Эта точка зрения упускает из виду принципиально важное обстоятельство: хотя рыночный механизм работает "сам", но для того, чтобы он эффективно работал, необходимы определенные организационные условия и определенная система обеспечения бескризисного функционирования социально-хозяйственной структуры в целом⁷⁵.

В современных условиях необходимыми условиями функционирования рыночного механизма непосредственно являются:

- эффективная система правоохранительных органов (и, прежде всего, судебная система);
- разнообразные "разрешительные" и "регистрационные системы", включая систему регистрации прав собственности;
- системы регулирования протекающих в данном экономическом пространстве процессов, компенсирующие дефицит эффективности рыночного механизма в целом, а также отдельных рынков и сегментов частного хозяйства;
- система нерыночного регулирования денежной и кредитной сферы (в США сюда относится, в частности, ФРС, в России – Центральный банк);
- налоговая система;
- ныне – также разного рода контрольные системы, включая системы обеспечения экологической безопасности.

⁷⁵ Рыночный механизм всегда работает на фундаменте определенной совокупности "не непосредственно рыночных" институциональных и организационных систем, обеспечивающих функционирование общества. По отношению к этому фундаменту он выполняет служебные функции. То есть работает система "рынок плюс не-рынок". Эффективность "рынка" весьма сильно зависит от эффективности "не-рынка". Политическое оформление экономического пространства, определяющее граничные условия работы рынка, всегда производится "не-рынком" – в виде политической надстройки. Здесь достаточно наглядной аналогией является производственный цех-автомат: он работает "сам", но без инфраструктуры в виде систем энергоснабжения и иного материального обеспечения, а также профилактики и ремонта, – работать не может.

Кроме того, эффективность рыночного механизма зависит от ряда других систем, обслуживающих данное экономическое пространство. В том числе, от:

- системы бюджетного перераспределения ВВП;
- системы социального обеспечения с ее подсистемами;
- системы обеспечения внутренней безопасности государства (экономического пространства);
- системы обеспечения внешней безопасности.

Достаточно очевидно, что эффективность рыночного механизма и конкретных рынков – может очень сильно зависеть от эффективности перечисленных выше систем и подсистем.

Так, если разрешительные и регистрационные системы неэффективны, – это уже само по себе негативно влияет на готовность предпринимателей работать на данном рынке.

Если распространены взяточничество, поборы, фаворитизм – большая часть предпринимателей на таком рынке работать откажется.

Если экономика "перерегулирована", – это плохо. Но если она чрезмерно дерегулирована – это ничуть не лучше.

Если система нерыночного регулирования кредитной и особенно денежной сферы работает неудовлетворительно (если денег в обращении, например, слишком много или слишком мало) – это совсем плохо. Способность рыночного механизма, как такового, справляться с дефектами денежной политики Центробанка, как и с дефектами финансовой политики вообще – очень ограничена. Можно погубить любую экономику, любой, самый конкурентный, рынок, как гиперинфляцией, так и демонетизацией.

Если налоги слишком велики – это плохо. Но если из-за низких налогов дефицит финансирования социальной сферы ведет к социальной нестабильности – это для рынка нередко оказывается гораздо хуже больших налогов. И т.д., и т.п.

Дефицит эффективности административных институтов (или того, что в США называют "общественной администрацией") всегда оборачивается либо ростом издержек, либо ростом конъюнктурных рисков (и, в том числе, ростом конъюнктурных рисков, связанных с инвестициями). В обоих случаях его влияние на эффективность рыночного хозяйства – самое отрицательное.

Взятки, поборы – это прямые потери, или прямые издержки дефицита эффективности административных институтов ("административного аппарата"). Все остальное – косвенные потери, или косвенные издержки. Но они, как правило, в своем влиянии на издержки хозяйства гораздо выше прямых потерь. Поэтому изживание взяточничества или поборов – это лишь одно из условий (необходимое, но недостаточное, и даже, как правило, далеко не

основное) обеспечения эффективности административных институтов.

Во времена Петра I капиталисты, при общем протекционистском характере правительственной политики, избегали капиталовложений (в отличие от того, как они начали вести себя в царствование Екатерины II). Избегали, прежде всего, не потому, что они боялись взяток и поборов со стороны чиновников. Избегали в первую очередь потому, что:

- опасались резких изменений условий хозяйственной деятельности в результате решений местных администраторов, всесильных в масштабах губерний (Петр I создал восемь крупных административных округов) и даже уездов;
- опасались конкуренции с активно протектируемой местной администрацией предприятиями;
- опасались резких изменений налоговой нагрузки;
- опасались "скачков" в законодательстве и связанных с ними изменений в условиях хозяйственной деятельности;
- опасались дефицита правовой обеспеченности личности предпринимателя вообще и инвестора в частности.

Иностранный капитал заманивали в Россию. Этот капитал отказывался идти в Россию. Что же касается внутренних по происхождению капиталов, то они предпочитали не вкладываться в российское хозяйство (а если вкладывались, то главным образом в покупку поместий и недвижимости), а уходить за границу. Либо – принимали форму сокровищ, тезаврировались.

Сходные причины вызывают сходные следствия. В 1990-е годы в России снова в полном объеме наблюдались все перечисленные явления. И проблема их изживания, увы, полностью сохраняет свою актуальность в начале нового, XXI, века.

4.2. Социальная политика и проблема автономизации аппарата от общества

Состояние административных институтов и, соответственно, административного аппарата, оказывает очень существенное влияние на общество. Однако и общество в каждый данный момент оказывает определенное влияние на административный аппарат. И это влияние может быть и позитивным, и отрицательным.

Возможны такие состояния социальной среды, при которых административный аппарат не может быть эффективным. Именно таково положение, например, если общество насыщено кланами, мафиями и подобными им структурами.

В социальной среде, характеризующейся высоким уровнем социального фаворитизма, – то же самое. "Повреждение нравов", о котором писал князь Щербатов, консервативный критик петровских

реформ и их результатов, как раз и являлось следствием роста социального фаворитизма в результате этих реформ. Поскольку царь и двор, располагая мощными силовыми аппаратами, стали, так сказать, "гораздо меньше считаться с приличиями".

Если в период Московского царства (до Петра I) вознаграждение увязывалось со службой данного лица или его предков (так обстояло дело, по крайней мере, в теории и социальной норме), то при Петре (а особенно при его преемниках) принцип связи дохода и "службы" был почти полностью отброшен, и воцарилась система полного произвола. Исторические данные показывают, что многочисленные политические портреты "царя-реформатора", исполненные в розовых тонах, далеки от реальности. При Петре личный доход царского окружения практически стал увязываться, прежде всего, не "со службой", а с близостью к особе монарха.

В результате и возникло упомянутое "повреждение нравов", которое, распространяясь по вертикали и горизонтали, способствовало усилению до крайних пределов взяточничества и вело к всеобщей дезорганизации хозяйства и социальной жизни. И, по оценкам исторических источников, достигло крайних размеров при ближайших преемниках Петра I – Екатерине I и Петре II.

В ситуации, когда князь А.Меньшиков депонировал в голландских банках до 9 млн. рублей (фактически по объему – российский бюджет 1722 г.), повального взяточничества было избежать невозможно. А далее связь государственного, или царского, "жалования" со службой восстанавливалась очень медленно. И более или менее восстановилась лишь после царствования Николая I.

В течение 150 лет после Петра I "повреждение нравов" практически полностью блокировало положительные эффекты от роста численности и квалификации аппарата. При Николае I большая часть административного аппарата была не более эффективна, чем при Алексее Михайловиче Романове. Аппарат отличался высокой степенью произвольности действия и "взяточлюбием". Возможно, в том числе и потому, что чиновник ощущал, что, если один христианин имеет законное право продавать другого христианина оптом и в розницу, то и взятки – это что-то вроде "божьей благодати".

И только после того, как крепостное право было ликвидировано и система социального фаворитизма – тоже, а "служба" начала приобретать известный социальный смысл, только после этого (при Александре II) началось оздоровление аппарата. И только после этого чиновники стали (очень медленно и постепенно) излечиваться от привычки брать взятки. В итоге перед революцией 1917 г. Россия

располагала сравнительно эффективным административным аппаратом, – видимо, не худшим, чем в Западной Европе.

В принципе, если проводится антисоциальная экономическая политика и общество приближается к модели "диктатуры одного класса над другими", то такое общество не может располагать эффективным бюрократическим аппаратом. Он будет всегда более или менее разложен и ориентирован на "служение" самому себе, а не обществу. В этой ситуации наилучший выход – сокращение функций аппарата и максимально широкое замещение бюрократических должностей выборными.

Именно такая модель "аппаратного строительства" была принята в Англии и некоторых других странах "английского типа" в XVIII -XIX веках. То есть аппарат сводился к минимуму не потому, что это было нужно экономике, а потому, что сильный аппарат становился "социально и политически опасным".

Он в таких условиях неизбежно коррумпировался и, в то же время, легко мог превратиться в инструмент борьбы как с обществом, так и с конкретной властью. И, следовательно, стать либо инструментом диктатуры, либо инструментом трансформации конституционной монархии (если она была) в монархию абсолютистского типа. Заметим, что в Англии XVIII века, в ситуации непрерывных попыток королевской власти увеличить свой политический вес, наличие "сильного" аппарата вполне могло привести к институциональному успеху этих попыток.

Однако, с другой стороны, если аппарат слаб и неэффективен, и если общество как бы предоставлено самому себе, а ресурсы дефицитны (но они, по большому счету, дефицитны всегда и везде), то олигархическое перерождение властно-социальной ткани становится практически неизбежным. Это и произошло, например, в XVI-XVII веках в Польше, где возникло классическое в своем роде "государство магнатов".

Кроме того, вновь повторим, что на практике общество и аппарат всегда взаимно влияют друг на друга. На каждое негативное воздействие со стороны социальной среды аппарат отвечает негативным воздействием на социальную среду (взятки, поборы, административный произвол), проявляя тенденцию к автономизации от общества и власти.

В конечном счете, аппарат превращается из чисто служебного элемента социального организма – в орган, обладающий собственным социальным значением, которое может быть больше или меньше, в зависимости от конкретных условий и "обстановки эпохи". Так, в России при Алексее Михайловиче Романове (XVII век) аппарат обладал незначительным собственным социальным значением, а в период "женских царствований" XVIII века таковое

было уже весьма велико, и реорганизации в этом отношении мало что меняли.

Проблема заключается в том, что автономизация и бюрократическое перерождение аппарата всегда является следствием определенного типа социальной политики (с существенной степенью социального фаворитизма и имморализма). И решается эта проблема лишь изменением типа этой политики. Как показывает исторический опыт, даже крайне репрессивные методы улучшения аппарата в данной ситуации успеха не приносят.

Заметим, что эта проблема давно осознана и поставлена не только в России. На Западе о "самопроизвольных" негативных процессах автономизации аппаратно-бюрократической среды написаны сотни книг. Применительно к специфике так называемых "административно-командных" политических систем и экономик социалистического типа – данное обстоятельство детально анализировали, например, Милован Джилас⁷⁶ и Михаил Восленский⁷⁷

Но истоки данного явления у нас в России коренятся достаточно глубоко в отечественной истории.

В то же время, по крайней мере, с царствования Александра II и вплоть до 50-х годов XX века, административный аппарат России, а затем СССР, – не являлся вполне самостоятельным социальным фактором. Однако после большевистской революции 1917 г., в огромной степени увеличившей (выражаясь языком Московского царства) значение "службы", довольно быстро возникла перспектива автономизации аппарата от общества, что было хорошо осознано в уже 20-е годы.

Л.Троцкий, как известно, в особенности акцентировал эту проблему. При этом он определял своих политических противников (и, в первую очередь, И.Сталина) как "ставленников" аппарата. И предлагал в качестве инструмента решения проблемы "перманентную революцию".

Сталина, по-видимому, действительно нельзя рассматривать как борца с бюрократическим перерождением аппарата⁷⁸. Но то, что он был борцом с превращением аппарата в самодовлеющий социальный фактор – несомненно. Именно Сталин использовал для предотвращения этого бюрократического перерождения ключевую

⁷⁶ Djilas M. The New class. L, 1957

⁷⁷ М.С.Восленский. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М. Советская Россия, 1991.

⁷⁸ Любой административный аппарат – бюрократический. Он изначально и по определению находится в состоянии самопроизвольного бюрократического перерождения – обстоятельство, о котором нередко забывают.

идею Троцкого – постоянную ротацию кадров, административные реорганизации и, главным образом, репрессии.

После того, как инерция сталинского правления была преодолена, началась автономизация аппарата, и, в первую очередь, так называемого партийного аппарата (который на деле представлял собой, в административном плане, своеобразную всеохватывающую контрольную систему, предназначенную для отслеживания процессов во всех сегментах общества и их оперативной корректировки). В период застоя эта автономизация аппарата зашла очень далеко, причем особенно далеко – на периферии СССР.

Соответственно, если в Центре прямые издержки функционирования аппарата в виде взяток и поборов были невелики, то на периферии – гораздо более значительны, а в районах страны с социальной структурой преимущественно нуклеоидного типа (насыщенной кланами и служебными кликами) – крайне велики. Косвенные же издержки автономизации аппарата – во много раз превышали прямые издержки. Огромное негативное влияние имело, в частности, то, что значительная часть ЦК КПСС и Политбюро превратилась в прямых и непосредственных лоббистов региональных аппаратных групп.

И экономическая, и внутренняя, и даже внешняя политика при этом во многих случаях оказывались подчинены не государственным интересам, а интересам определенных аппаратных кланов. И именно эта ситуация, как представляется, в наибольшей мере подготовила и породила и экономическое поражение, и распад СССР.

Но новая Россия не могла не унаследовать административный аппарат (в широком смысле слова), в существенной степени автономизировавшийся от общества. Причем характер "постперестроечной" экономической политики в целом способствовал дальнейшему "повреждению аппаратных нравов" и непосредственно провоцировал рост взяточничества, поборов и деградации аппарата. По сути, постсоветская административная реформа – в очень большой степени повторяла аппаратные российские ошибки 300-летней давности.

При Петре I и его ближайших преемниках образование крупных частных состояний "законным путем" производилось в результате расхищения государственного имущества, включая живых душ, а в формальном отношении – в результате пожалования имущества и привилегий (политика социального фаворитизма). Побочным результатом было разложение аппарата и вакханалия взяточничества.

Поскольку проводившаяся в 90-е годы XX века в России политика обнаружила значительные элементы такого же социального фаворитизма (массовая приватизация как фактическая "раздача" собственности), она не могла не сопровождаться углублением разложения аппарата и увеличения прямых и косвенных издержек, связанных с его функционированием.

Еще раз подчеркнем: представление о том, что аппарат можно оздоровить административными мерами, опровергается всем мировым историческим опытом. С помощью административного пресса иногда удается лишь на непродолжительное время снизить уровень издержек от "аппаратной автономизации". Далеко не всегда в этом случае оказываются успешными и попытки "снятия административных барьеров" за счет совершенствования законодательства⁷⁹.

Но "автономный" аппарат не может быть эффективным. Он все время будет колебаться, как это уже неоднократно бывало в прошлом, где-то между взиманием дани с общества – и пассивностью. А это всегда увеличивает конъюнктурные и инвестиционные риски для предпринимателей, и делает невозможным частное хозяйство, отвечающее высоким стандартам эффективности.

Если, например, сокращение затрат на социальные нужды ведет к росту взяточничества и поборов (в силу наращивания мотиваций типа "каждый за себя") и одновременно способствует понижению активности аппарата, то его влияние на функционирование рыночного механизма может, в конечном счете, оказаться просто губительным. В связи с этим заметим, что практически везде в мире высокий уровень социальных расходов – неслучайным образом коррелирует с низким уровнем взяточничества и поборов и высокой активностью аппарата.

Далее, реальный аппарат на уровнях, где сосредотачиваются властные ресурсы, всегда представляет из себя коалиции чиновников. В обществах с нуклеоидной социальной структурой (а таковы большинство азиатских и африканских развивающихся стран и развивающихся стран вообще) чиновничьи коалиции, как правило, взаимодействуют с разнообразными внешними структурами типа клик или даже вовсе являются их частями. И это важнейший социокультурный фактор предпринимательского климата!

В такой ситуации лоббирование чиновниками специальных интересов может производиться вообще без банальных взяток. Просто потому, что "взяткой" является уже та должность, на которой

⁷⁹ П.Крюкова. Снятие административных барьеров в экономике. //Вопросы экономики, №11, 2003, с. 65-74.

чиновник находится сегодня или которую он может занять завтра. Чиновник представляет определенную клику, и все. Формально, он служит государству и обществу, а фактически – клике.

Но при этом нередко оказывается, что такой чиновник, по реальному содержанию своей деятельности, в равной мере вреден или даже враждебен и обществу, которому обязан служить, и власти, которой он обязан подчиняться. По данному поводу Ключевский когда-то написал, что в России наблюдалась непрерывная "...борьба правительства, точнее, государства, насколько оно понималось известным правительством, со своими собственными органами, лучше которых, однако, приискать не удавалось"⁸⁰.

Однако такие явления относятся вовсе не только к развивающимся странам. И, как показывает мировой опыт, их влияние на экономику можно понизить за счет административного давления в лучшем случае на несколько десятков процентов. Но при этом неизбежно возникает новая проблема: создание эффективного внешнего контроля за работой аппаратчиков имеет обратной стороной расцвет перестраховочной практики, соответственно, бюрократизм и, в конце концов, просто существенное понижение активности аппарата и, прежде всего, его инициативы и оперативности. В итоге эффективность аппарата все равно падает.

То есть модель "чем выше контроль за административной активностью аппаратчиков, тем лучше" – в общем случае неверна. В конкретных условиях существует избыточный уровень контроля, по превышении которого эффективность контролируемого аппарата начинает падать. Об этом свидетельствует, в частности, опыт эпохи Петра I. Ослабив связь вознаграждения со службой, Петр I разложил аппарат. Осознав это, он создает институт фискалов (1711 г.), а затем трансформирует его во всеобъемлющую систему государственного контроля, поставив руководить ею Главного государственного прокурора.

Однако появление этой системы резко увеличило склонность чиновников избегать решения мало-мальски важных вопросов, если риск, связанный с таким решением, не оплачивался должным образом. Но и через столетие после Петра аналогичные попытки Николая I оздоровить аппарат – были малоуспешны. Как только император с возрастом потерял работоспособность, качество работы аппарата резко упало. Что, как считают некоторые историки, стало одной из весьма существенных причин проигрыша Россией Крымской войны.

⁸⁰ Ключевский В.О., указ. соч., Кн.3, с. 7

И.Сталин по линии "оздоровления" аппарата за счет нескольких налагающихся друг на друга контрольных систем и беспощадных репрессий (а также ротации кадров, предотвращающей образование клик) – сделал, видимо, все возможное. Тем не менее, и он достиг весьма относительных успехов. Сталинский аппарат неплохо справлялся с мобилизационными задачами и с работой в "чрезвычайном" режиме. Но с решением других задач, прежде всего задач "мирного времени", – дело обстояло весьма посредственно.

Не было искоренено и взяточничество. А на потребкооперацию в послевоенный период – просто "махнули рукой", и она жила по своим собственным законам, являясь функциональным аналогом частного сектора экономики (в порядке "добивания остатков капитализма" она была ликвидирована лишь при Хрущеве).

При этом необходимо иметь в виду, что в ситуации рыночного хозяйства условия работы аппарата гораздо сложнее (и требования к его эффективности гораздо выше), чем те, в которых работает "командный" (в том числе сталинский) аппарат. Сложнее, прежде всего, из-за большей "конкурентной агрессивности" рыночной социальной среды и ее способности своими влияниями понижать эффективность аппарата.

В любых (и особенно в рыночных) условиях возможность повышения эффективности аппарата контрольно-административными средствами, как правило, лимитируется влиянием ряда косвенных факторов, которые (в отличие от таких факторов, как образование и квалификация персонала) непосредственно оценить нелегко. Так, в частности:

1. Если характер социальной политики стимулирует широкое распространение в среде чиновников взглядов типа "каждый за себя, один бог (рынок) за всех", это приводит к коррумпированию и разложению аппарата.

2. Аппарат резко снижает качество персонала и эффективность, если не гарантируется достаточная устойчивость служебного положения чиновников, добросовестно выполняющих свои функции.

3. Аппарат, как правило, деградирует и коррумпируется, если недостаточна оплата труда чиновников, контролирующих основную часть властных полномочий.

4. Эффективность аппарата с течением времени будет неизбежно сокращаться, если уровень оплаты труда рядовых работников (не располагающих заметным ресурсом власти) недостаточен для их надежного закрепления в аппаратной системе. В этом случае, в конечном счете, быстро понизится качество человеческого материала и на средних, и на высших уровнях управления, поскольку они пополняются в значительной степени за счет "карьерного роста" персонала низших уровней управления.

Если перечисленные условия, которые можно определить как рамочные, не выполняются, – аппарат поставлен в ситуацию, в которой его эффективность будет с течением времени снижаться и, в конце концов, опустится ниже критического уровня.

При Петре I из числа рамочных условий эффективного функционирования аппарата не выполнялись условия 1, 2 и 3. Условие 4 выполнялось, несмотря на систематическую невыплату жалованья, поскольку рядовым работникам было некуда деваться из аппаратов и, кроме того, они жили при невыплате жалованья в значительной степени за счет взяток и поборов.

В результате эффективность аппарата была очень низкой. Создание системы "фискалов" для контроля аппарата – не помогло. В конце царствования Петра I аппарат находился в состоянии полного разложения. В 1724 г. большая часть чиновников и военнослужащих не получала жалованья.

Система указанных рамочных условий в основном выполнялась при последних Романовых и в течение значительной части советского периода. Эффекты, связанные с ограниченным выполнением рамочных условий, в советский период в определенной степени компенсировались контрольными системами. Но в так называемую эпоху "застоя", а также в перестройку, – происходил неуклонный распад и статусно-экономических рамочных условий эффективности аппаратов, и компенсационных систем административного контроля. Именно в таком функционально-разваливающемся, деградирующем состоянии советские аппараты пришли к началу 1990-х годов.

В 90-е годы XX века и к началу XXI века в России и в странах СНГ в основном не выполнялись все четыре рамочных условия эффективного функционирования административного аппарата.

Условие 1 не выполнялось именно по той причине, что везде (и в аппаратах в особенности) связь между трудом и вознаграждением оказалась грубо нарушенной.

Причем в процессе приватизации часть чиновников, используя служебное положение, сумела приобрести без всяких реальных затрат огромное имущество, а определенная часть аппарата попала в глубокую (в том числе коммерческую и криминальную) зависимость от клик, больших и малых групп влияния. В то же время часть аппаратов, связанная моральными принципами, то есть неспособностью к субкриминальному поведению, оказалась либо на грани выживания, либо вовсе "выдавлена" из аппаратно-бюрократической системы.

Условие 2 не выполнялось потому, что в процессе непрерывных властно-административных реорганизаций положение большей

части административного персонала всех уровней стало крайне неустойчивым и на перспективу совершенно неопределенным.

Условие 3 перестало выполняться потому, что в обстановке быстрого обогащения и широкого развития практики вознаграждений за административные услуги – возник огромный зазор между фактическими ставками оплаты труда чиновников, сосредоточивших в своих руках властный ресурс, и психологически приемлемым для них уровнем оплаты труда.

Правда, по мере завершения основной стадии приватизации, этот разрыв снижался. Однако в последнее время, с учетом перспективы новой волны приватизационного перераспределения имущества (земля, муниципальные имущества, вторичный передел собственности) он начал, очевидно, расти.

Условие 4 перестало выполняться из-за существенного понижения реальных доходов низового чиновничества, что привело к оттоку из аппарата значительной части активного и квалифицированного персонала, ушедшего в частный и корпоративный сектор.

В то же время, наметившиеся в последнее время тенденции укрепления структур контроля за аппаратами, – вряд ли приведут к быстрому и радикальному оздоровлению аппаратной ситуации. Как потому, что в отношении этих контрольных структур в полной мере справедливы перечисленные выше рамочные условия эффективности, так и потому, что создание таких контрольных структур и их кадровое наполнение – уже сталкиваются с острейшим дефицитом качественных "кадров контроля" и, в любом случае, потребуют значительного времени.

По указанным причинам в настоящий момент перспективы существенного повышения эффективности российского административного аппарата, включая территориальное и хозяйственное управление, судебную систему и правоохранительные органы в целом, представляются достаточно сомнительными. Скорее всего, в ближайшее время эффективность российских аппаратов будет и далее снижаться.

4.3. Система факторов, влияющих на эффективность административного аппарата, и возможности его оптимизации в России

Эффективность административного аппарата в большинстве государств оставляет желать лучшего не в последнюю очередь потому, что на нее оказывает влияние большое количество факторов, с трудом поддающиеся контролю и корректировке (в том числе состояние социальной среды, в которую "погружен" аппарат, качество человеческого материала, используемого аппаратом,

дефекты системы каналов вертикальной социальной мобильности, регулирующих динамику аппаратной иерархии, и др.).

Система основных таких факторов показана на рис. 4.1.

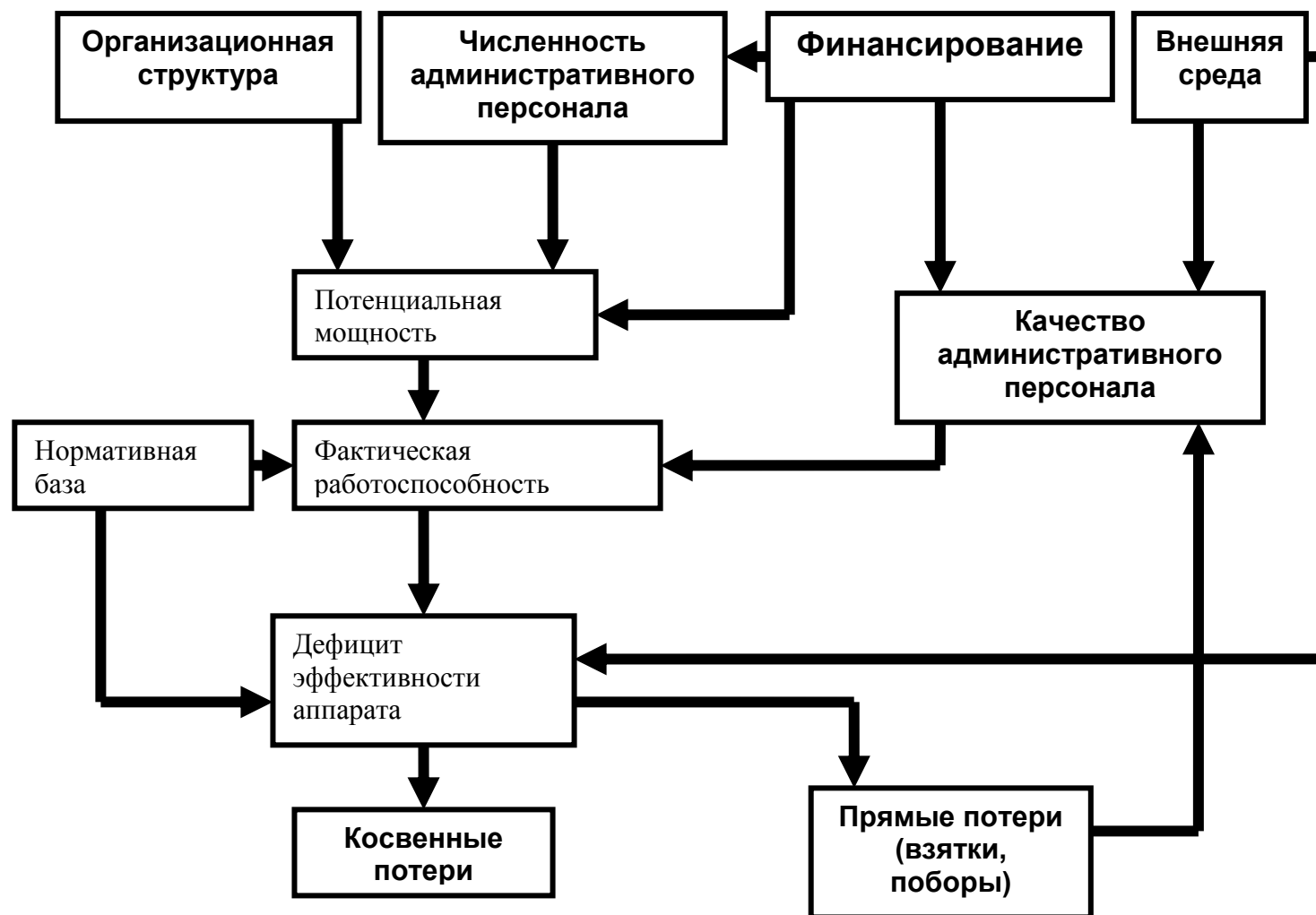

Рис 4.1. Система факторов, определяющих эффективность административного аппарата

Как видно из рисунка, следует различать потенциальную мощность аппарата, которая определяется затратами на его финансирование, численностью персонала, организационной структурой, то есть чисто системными факторами, – и его фактическую работоспособность. Последняя зависит также и от качества нормативной базы, и от качества административного персонала, составляющего аппарат.

При этом качество персонала оказывает на эффективность аппарата огромное влияние. Этот параметр трудно контролируем, ибо зависит от очень многих причин, включая традиции и социальную культуру в широком смысле слова, множество показателей внешней по отношению к аппаратной системе среды, уровень и характер вознаграждения за труд, а также такого специфического фактора, как внутриаппаратная мораль. Чем она ниже, тем больше склонность аппарата к коррупции, но, с другой стороны, чем больше предложение взяток, тем хуже дело с аппаратной моралью.

Поскольку аппарат никогда не идеален, его работа всегда характеризуется определенным дефицитом эффективности и, как результат, большим или меньшим уровнем потерь экономики, включая прямые потери (взятки, поборы и т.п.) и разнообразные косвенные потери (издержки) экономики. Оценивать эти потери трудно, поскольку, например, малые текущие потери – могут вызвать очень большие потери в будущем за счет реализации нынешних ошибочных (или вызванных сугубо частной заинтересованностью) аппаратных решений.

При этом нередко дефицит эффективности аппарата связывают, главным образом, с его склонностью к взяткам, и предлагают бороться с ними контрольно-репрессивными мерами. Однако сам по себе такой контроль малоэффективен уже потому, что он не позволяет исключить разные косвенные формы подкупа.

И это относится вовсе не только к России. Общеизвестно, например, что отставные американские генералы часто переходят на работу в компании по производству вооружений. В американской социологической литературе давно высказывалось обоснованное мнение, что они, во многих случаях, таким своеобразным способом получают "отложенное вознаграждение" за лоббирование специальных интересов оружейников в период своего нахождения на военной службе. Но в этой же литературе, вместе с тем, признается, что доказать наличие такого "механизма вознаграждения" в конкретных случаях практически невозможно.

4.4. Спрос на услуги аппарата и проблема оптимальной занятости и оптимальных затрат в системах управления

Современное рыночное хозяйство предъявляет огромный спрос на услуги административного типа – судебной системы, правоохранительных органов в целом, фискальных служб, системы регистрации собственности и т.д., причем потребность рыночного хозяйства в таких услугах много больше, чем в административных экономиках.

Одна из причин – в том, что управляющие воздействия на рыночное хозяйство почти всегда необратимы, тогда как административные управляющие воздействия нередко можно отменить. Соответственно, для эффективного функционирования рыночного хозяйства нужен гораздо больший объем аналитического обеспечения и численности соответствующего персонала. Так, например, развитая служба занятости обществам социалистического типа не нужна, как не нужен и персонал для начисления и выплаты пособий по безработице.

Сравнение численности административного персонала в СССР, России и США, а также динамики ее изменений, приведено в табл. 4.1.

Таблица 4.1

	1970	1980	1990	2002
СССР				
Всего, млн. человек	1,84	2,50	2,87 ^{х)}	
% к среднегодовой занятости в экономике	1,7	2,0	2,45	
Россия				
Всего, млн. человек	1,06	1,15	1,60	2,96
% к среднегодовой занятости в экономике	1,7	1,76	2,1	4,5
США^{хх)}				
Всего, млн. человек	4,48	5,34		
% к среднегодовой занятости в экономике	5,7	5,4		

^{х)} Данные на 1988 год

^{хх)} Занятость в общественной администрации

Источники:

СССР – Народное хозяйство СССР в 1984 г. М., 1985, с.408 и 409;

Народное хозяйство СССР в 1989 г. М., 1990, с. 48 и 51.

Россия – Российский статистический ежегодник. М., 2003, с. 137.

США – Statistical Abstract of the United States. Wash. 1985, p.404

Из таблицы видно, что в СССР и России в условиях экономики административного типа занятость в общественной администрации была в три раза ниже, чем в США. После перехода к экономике рыночного типа она начала возрастать, и в 1999 г. закономерно приблизилась к американскому уровню 1970 г.

В абсолютном выражении численность занятых в общественной администрации выросла в России с 1990 г. по 1999 г. более чем в два раза. И это нормальное явление. Тем не менее, оно, как известно, воспринимается и властью, и массовым сознанием, как негативное и недопустимое, и предпринимаются попытки "сокращения аппарата".

Однако объективно в российских условиях существует явная потребность в наращивании численности работающих в системах социального обеспечения (в особенности в связи с тенденцией перехода к гораздо более трудоемким системам социального обеспечения адресного типа), в юридической системе, а также во всех (сегодня крайне неоперативных) учреждениях, взаимодействующих с деловой сферой.

Далее, чтобы административный аппарат был эффективен, он должен быть достаточным по мощности и даже обладать (для оперативности) ее некоторым избытком.

При этом проблема затрат на содержание аппарата далеко не так проста, как кажется. Если прямые затраты малы, то он, в силу неэффективности, приводит общество (рыночную экономику в целом) к большим потерям за счет некачественного управления. Если затраты на аппарат избыточны (такое редко, но бывает), они, естественно, ложатся негативным нагрузочным фактором на хозяйственную систему и общество в целом.

И потому при оценке аппарата, как социально-экономического фактора работоспособности общества и экономики, нужно комплексно учитывать как затраты на аппарат, так и прямые (взятки, поборы) и косвенные (потери, связанные с неэффективностью аппарата) издержки его функционирования.

Достаточный уровень затрат на аппарат – это такой уровень, при котором сумма прямых и косвенных потерь из-за неэффективности аппарата (или издержек, порождаемых дефицитом эффективности аппарата) превышает затраты на содержание аппарата на социально-приемлемую величину. В то же время, исходя из критерия максимизации ВВП на перспективу,

оптимальным, видимо, является такой уровень затрат на содержание аппарата, при котором сумма затрат на аппарат и полных издержек из-за дефицита неэффективности аппарата (прямые плюс косвенные издержки, включая взятки, поборы и потери экономики из-за недостаточной эффективности аппарата) становится минимальной.

В графическом виде эти условия достаточности и оптимальности затрат на аппарат отображены на рис. 4.2.

Уровни затрат

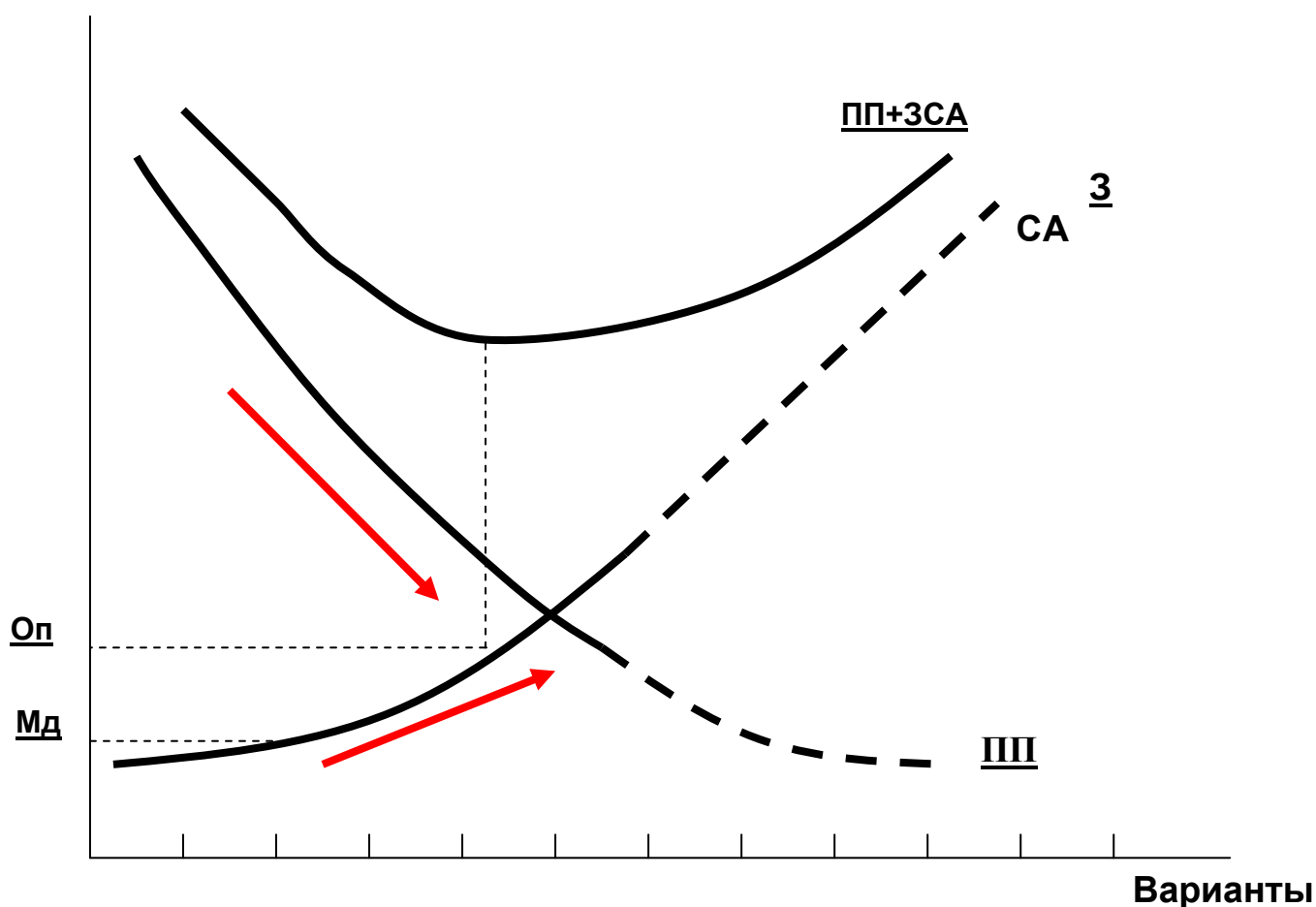

Рис 4.2. Условия достаточности и оптимальности затрат на содержание аппарата (схематизировано)

Условные обозначения:

ЗСА – затраты на содержание аппарата ("общественной администрации")
ПП – полные потери, вызванные неэффективностью аппарата, включая прямые потери (взятки, поборы и т.п.) и косвенные потери (потери экономики в целом).

Оп – оптимальная величина затрат на содержание аппарата

Мд – минимальная достаточная величина затрат на содержание аппарата

Если затраты на аппарат растут, при прочих равных условиях полные потери, порождаемые неэффективностью аппарата, сокращаются. Если они падают – наоборот. При этом оптимальный уровень затрат на содержание аппарата (когда минимизируется сумма этих затрат и совокупных потерь общества, порождаемых неэффективностью аппарата) достаточно велик.

На практике обычно фактические затраты на содержание аппарата находятся между минимальным достаточным уровнем (являющимся функцией социальных условий) и оптимальным уровнем затрат на аппарат. И связано это с тем, что затраты на аппарат нигде и никогда не попадают в числе приоритетных даже тогда, когда необходимость таких затрат достаточно ясна.

Первая причина – в том, что польза от затрат на аппарат (особенно если их эффект скажется лишь в будущем) неочевидна, и измерить ее нелегко (соответственно, вред от недостаточности затрат на аппарат начинают ощущать только тогда, когда последствия – катастрофические), а сами такие затраты очевидны и поверхностным взглядом почти всегда воспринимаются как чрезмерные.

Вторая причина – высокая приоритетность многих государственных расходов, конкурирующих с затратами на аппарат. В период абсолютистских монархий это, прежде всего, затраты на содержание двора и армии. В современных условиях это, как правило, затраты на обслуживание госдолга и содержание силовых структур, а также, при реализации стратегии экономической модернизации, – затраты на экономическое развитие.

По указанным причинам почти везде в мире, за вычетом небольшой группы развивающихся стран, мирятся с экономическими потерями, имеющими источником недостаточную эффективность административного аппарата (включая юридическую систему и аппарат бюджетного перераспределения финансовых ресурсов).

Причем обычно правилом является невыполнение рамочного условия 3, то есть положение, при котором жалование чиновникам, держателям ресурса властных полномочий, устанавливается на явно недостаточном уровне. А в результате чиновники из выразителей общественных и государственных интересов превращаются в выразителей интересов частных лиц и групп, а сам аппарат до известной степени "приватизируется".

Возникает своего рода порочный круг. Чтобы общество управлялось эффективно, затраты на содержание административного аппарата должны быть относительно и абсолютно велики. Но если общество бедное, оно не в состоянии нести такие необходимые затраты. Однако общество бывает бедным, как правило, в немалой степени из-за неэффективного управления и из-за того, что аппарат управления, недостаточно оплачиваемый легально, работает в "полуприватизированном" режиме.

И это, как показывает мировой опыт, одна из самых фундаментальных проблем работы современных социокультурных, государственных и хозяйственных систем.

Заметим, что проблема "эффективности государства" (фактически аппаратов общественной администрации) во второй половине 1990-х годов попала в поле зрения Всемирного банка. Его эксперты пришли к выводу, что для повышения дееспособности государственных институтов необходимо, в частности:

- укреплять независимость судебной власти и органов надзора;
- осуществлять наем и продвижение кадров на основании личных качеств;
- организовывать для налаживания "партнерских отношений" консультационные советы и советы действия с участием граждан и представителей административных структур;
- децентрализовать, в пределах возможного, систему управления;
- непосредственно с целью борьбы с коррупцией повышать заработную плату служащим, чтобы "государственные служащие получили дополнительные стимулы "играть по правилам"⁸¹.

Но все эти меры на практике требуют увеличения (и существенного!) затрат на аппарат⁸². А страны с неэффективным государственным аппаратом, как правило, не имеют средств ни для того, что эксперты Всемирного банка именуют "адекватной оплатой труда"⁸³, ни для реализации других названных выше мер.

При этом Россия традиционно относится к категории стран с низким уровнем абсолютных и относительных издержек на аппарат. Так, затраты на администрацию в Ливонии в период господства там Швеции были сравнимы с таковыми для всей России. Именно это сразу заблокировало попытку переноса Ливонского "опыта" на российскую почву, которую готов было предпринять Петр I⁸⁴.

"В середине XIX века в России было 12-13 чиновников на 10 тыс. человек населения, т.е. пропорционально в 3-4 раза меньше, чем в странах Западной Европы того же периода", – пишет Р.Пайпс. И продолжает, – "В Московской Руси и в период империи в

⁸¹ Государство в меняющемся мире (Всемирный банк. Отчет о мировом развитии – 1997. Краткое содержание), – "Вопросы экономики". 1997, №7, с.17-19.

⁸² Децентрализация всегда обходится недешево, так как ведет к увеличению числа управляющих звеньев. Но при этом эксперты Всемирного банка сами допускают, что децентрализация – при заметной коррумпированности аппарата в исходном "дореформенном" состоянии – скорее, способствует развитию коррупции.

⁸³ "Вопросы экономики", 1997, №7, с.20.

⁸⁴ М.Богословский. Областная реформа Петра Великого. М., 1902, с.263

бюрократической машине, пользовавшийся широкими полномочиями и известной своим крайним своеволием, ощущался явный недостаток чиновников. Препятствия, преграждавшие путь широкой бюрократизации, были сняты только в октябре 1917 года, с захватом власти большевиками"⁸⁵.

Но здесь Пайпс в определенной степени преувеличивает. В советский период борьба за эффективный аппарат практически всегда подменялась "борьбой против большого аппарата". Пресловутая неоперативность советского аппарата является прямым следствием этого обстоятельства. По состоянию на 1985 г., когда в СССР численность аппарата управления достигла максимальной величины, в нем было занято:

- в аппарате союзных и союзно-республиканских министерств и ведомств – 107 тыс. человек⁸⁶;

- в республиканских министерствах и ведомствах – 140 тыс. человек;

- аппараты областного уровня (включая аппараты краев и автономных республик) – 280 тыс. человек;

- аппараты районного уровня (включая аппараты городов и округов) – 450 тыс. человек;

- в судебных и юридических учреждениях – только 92 тыс. человек⁸⁷.

Всего по перечисленным категориям аппаратов – 1069 тыс. человек, причем бросается в глаза ничтожная занятость в юридической системе.

Прямые расходы на управление в конце советской эпохи (1989 г.) составляли только 0,3% ВВП, а в абсолютном исчислении – 2,9 млрд. рублей⁸⁸ (расходы аналогичной категории в США в 1993 г. – \$70 млрд.⁸⁹). В то же время в Российской империи в 1893 г. административные расходы составляли 503 млн. руб.⁹⁰ – примерно 2,5% ВВП.

Чрезвычайно низкий уровень затрат на управление в СССР, особенно в позднесоветское время, имел следствием недостаточную численность и квалификацию аппаратного персонала, низкую техническую оснащенность органов управления, и, как результат общей недостаточной "мощности" органов

⁸⁵ Пайпс Р. Указ. соч., с. 367-368.

⁸⁶ В системе министерства сельского хозяйства США в 80-е годы было занято около 100 тыс. человек.

⁸⁷ Народное хозяйство СССР в 1989 г. М., 1990, с.50.

⁸⁸ Народное хозяйство СССР в 1989 г., с. 11, 612.

⁸⁹ Statistical Abstract of the United States. Wash., 1996, p.297.

⁹⁰ В.Н.Коковцев. Из моего прошлого. Воспоминания 1915-1919 гг., М., Современник. 1991г., с.438.

управления, – их низкую оперативность. В этой ситуации и выработался специфический неэффективный стиль советской управленческой работы, характеризующийся медлительностью, практическим отказом от предварительной экспертизы принимаемых крупных решений (то есть, прежде всего, от ответственности), и нередко просто неспособностью своевременно и адекватно оценивать последствия принимаемых решений.

В хозяйственно-экономической деятельности это привело к расцвету практики "планирования от достигнутого" в комбинации с широко описанными явлениями волюнтаризма. Но одновременно своего рода "законом" советской системы управления страной и экономикой стала формула "начальник всегда прав".

В результате был постепенно утрачен контроль за протекающими в экономике и даже социальной сфере процессами – сначала на микроуровне, а затем и на макроуровне. Соответственно, темпы роста экономики постепенно снижались, а затем хозяйственно-экономический рост вообще прекратился.

В этой катастрофической аппаратно-управленческой ситуации выбор в пользу рынка был сделан во многом потому, что предполагалось, что он работает "сам", без серьезного вмешательства аппаратов. О том, что нужны системы законодательного и институционального обеспечения работы рыночного механизма, плюс огромный спектр сопутствующих технических и технологических условий и институтов (согласованность работы отдельных рынков, наличие определенных параметров денежной системы и т.п.) – при этом практически не знали, и о таких "деталях" даже не задумывались.

Страна "свалилась" в рынок именно потому, что общество и хозяйство стали неуправляемы. А неуправляемы они стали потому, что управляющие лица перестали понимать, какими свойствами обладает объект управления, и каковы должны быть цели и результаты управления. Проблемы реакции экономики и социальной среды на различные типы управляющих воздействий всерьез не оценивались и нередко даже не рассматривались. И именно в таком, практически неработоспособном, состоянии, аппаратная система России "начала входить в рынок".

По состоянию на 1999 г. затраты на государственное управление и местное самоуправление по отношению к ВВП утроились по сравнению с позднесоветской эпохой и достигли 1% ВВП, в абсолютном выражении – 46,3 млрд. руб.⁹¹ Если считать в процентной доле к ВВП – это американский, то есть "как бы нормальный" уровень.

⁹¹ Российский статистический ежегодник 2000, с. 504.

Однако уровень такого рода аппаратных затрат, соответствующий реальной нынешней потребности страны, – видимо, примерно вдвое выше. Если считать по паритету покупательной способности рубля, необходимые расходы этого рода составляют примерно \$16 млрд., а сейчас они – не более \$8 млрд. Но это делает невозможной адекватную оплату труда управленцев и достижение необходимого уровня эффективности работы аппарата в целом, особенно его способности оперативно и квалифицированно реагировать на изменяющуюся обстановку.

Сейчас это, видимо, постепенно осознается. И, вероятно, предпринимаемые в 2004 г. меры по увеличению расходов на российский управленческий аппарат – лежат в русле такого осознания.

Что же касается по-прежнему регулярно поступающих предложений "экономить на аппарате", то их авторы упускают из виду, что дефицит эффективности "общественной администрации" – весьма дорогостоящая штука. И что ВВП России, который мы собираемся форсированными темпами удваивать, – много ниже, чем мог быть, прежде всего, по той причине, что Россией плохо управляют (а по той же причине – и много воруют). Дешевый и одновременно хороший аппарат иметь невозможно так же, как невозможно одновременно иметь высокие качество и производительность – и низкую оплату труда.

В то же время необходимо иметь в виду, что до тех пор, пока в России сохраняется ситуация "приватизационного скорообогащения", склонность к присвоению "ресурса власти" у чиновников неизбежно будет повышенной. В стране, где госимущество реализуется по бросовым ценам (а мы это нередко наблюдаем до сих пор), уровень эффективности госаппарата будет неизбежно низким. И в этой ситуации влияние повышения окладов чиновников, занимающих стратегические должности, на эффективность аппарата, – кардинально проблему не решит. То есть, эффект от этой меры наверняка появится, но он, скорее всего, будет весьма ограниченным.

4.5. Слабость аппарата как фактор компенсации неэффективности российского законодательства

Однако эффективный аппарат является безусловным плюсом лишь в том случае, когда проводимая властью политика в достаточной степени отвечает потребностям общества. Если же это условие не выполняется, эффективность аппарата может превратиться из социального плюса в минус, а дефицит его эффективности, – наоборот, в плюс.

В России эффективность административного аппарата во второй половине XVII века была явно выше, чем в первой его половине, а при Петре I (как бы мы не критиковали его административную систему) была, все же, в целом выше, чем при его предшественниках. Очевидный результат – трансформация сословно-представительной монархии в абсолютистскую и трансформация поместной системы как таковой (помещик – получатель налога в натуральной форме, уплачиваемого крестьянами) в поместную систему с закреплением крестьян на земле и установлением их личной зависимости от помещика.

Пока аппарат был неэффективен, а контроль власти за территорией очень ограничен, систему прикрепления крестьян к земле вообще было принципиально невозможно реализовать. Она была создана только после того, как государство обзавелось (относительно) эффективным аппаратом, который мог обеспечить возможность реального возврата (так, по крайней мере, считалось) беглых крестьян помещикам.

Тем не менее, царевна Софья и князь Голицын, не надеясь на такую возможность, еще могли рассматривать вопрос о целесообразности ликвидации крепостного права. Однако после реформ Петра, резко усиливших "мощность" аппарата (и особенно "силовых ведомств"), – вопрос об отмене крепостного права был надолго снят с повестки дня (точно так же, впрочем, как и вопрос о русском парламентаризме).

Оценки этого факта с экономических, политических, социальных позиций, – как известно, порой диаметрально противоположны. Однако, тем не менее, можно утверждать, что пока административный аппарат более или менее неэффективен, его неэффективность до известной степени защищает общество от полного произвола власти (притом, что неэффективность аппарата всегда является безошибочным признаком того, что между интересами власти и интересами общества налицо значительный "конфликтный зазор").

Неэффективный аппарат при неэффективной власти (а это вполне обычное сочетание) всегда, до известной степени, ограничивает сферу и потенциал действия власти. Просто потому, что чем ниже эффективность аппарата, тем меньшую часть социальной и экономической среды реально контролирует власть.

Поэтому, несколько упрощая и полемически заостряя проблему, можно сказать, что, с учетом фактора культурной и общей отсталости страны в ту эпоху и отсутствия внутри общества системы социально-экономических сдержек и противовесов, в России в период московского царства (а также царствования Петра I

и его преемников) слишком эффективный аппарат был не нужен и, более того, просто социально опасен.

И реформы Ивана Грозного, и реформы Петра I имели одной из целей увеличение объема подконтрольного власти сегмента общества. Оба государя в этом, в определенной мере, преуспели. Но (как я полагаю, к счастью) не до конца.

Однако слабость общего административного и собственно полицейского аппарата в те эпохи оказала определенное влияние и на эволюцию крепостнической системы.

Во-первых, слабость аппарата не позволяла решить проблему побегов крестьян. Крестьяне бежали в периферийные области государства, и вернуть их оттуда полицейский аппарат государства был не в состоянии, хотя такие попытки периодически предпринимались. Множилось количество "гулящих людей" и в центральных областях государства. С проблемой староверов полицейский аппарат Московского государства, а затем Петровской Руси также справиться не мог – они, в основном, остались вне системы крепостной зависимости.

Во-вторых, хотя переход крестьян от одного помещика или вотчинника к другому был категорически запрещен Соборным Уложением 1649 г. (причем предусматривались разнообразные кары помещикам и вотчинникам, принимавшим беглых крестьян), на деле такой переход широко практиковался. Проблема эта поднималась, в частности, на Земском соборе 1660 г., но вопрос в тот момент был (вряд ли случайно!) "замят".

В результате в стране неуклонно накапливалась масса беглых крестьян, нелегально проживавших у чужих помещиков. А с переходом России к системе подушного фискального обложения появился и новый явный стимул для помещиков укрывать крестьян от переписчиков и полицейских властей.

Закон предусматривал весьма суровые кары для тех, кто это делает. Тем не менее, практика сокрытия крестьян от фиска существовала устойчиво и почти повсеместно – включая центральные губернии страны.

В общем итоге в государстве, с одной стороны, образовались, по свидетельствам современников, обширные районы, из которых бежала значительная часть крестьян, а, с другой стороны, возникла масса нелегальных крепостных из беглых. И масса помещиков – нарушителей законов.

Таким образом, формально единый крепостнический уклад фактически расслоился на легальный и нелегальный субуклады, причем наличие второго уменьшало негативные социально-экономические последствия первого, одновременно снижая возможности полицейского контроля за основной массой населения.

Помещики же, "пользовавшиеся" чужими крестьянами и скрывающие крестьян от фиска (с тем, чтобы подати шли в их собственный карман), уже не могли обращаться с крестьянами с той жесткостью и суровостью, какой могла бы иметь место в противоположном случае. Между помещиками и крестьянами возникла своего рода ситуация "круговой поруки", отчетливо направленной против контролирующих, фискальных и репрессивных усилий аппаратов власти.

Данное обстоятельство является одной из основных причин того, что помещики были вынуждены, если размеры поместья это позволяли, допускать в широких размерах развитие своего рода "самоуправления" среди принадлежащих им крестьян (и, соответственно, функционирование крестьянских "миров", общин). Именно так в России возникла, по ряду исторических свидетельств, массовая "вторичная" община.

Но это же обстоятельство "круговой поруки" между помещиками и крестьянами способствовало, начиная с последней четверти XVIII века, широкому явлению перевода крепостных на оброк. При этом формальное экономическое положение крестьянина, платившего оброк помещику, объективно мало отличалось от положения гражданина современного демократического государства, платящего этому государству налоги.

По ряду существующих оценок, налоговая нагрузка плательщика, если принимать во внимание косвенные налоги, в обоих случаях сопоставима. И в "оброчный период" развития русской крепостной деревни – условия жизни крестьян-оброчников начали сближаться теми, которые существовали на начальном этапе развития поместной системы. С той лишь разницей, что теперь "налог" помещику платился не в натуральной, а в денежной форме. Круг замкнулся.

В теории законы, "развивавшие" крепостнический режим в России, "развили" его до состояния рабовладельческого уклада (по крайней мере, такая идея настойчиво проводится во множестве публикаций на эту тему). На практике же слабость и коррумпированность государственной системы полицейского контроля не позволила практически реализовать потенциал крепостнической системы в ее российском варианте.

В связи с этим сделаем еще одно важное замечание.

Обычно считают, что общественная свобода создается представительными учреждениями. В России же, напротив, основной шаг в закреплении большей части населения (Уложение 1649 г.) был сделан представительным учреждением – Земским собором. А главным ресурсом свободы ("воли"), которым располагало российское общество с начала конца XV века и по 1861

г., оно оказалось, парадоксальным образом, обязано в первую очередь несовершенству российской административной системы. Причем взятки и поборы со стороны бюрократических аппаратов в российских условиях приобретали, как правило, характер своего рода "платы за свободу".

Но ситуация, при которой "ресурс свободы" общества – функция слабости аппарата – не особое свойство России. Так, видимо, было всегда в мировой истории при всех режимах, преследующих антиобщественные цели или обслуживающих узкие элитные группы.

В частности, гитлеровский режим Германии потому и сумел произвести огромные опустошения в Европе, что опирался на мощный бюрократический аппарат с хорошим квалификационным качеством аппаратного персонала. В то же время фашистский режим в Италии реально был значительно более либеральным в первую очередь потому, что его распоряжении был "прогнивший", неэффективный аппарат, весьма склонный к коррупции.

При этом нужно отметить, что, однако, в ходе функционирования гитлеровского режима – его аппарат постепенно разлагался и терял эффективность (что было особенно заметно на оккупированных территориях).

Подчеркнем, что ограниченная способность административной власти проводить в жизнь свои законы – оказалась важным обстоятельством социально-экономических процессов в России не только при крепостническом режиме. При Сталине, при наличии "драконовских" законов о наказаниях за хищение социалистической собственности, власти реализовать их на практике в большинстве случаев не могли. Повторимся: деревня, несмотря на "закон о колосках" (сбор колосков на поле считался хищением социалистической собственности), жила в огромной мере за счет воровства сельскохозяйственных продуктов, производимых колхозами и совхозами.

Можно даже предполагать, что ничтожная плата за трудодень – в действительности устанавливалась с негласным учетом того, что остальное крестьяне "доберут" сами. Более того, и в торговле крохотная зарплата продавцам, видимо, предполагала, что остальное они доберут за счет хищения все той же "социалистической собственности" и обвеса, обсчета покупателей.

Но и многие другие советские законы соблюдались "постольку поскольку". Особенно массовыми ненаказуемые нарушения законов стали в "застойное" и позднесоветское время. И это, безусловно, способствовало укоренению в обществе отношения к закону, как к чему-то такому, что необходимо соблюдать не при всех, а лишь при некоторых обстоятельствах. А также массовой убежденности в том,

что обычай и локальные представления о возможном и справедливом, – имеют преимущество перед законом.

Это отношение к закону почти полностью перешло в Новую Россию. Негативные последствия такого отношения очевидны и многократно обсуждались. Однако, подобно вышеописанной ситуации в Московской и Петровской России, такое отношение к закону имело и определенные ситуативные плюсы.

Так, в частности, функционирование экономики России в 1994-1999 гг. и позднее, при наличии чудовищной просроченной задолженности предприятий (то есть ситуации фактического поголовного всеобщего банкротства), возникшей из-за созданного государством дефицита платежных средств в обращении, было теоретически невозможно. Оно было бы и практически невозможно, если бы это положение принималось бы всеми социальными и экономическими акторами всерьез, "по закону" (или если бы очень быстро в ход не пошли разнообразные платежные суррогаты, использование которых законом не предусматривалось).

В связи с этим очевидным обстоятельством, а также отмеченной многими исследователями парадоксальной корреляцией между относительным благополучием социально-экономической ситуации в стране и масштабами незаконной экономической деятельности, нередко заявляют, что "экономической спасительницей" России регулярно оказывалась теневая экономика.

При всей спорности этого тезиса нужно подчеркнуть, что теневая экономика в сколько-нибудь серьезных масштабах, опять-таки, была бы невозможна, если бы мощность административных аппаратов (с учетом охарактеризованного выше массового отношения к закону) была достаточна, чтобы заблокировать ее развитие.

Глава 5. Кризисы управляемости Российского государства и теневая социально-экономическая контрсистема

В любом обществе имеется секторы, поддающиеся прямому и косвенному (в том числе административному) управлению, и секторы, не поддающиеся такому управлению. Причем эти секторы частично отделены и противопоставлены друг другу ("видимы"), а частично "переплетены", находятся в состоянии сложной суперпозиции, в которой определенная часть "неуправляемого" сектора плохо поддается наблюдению или невидима (рис. 5.1).

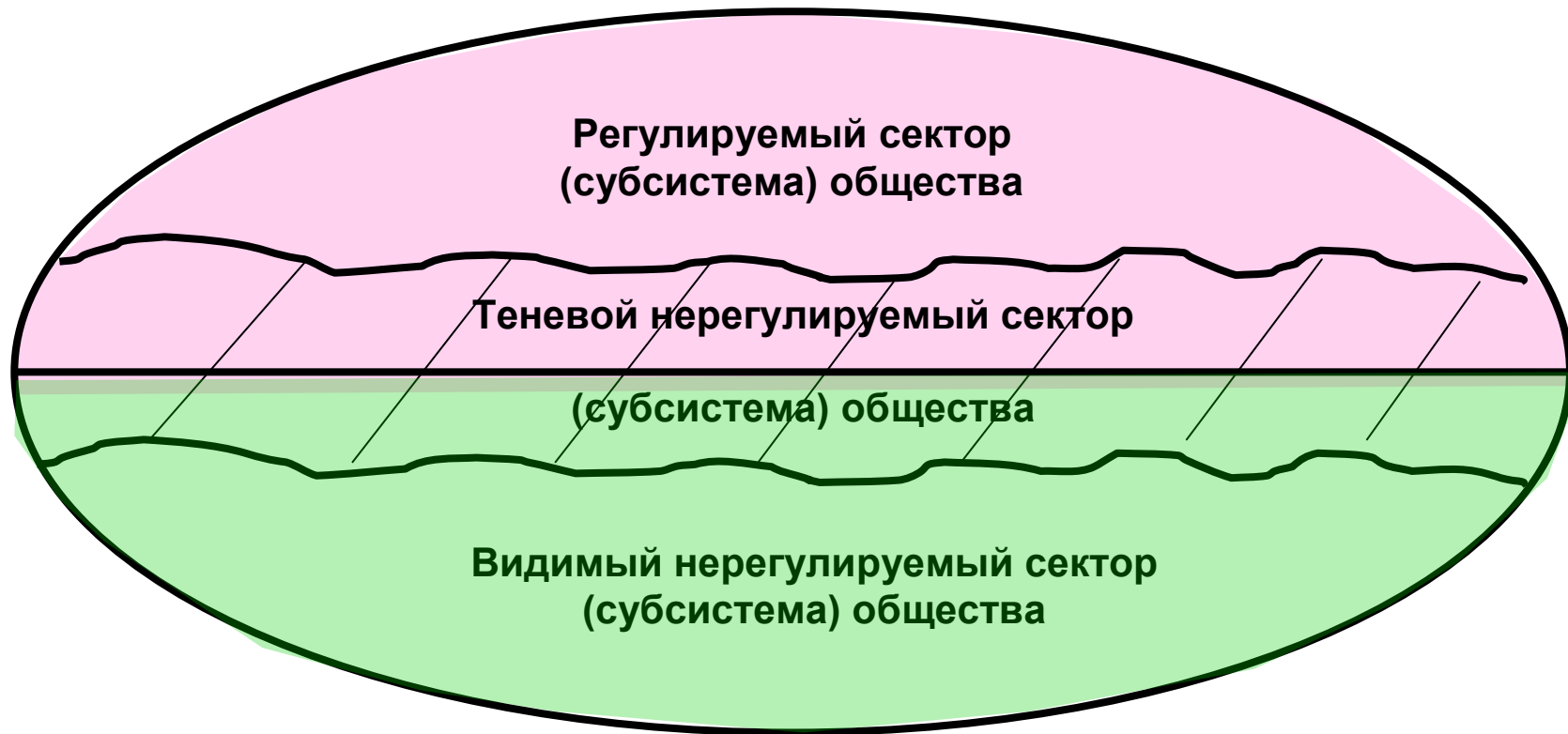

Рис 5.1. Схематическая структура общества с точки зрения условий регулируемости

Такое состояние общества определяется взаимодействием в нем многообразных явных и скрытых социокультурных, социально-экономических и политических факторов, – как хорошо поддающихся управляющим воздействиям, так и находящихся вне возможностей управления или даже контроля.

Количественное и качественное соотношение перечисленных секторов (управляемого, неуправляемого видимого и неуправляемого невидимого) в различных обществах и в разные эпохи меняется.

В Европе (в странах с рыночным хозяйством) нерегулируемый государством сектор всегда был относительно велик (а столетие назад очень велик), но его плохо наблюдаемая, теневая компонента была, как правило, невелика и не имела большого социоэкономического значения. Заметим, однако, что сейчас она находится в фазе быстрого роста, в том числе в связи с изменениями в структуре населения в пользу социально и культурно "маргинальных" (в том числе, иноэтничных и инокультурных) групп.

В Азии в целом ситуация обратная. Здесь почти повсеместно всегда была особенно велика скрытая, ненаблюдаемая компонента нерегулируемого сектора. Вероятно, максимальной величины это явление достигло в Китае – классической стране тайных обществ, длительное время жестко противостоящих власти.

В России ситуацию можно оценить, как промежуточную между Европой и Азией, причем ее характерная особенность в том, что здесь доля организованных компонент ненаблюдаемого сектора невелика, а неорганизованных, наоборот, очень велика.

Очень часто вопрос эффективной экономической управляемости пытаются сводить к единственной проблеме силы, или, наоборот, слабости государства. Причем под этим нередко понимают совершенно разные вещи.

В либеральных концепциях "благое" слабое государство "освобождает силы рынка" и, тем самым, всегда обеспечивает (за счет этого самого рынка) наилучшую косвенную управляемость и экономическую и социальную динамику. И в этом смысле даже теневая экономика – благо, поскольку она, с одной стороны, является индикатором неудачных попыток государства "задушить рынок", а с другой – оказывается этим самым перспективным рынком, победно прорывающимся сквозь государственные административные рогатки.

Яркую картину развития теневой экономики, трактуемую именно в таком духе, приводит Эрнандо де Сото, описывая "серый" и

отчасти "черный" сегмент хозяйства Перу в 1980-х годах⁹². Заметим, что вся книга посвящена доказательству авторского мнения о категорической вредности попыток государства регулировать рынок.

Но приводимые де Сото факты свидетельствуют о другом. О том, что именно слабое, крайне развращенное и коррумпированное во всех своих административно-управленческих звеньях, перуанское государство описанного периода, не будучи способным сколько-нибудь эффективно управлять социально-экономическими процессами, вызвала к жизни невероятное "распухание" теневой хозяйственной деятельности во всех сегментах национальной экономики.

Опубликованная де Сото статистика действительно впечатляет.

В одной только Лиме черный рынок (включая производство) давал работу 439 тыс. человек. Из 331 рынка в городе 274 (83%) были построены нелегалами. Нелегалам принадлежало 95% общественного транспорта. В домах, построенных нелегалами, жило около половины населения столицы Перу.

На основании таких "успехов" теневого сектора, фактически вытеснившего из многих отраслей хозяйства любое легальное предпринимательство, де Сото делает парадоксальный вывод: в Перу фактически не было рыночной экономики. И лишь с появлением и развитием теневой хозяйственной деятельности в стране, якобы, начал активно развиваться (и регулироваться своей "невидимой рукой") настоящий рынок.

Но за скобками этой концептуальной модели (которую автор считает характерной вообще для всего "третьего мира") остался очень серьезный и тревожный процесс. А именно – описанное криминологами для разных стран "третьего мира" сращивание двух пирамид власти: коррумпированных (и пронизанных "полномочными представителями" криминалитета) легальных бюрократических структур – и крупных оргпреступных сообществ (как правило, быстро приобретающих транснациональный характер).

В этом случае происходит фактическое неявное взятие под контроль этим союзом "параллельной теневой экономической власти" решающих позиций в национальном хозяйстве. А затем – стремительное распространение криминальной этики и мафиозных стилей социального и экономического поведения на широкие массы общества^{93, 94}. Как это происходит и во что выливается – мы достаточно наглядно увидели в Чечне после 1992 года.

⁹² Эрнандо де Сото. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М., "Catallaxy", 1995

⁹³ P.Arlacchi. Mafia Business: The Mafia Ethic and the Spirit of Capitalism. Oxf, 1988.

Однако есть и другая крайность представлений об экономической "управляемости", которую часть "неолибералов" (в том числе российских) называет "латиноамериканским сценарием" и связывает с мощным и активным государством, силой "навязывающим" обществу либеральные реформы. При этом в качестве примера нередко приводится "курс Пиночета" или, шире, "эпоха либеральных реформ" 80-х годов XX века в Латинской Америке.

Однако миру гораздо лучше известно другое, вовсе не благодное, лицо латиноамериканских социально-экономических реформ того времени.

В частности, именно "долиберальные" 50-е – 70-е годы XX века дали наивысшие темпы роста экономик Латинской Америки (в среднем 6-7% в год) при снижении социальной дифференциации и социально-политической напряженности. А вот эпоху либеральных реформ 80-х годов в литературе открыто называют "потерянным десятилетием": средние темпы экономического роста обрушились до 1,2% в год, а по доходам на душу населения обнаружился даже спад в среднем на 1% в год^{95, 96}.

Новый "либеральный рывок" в 90-х годах – начале нового века также принес большинству стран региона неутешительные результаты. В 2001 г. темпы роста в Латинской Америке составили всего 0,5% при снижении подушевых доходов. В 2002 г. в экономике региона наблюдался спад ВВП на 0,5%. Суммарный внешний долг стран региона повысился с \$461 млрд. в 1991 г. до \$744 млрд. в 2003 г. (172% от общего объема экспорта товаров и услуг). В результате некоторые из стран Латинской Америки вынуждены направлять на обслуживание долга до 40% доходов национальных бюджетов.

К началу нового века в регион вернулась (вроде бы ранее подавленная монетаристскими методами) инфляция. В 2002 г. она составила у Аргентины 41%, Венесуэлы - 31%, Уругвая - 25%, Парагвая - 15%

Знаменательно, что острейшие экономические проблемы возникли в этот период даже у Мексики, наиболее тесно

⁹⁴ Отметим, что в России, хотя она еще не страна "третьего мира", описанные процессы в условиях слабости "постперестроечного" государства получили широкое распространение. Что показано, например, в монографии "Организованная преступность и частные инвестиции" под ред. В.И Попова и А.С.Овчинского, М., институт МВД, 1998.

⁹⁵ З.Романова. Латинская Америка в поисках безопасной экономики. //Мировая экономика и международные отношения, 2003, №11, с. 97.

⁹⁶ З.Романова. Латинская Америка: трудный поиск своего пути. //Вопросы экономики, №1, 2004, с. 107 - 117.

интегрированной с экономикой США (в том числе в рамках NAFTA). Здесь в 2001 г. отмечался экономический спад, а в 2002 г. темпы роста составили лишь 1,2%, при одновременном снижении средних подушевых доходов. При этом, с одной стороны, в Мексике около 41% населения живет за чертой бедности. Но, с другой стороны, страна по числу долларовых миллиардеров обошла Францию и Италию и безусловный лидер в Латинской Америке.

Одновременно "либеральное десятилетие" закрепило в регионе две очень тревожные и очень значимые тенденции.

Во-первых, вовсе не снизились а, напротив, усилились относительный вес и экономическое и политическое влияние теневого (субкриминального и криминального) сегмента национальных и транснациональных экономик. В том числе влияние "верхушки" криминальной пирамиды – транснационального наркобизнеса.

Во-вторых – и это непосредственно связано со всем сказанным выше – эпоха либеральных реформ привела к общему, причем весьма значительному, ухудшению социально-экономической ситуации. Что проявилось во многих странах региона в стагнации или даже снижении подушевого дохода и, главное, в катастрофическом росте социальной дифференциации. В немалой степени – за счет безработицы. По подсчетам Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (ЭКЛА), в 2002 г. уровень городской безработицы в Аргентине составил 21%, в Колумбии – 18%, Уругвае – 16%. Что даже вызвало отток из Аргентины в другие страны региона и Европу бывших переселенцев⁹⁷.

В результате социологи начинают говорить о "новых поколениях обездоленных" и, как следствие, о "новой криминальной волне", которая все более очевидным образом захлестывает Латинскую и Карибскую Америку.

Латиноамериканские политики и аналитики обвиняют в этом, прежде всего, процесс "либеральной глобализации". И не случайно именно в бразильском Порту-Алегри с 2001 г. ежегодно собирается мировой "Социальный форум" (который нередко не без оснований называют "антиглобалистским"). И не случайно аналитический доклад Межамериканского банка развития за 2002 г. констатирует: "... возникшее разочарование населения реформами и демократией растет по мере того, как многие страны погружаются в экономический застой или непосредственно сталкиваются со спадом экономики"⁹⁸.

⁹⁷ З.Романова. Латинская Америка в поисках безопасной экономики. //Мировая экономика и международные отношения, 2003, №11, с. 98.

⁹⁸ IDB. Latin American Economic Policies. Wash., 2002.

Возвращаясь к России, отметим, что общий уровень социально-экономической "неуправляемости" нашей страны (или ее способности сопротивляться управляющим воздействиям) – всегда был очень значителен. И влияние этого фактора на протекающие в российском обществе процессы и на результаты управляющих воздействий на общество и экономику (особенно в переходные периоды реформ) – крайне велико.

Любое длительное управляющее воздействие, результатом которого должны стать заметные изменения в социально-экономической структуре, – в российских условиях сильно и в обязательном порядке искажается наличием теневого нерегулируемого сектора. А потому итоговый результат такого воздействия нередко (или даже, как правило) оказывается весьма отличным от того, что замысливалось и планировалось.

Исторический анализ социально-экономической ситуации в России, в разные эпохи ее развития, – показывает, что этот вывод справедлив и применительно к результатам опричнины Ивана Грозного, и применительно к Петровским реформам, и применительно к революциям 1917 г. (как февральской, так и октябрьской, когда теневой нерегулируемый сектор вышел наружу, стал видимым), и к советскому периоду.

Если рассматривать проблему реформ в России в общем виде, отличие результатов реформ от их замысла, в первом приближении, зависит от:

1) Ошибок проекта реформ и отдельных субпроектов на различных этапах реформ, а также ошибок в технологиях управления при реформировании.

2) Наличия крупного нерегулируемого сектора, или, как уже говорилось, мощных теневых нерегулируемых факторов, включая:

2а) влияния видимых нерегулируемых факторов (большая часть экономики, не поддающаяся управляющим воздействиям, огромные вариации социально-хозяйственных условий и укладных и субукладных структур по горизонтали);

2б) влияния теневых нерегулируемых факторов (дефицит эффективности аппарата, низкая лояльность по отношению к законодательству, недоверие к власти, масштабная теневая экономика, влияние групп давления, криминальная активность, высокие конъюнктурные риски).

Ситуация планирования реформ в таких условиях весьма осложняется тем, что фактор 2б оказывает сильное влияние на фактор 1. В ряде случаев крайне сложно понять, где сказываются ошибки реформаторов в управляющих воздействиях, а где влияние групп давления.

Однако, несомненно то, что наличие теневых нерегулируемых факторов общегосударственного масштаба, как очень существенного и неотменимого контекста российских реформ, в настоящее время оказывается одной из основных причин:

- низкого уровня эффективности предпринимательского сообщества (что непосредственно связано с наличием мощных криминальных сообществ мафиозного типа и неоднородностью предпринимательской среды, в которой уже, по существу, сложились закрытые группы "этноконфессионального" типа, преследующие специфические интересы);
- непривлекательности России для иностранных инвесторов;
- недостаточности производственных капиталовложений в предпринимательском секторе;
- вывоза капитала;
- недоверия к банкам;
- неэффективности приватизации, поскольку она привела к попаданию значительной части производственных активов в руки элементов, заведомо неспособных их эффективно эксплуатировать;
- недофинансирования бюджета во все послеперестроечные годы в связи с низкой собираемостью налогов (и, как результат, кризиса задолженности).

Коренная слабость проекта реформ, реализованного в последнее десятилетие в России, а равно и планов их углубления, состоит в том, что он не принимал в расчет наличие мощных теневых факторов, плохо или вовсе не поддающихся регулировочным воздействиям. По каким-то причинам считалось, что Россией (с ее, якобы, привыкшим к послушанию населением) легко управлять. На деле управлять ею очень трудно, и с последствиями этого мы сталкиваемся ежедневно.

Российская история – это история непрерывных попыток расширить сферу управляемости в государстве и, соответственно, сократить сферу неуправляемости.

По Р.Пайпсу, например, русские цари пытались проконтролировать движение основных товарных потоков и развить госсектор, отдавая дань собственническим инстинктам.

Реально же контроль над движением основных экспортных продуктов и хлебных потоков и казенная индустриализация (как и во множестве азиатских стран – современников Московского царства и российского абсолютизма) имели целью, во-первых, пополнение казны и получение ресурсов, которые иными способами получить было нельзя (не в последнюю очередь из-за доминирования в стране производства для собственных нужд и натурального товарообмена) и, во-вторых, повышение управляемости страны. При том, что последняя была всегда, тем не менее, очень низкой.

Когда английскому правительству были нужны деньги, оно их занимало (крупные государственные займы в Англии стали системой с конца XVII века). Российское правительство для этого заводило казенную промышленность.

Для повышения управляемости страны в России применяли в течение большей части ее истории два основных средства – увеличение государственного нефинансового хозяйства (государственного домена) и административно-силовой нажим⁹⁹.

Однако на практике постоянно оказывалось (о причинах неэффективности силовых мер отчасти сказано выше), что наиболее эффективным средством повышения социально-государственной управляемости является, все же, увеличение объема госсобственности. То есть, дефицит управляемости и потребность в его изживании, – в России постоянно выступали в качестве мощных укладообразующих хозяйственно-экономических и социально-политических факторов.

И, видимо, не в последнюю очередь именно это обстоятельство – подвигло большевиков в период глубокой послереволюционной потери управляемости страной к почти тотальному огосударствлению национального хозяйства.

В дальнейшем этот "перекос" тотального огосударствления отчасти планомерно, а отчасти стихийно, за счет естественных низовых (в том числе теневых) инициатив был в какой-то мере подправлен. Однако по состоянию на 1990 г. Россия обладала государственным доменом явно избыточных размеров.

В 1995 г. (после мощной приватизационной волны) он был уже примерно таким же, как в 50-е – 60-е годы XX века в большинстве стран Западной Европы.

В настоящее время он примерно таков, каким был в Европе к 70-м годам XX века и в Канаде до Второй мировой войны (в Канаде тогда государству принадлежали железные дороги и электроэнергетика)¹⁰⁰. Таким образом, если ориентироваться на международную "норму" начала 70-х годов XX века, размеры государственного присутствия в экономике РФ следует уже сегодня считать весьма скромными.

⁹⁹ К заемным средствам увеличения правительственных ресурсов в России (если не считать периоды мировых войн) прибегали дважды – с конца XIX века, когда после образования союза с Францией появилась возможность производить крупные и сравнительно дешевые займы, и после 1985 г. Первый опыт был удачен, второй – нет.

¹⁰⁰ В 1980 г. положение было примерно таким же: государству в Канаде принадлежала почти вся электроэнергетика и три четверти железнодорожного и авто-транспорта и авиалиний. ("Economist", 4.01.1986, p. 72.)

Но при этом необходимо помнить еще об одном крайне важном обстоятельстве. Норма государственного присутствия в экономике (о чем речь уже шла ранее) – функция системы рисков, в рамках которых протекает хозяйственно-экономическая деятельность. Чем эти риски выше, тем больше необходимая "норма" государственного присутствия в экономике. И именно поэтому призывы ориентироваться в нынешних российских реформах на аналогии в виде современных США или Великобритании – совершенно некорректны.

Если говорить о постсоветской эпохе, то ощущение дефицита управляемости российского хозяйства и общества появилось в руководящих сферах нашей страны, видимо, в конце 1990-х годов. Именно в это время начали предприниматься определенные усилия по укреплению государства.

Однако одновременно шел процесс свертывания государственного домена и проявлялась тенденция сокращения бюджетных расходов (прежде всего, их социальной составляющей, посредством которой население ставится в определенные рамки, а государство влияет на население). Но сокращение этих расходов всегда и везде означает сокращение возможностей государства влиять на общество, сокращение возможностей управления.

Фактором, сокращающим потенциал способности государства влиять на общество в целом, является и сам российский экономический кризис (промышленное производство к концу XX века составляло, судя по данным о ценах производителей и валовой продукции промышленности в текущих ценах, чуть больше трети от уровня 1990 г.)¹⁰¹.

Причем главная проблема состоит не в том, что промышленное производство может и далее упасть, а финансовая ситуация может ухудшиться (хотя и это возможно). Основная проблема заключается в других, прежде всего, социальных, кумулятивных эффектах кризиса. В том числе в таких эффектах, как:

- пауперизация населения,
- ускоренное вымирание старших, наиболее пассивных в социальном отношении возрастов,
- массовая утрата лояльности к власти и веры в демократические институты,
- утрата уважения к законам и обычным нормам, широкое распространение нелегитимных форм экономического и социального поведения,

¹⁰¹ На 1999 г. валовая продукция промышленности в текущих ценах – 24 % от дореформенной (см. "Российский статистический ежегодник", 2000, с. 14 и 567).

- углубление криминализации,
- увеличение активного протестного потенциала.

В настоящее время по всем перечисленным параметрам ситуация в стране объективно меняется в сторону нарастания мощности "фактора неуправляемости" и, соответственно, сокращения возможности "регулировать сверху" российское общество и протекающие в нем процессы.

В частности, пособия по безработице в период глубоких кризисов на Западе всегда были важнейшим средством взять под контроль не только социально-политическую, но и экономическую ситуацию, и на это тратились огромные деньги. У нас от этого средства воздействия, как и от ряда других, практически отказываются, – существующие пособия по безработице составляют крайне незначительный процент от ВВП и не обеспечивают даже прожиточного минимума.

Так, в 1999 г. выплаты типа пособий по безработице (пенсии, пособия, выплачиваемые за счет фонда занятости) при 9 млн. безработных составили 7770 млн. руб.¹⁰², или 0,17% ВВП. Для сравнения: в 1932 г. в Германии при 6 млн. безработных и ВВП около 50 млрд. марок пособия по безработице составляли 3 млрд. марок¹⁰³. В абсолютном выражении, считая по покупательной силе марки и рубля в соответствующие периоды, кризисная Германия (со значительно меньшим населением) тратила на пособия по безработице в 1932 г. в 10 раз больше, чем Россия в 1999 г.

С точки зрения социального прогнозирования можно предположить, что в расчет принимается лишь текущий протестный потенциал "новых пауперов", но совершенно не учитывается их вероятный будущий протестный потенциал. В то же время, исходя из ряда аналогий, можно предполагать, что динамика протестного потенциала в нынешней России в целом повторяет таковую сто лет назад (примерно после 1890 г.).

А в 90-е годы XIX века, с точки зрения власти, с подконтрольностью социальных процессов положение выглядело вполне удовлетворительным. Забастовок было незначительное количество, а после 1900 г. они в основном проводились подконтрольными административно-полицейским органам "зубатовцами". Причем, по множеству исторических свидетельств, в первые годы своего царствования Николай II пользовался значительной массовой популярностью.

¹⁰² Российский статистический ежегодник 2000, с.508.

¹⁰³ Материалы конференции в Лозанне. Цит. По: Эдуард Эррио. Из прошлого. Между двумя войнами 1915-1936. М. Изд. Ин. Лит., 1958, с.419.

Тем не менее, именно 90-е годы XIX века были периодом неуклонного роста массового протестного потенциала (который, однако, внешне "по большому счету" не проявлялся). Но, тем не менее, в ходе роста этого протестного потенциала в стране постепенно формировалась теневая социально-экономическая контрсистема в составе:

- радикализирующихся рабочих (утрачивалась лояльность к власти и надежда на то, что положение может измениться к лучшему; неуклонно росла склонность к нелегитимному поведению);
- радикализирующихся крестьян (ими также утрачивалась лояльность к власти и усваивалась склонность к нелегитимному поведению);
- разнообразных деклассированных элементов, причем насыщение ими рабочей и крестьянской среды стало важным фактором ее последующей радикализации;
- прочих недовольных правительством, среди которых было немало групп и фигур, обладающих значимым потенциалом политического, социального и экономического влияния.

После того, как теневая социально-экономическая контрсистема сформировалась, она длительное время пребывала в скрытом, латентном состоянии. Но при возникновении первого же крупного социально-политического повода – поражения в Русско-Японской войне – эта контрсистема проявилась, причем сразу весьма мощно и грозно, в революции 1905 года.

Подавляя революцию, правительство Николая II на некоторое время понизило потенциал теневой социально-экономической контрсистемы. Однако факторы, приводившие к наращиванию этого потенциала, – сохраняли свою роль в полной мере, и потому он начал восстанавливаться.

В период войны 1914-1917 гг. (война – всегда страшный разрушитель этики вообще, и социальной и трудовой этики, в частности) потенциал теневой контрсистемы резко увеличился. В том числе, за счет появления массы дезертиров и ухудшения экономического положения основной части населения и в деревне, и в городе.

Проявился он в достаточной степени внезапно (правительство не ожидало революции, и даже было уверено в верноподданной консолидации общества на мотивах "отпора врагу"). Причем если в 1905 г. взрывному высвобождению теневого контрпотенциала способствовало военное поражение от Японии, то в 1917 г. – прежде всего, обнаружившаяся в ходе военных действий недееспособность власти.

Но это были лишь поводы к проявлению накопившегося ранее мощного социально-экономического и политического потенциала

теневой социально-экономической контрсистемы. Не было бы их – "спусковым крючком", вероятно, стали бы другие факторы или события.

Однако потенциал контрсистемы все равно был бы, так или иначе, реализован в социальном взрыве. Но власть его не ожидала и не предвидела. Лишь поэты, вроде Блока, Маяковского, Белого (видимо, обладающие особой социальной чувствительностью), уже в 1908-1912 годах настойчиво говорили, что "в российском воздухе пахнет революцией". И этот исторический урок ни в коем случае нельзя не принимать во внимание российским властным реформаторам.

В настоящее время базой формирования теневой социально-экономической контрсистемы являются:

- повсеместная прослойка остро недовольных своим экономическим положением и, прежде всего, новые бедные и пауперы, включая безработных;
- почти вся теневая экономика;
- весь криминал;
- массы населения ряда регионов, фактически не контролируемых федеральной властью, а также населения регионов с так называемой "застойной бедностью";
- часть предпринимателей, недовольных экономической политикой власти;
- часть госаппаратов, потерявшая надежду на улучшение своего социально-экономического положения.

Достаточно очевидно, что, например, возможная комбинация продовольственного кризиса (в связи с прогрессирующим разложением сельского хозяйства и углублением зависимости продовольственного обеспечения от импорта) и инфраструктурного кризиса (серия аварий в изношенных системах энергоснабжения и жилищно-коммунального хозяйства) – вполне может активизировать теневую социально-экономическую контрсистему.

Однако эта контрсистема, в принципе, может активизироваться и другими факторами, включая политические (негативные процессы на Северном Кавказе, форсированная жилищно-коммунальная реформа и пр.). А поведение потенциальных инвесторов на фоне мер (в том числе налоговых и тарифных), предпринимаемых правительством для улучшения инвестиционного климата, – говорит о том, что они считаются с возможностью подобного кризиса, и в долгосрочные проекты категорически деньги не вкладывают.

Что, естественно, дополнительно осложняет экономическое и социальное положение в России.

Часть II. Социальные ограничители и риски российских рыночных реформ

Глава 6. "Маргинальный" социальный ограничитель процессов экономической либерализации в России

6.1. Маргиналы как источник революционной энергетики в российских революциях XX века

Многие, несомненно, зададут вопрос: "причем здесь маргиналы"? Ведь "революций маргиналов" в России, как мы знаем, вроде бы не было. Были буржуазно-демократические революции в 1905 году и в феврале 1917 года, была пролетарская революция в октябре (или ноябре) 1917 года. А от "революции маргиналов" – пока что "бог хранил".

Но проблема заключается в том, что и чем считать. Представляется, что и "буржуазно-демократические революции" 1905 и 1917 годов, и "пролетарская революция" 1917 года – реально были именно "революциями маргиналов".

Революция отличается от реформы, прежде всего, крайне высокой массовой энергетикой. И во время революционных событий 1905 года, и во время революционных событий 1917 года – этой энергетикой было более чем достаточно.

Точно так же случилось и во время Великой Французской революции. "Узников деспотии", которых нужно было освободить, в Бастилии фактически не было. Но у толпы, явившейся к "оплоту королевской власти", было сколько угодно энергетики и криминальных наклонностей. И эта толпа, за отсутствием узников, разгромила Бастилию и перебила (не пытавшихся сопротивляться, а сразу же сдавшихся) солдат-инвалидов, составлявших ее гарнизон.

Вот что пишет о начальной фазе Великой французской революции историк Н.Дэвис: "У короля и его министров... за неимением народного представительства, не было возможности оценить народные настроения... и не было средств регулировать волны страха перед нуждой и народного гнева"¹⁰⁴.

"Падение Бастилии послужило знаком для бесчисленных нападений на "сорок тысяч других бастилий". Сжигались замки и аббатства, голодные крестьяне нападали на все подряд дворянские

¹⁰⁴ Норман Дэвис. История Европы. М., Транзиткнига, 2004, с. 509.

семьи... всюду царит разбой... Это было время Большого страха"¹⁰⁵. "Если большинство якобинцев были адвокатами и журналистами, то их активные сторонники были, в основном, безвестные пролетарии с парижских окраин. В этих санкюлотах было нечто еще более радикальное, чем в какой-либо группе или человеке, обладавших реальной властью"¹⁰⁶.

Избыточная склонность к насилию толпы (или массы) – это то, без чего никаких "народных революций" (и, тем более, "великих революций") – не бывает. Гюстав Лебон, несмотря на определенную идеологическую ангажированность его оценок поведения толпы, в данном отношении, безусловно, не ошибался¹⁰⁷.

Все без исключения "большие" революции предполагали сначала накопление в течение более или менее длительного периода социального материала, способного к насильственным действиям и склонного к ним. Чтобы произошел взрыв, необходим взрывчатый материал.

Отметим, что наиболее употребительная терминология, прилагаемая к революционным событиям – "революционный взрыв", "массы больше не могли терпеть". Выражение "революционный взрыв" – правильное, а выражение "массы не могли терпеть", – правильно не совсем и не всегда.

Известно, что масса, состоящая из законопослушных элементов и лишенная организующего ядра из лиц с субкриминальной психикой, готовых выходить за пределы поля легальной деятельности, – может терпеть "сколько угодно". Действительно не может терпеть – масса криминально настроенных элементов. И, как только она возникает и становится социально значимой, – для предотвращения революционных взрывов необходимо поместить эту массу под жесткий "политический пресс". То есть, противопоставить потенциальному революционному насилию массы – насилие власти.

М.Гершензон был совершенно прав, когда после только что подавленной революции 1905-1906 гг., обращаясь к современной ему интеллигенции, писал в "Вехах", что ей, вместо того, чтобы подрывать власть, нужно "благословлять эту власть за то, что она охраняет нас своими штыками от ярости народной"¹⁰⁸. Призыв этот не был понят по одной очень уважительной причине: там, где Гершензон видел массу полукриминально настроенного маргинального люда с практически начисто атрофированным чувством социальной ответственности, – его оппоненты видели

¹⁰⁵ Там же, с. 514.

¹⁰⁶ Норман Дэвис, цит. соч., с. 518.

¹⁰⁷ Г.Лебон. Психология народов и масс. Изд. "Макет", СПб, 1995.

¹⁰⁸ Вехи. Интеллигенция в России. М., "Молодая гвардия", 1991, с. 101.

только лишь "сознательных рабочих" или крестьян, угнетаемых капиталистами и помещиками.

Конечно же, были и "сознательные рабочие", и угнетаемые помещиками крестьяне (хотя в период написания "Вех", помещики уже в большинстве своем думали не об угнетении крестьян, а о том, как выгоднее перезаложить имение в банке или продать его тем же крестьянам). Но вовсе не эти рабочие и крестьяне оказывались, в конечном счете, носителями взрывной энергии, сотрясавшей Российскую империю.

Ее носителями были такие личности, как удачливый бандит Нестор Махно, уже успевший приобрести в своем околотке известность дерзкими разбоями, и лишь на каторге обнаруживший с помощью "добрых людей", что он, оказывается, не просто разбойник, а политический анархист.

И революция 1905 года, и Февральская революция имели своей необходимой предпосылкой "ослабление власти". О том, что оно было налицо – написано много, и спорить с этим бессмысленно. Но ослабления власти, самого по себе, недостаточно для революционных взрывов. Для таких взрывов, кроме ослабления власти, нужна еще "социальная взрывчатка", а также "детонаторы" и "подрывники".

Но если "социальная взрывчатка" в стране налицо, а власть заметно ослабела, то "детонаторы" и "подрывники" находятся почти всегда. Они находятся хотя бы потому, что везде имеются представители элиты (истеблишмента или "полуистеблишмента"), склонные и готовые "ловить рыбу в мутной воде". Кроме того, как правило, всегда в наличии ближние или дальние соседи, склонные заниматься тем же самым. Однако, повторим, фундамент любой революции (и, говоря шире, любого социального катаклизма) создается процессом накопления "социальной взрывчатки".

Прежде чем заняться анализом факторов, которые делают возможным возникновение этого процесса и приобретение им крупных масштабов, присмотримся к качеству того человеческого материала, который в состоянии выполнять функцию "социальной взрывчатки".

Это необходимо потому, что, как и во времена Гершензона, носителей потенциала крупных социальных перемен до сих пор принято видеть в "пролетариате", в рабочих больших заводов, или, в крайности, в "тружениках села". Одним словом, в прочно интегрированных в социальную структуру элементах.

Между тем, социально-психологический портрет представителя "социальной взрывчатки", наличие которой делает возможными революции, позволяют вполне показательно прояснить уже события февраля 1917 года.

Старая ненавистная власть рухнула. Казалось бы, можно успокоиться, начинать жить по-новому. Однако этого не происходит. Тут-то и начинается настоящая революция. Начинаются массовые и все более жестокие убийства (особо в этом отличились, как известно, матросы Кронштадта).

Черноморские моряки оказались "поскромнее" (хотелось офицеров убивать, но не убивали, терпели до 1918 г.), но отнюдь не в силу большей революционной сознательности. Значение имело случайное обстоятельство. Дело было, прежде всего, в том, что Черноморским флотом командовал адмирал Колчак.

При этом политические взгляды Колчака решающего значение не имели. Имело значение его происхождение. Колчак был потомком знатного ("высокого") крымско-татарского рода. И в качестве такового он не был безразличен крымским татарам. А потому убивать адмирала Колчака было просто опасно.

После Февраля Россию захлестнуло "революционное насилие". Становясь все более массовым, оно фактически превратилось в особого рода "социальный институт". Именно благодаря атмосфере такого насилия стали возможны многие вещи, которые раньше просто трудно было себе представить.

Помещики бежали из деревни. Это в какой-то мере понятно: они с их семьями находились далеко от власти, которая могла бы их защитить. Но гораздо менее понятно то, что администрация большинства заводов "сразу и дружно" сдалась местному "пролетариату". Точнее, тем инициативным личностям, которые, выступая от имени рабочих, возглавляли советы, рабочие комитеты и т.п., и захватывали, под теми или иными лозунгами, власть на предприятии. Между тем, почти повсеместная капитуляция администрации фабрик и заводов перед такими "рабочими комитетами" вызывалась простым, но самым существенным обстоятельством: могли убить.

Но точно так же местные администрации царских времен массово капитулировали перед представителями "советов". Эти советы, как правило, мало кого представляли, и все это понимали. Но они могли убить и, нередко бывало так, что убивали. Уже в начале 1917 года, задолго до большевиков, убийство стало в России чем-то в высшей степени "обыкновенным". Российскими "санкюлотами" к этому времени оно фактически "институализировалось". Причем, по некоторым оценкам, на фронте убивали меньше, чем в тылу.

Огромное влияние на дальнейшее развитие событий в России начал оказывать тип человека, представлявшего этот новый "институт". Человека, который легко может убивать: "отправлять в штаб Духонина", "отправлять на тот свет облегченной скоростью",

"ставить к стенке". И такой человек стал очень важным фактором последующих этапов нашей истории. При наличии в стране массы инициативных личностей, способных убивать (например, Махно в 1917 г., разумеется, возглавил местную советскую власть), потенциал революционных перемен "сам собой" рассосаться ни в коем случае не мог.

Второй акт российской драмы начинается октябрьской революцией. Большевики приходят к власти в Петрограде.

Сначала у них была маленькая и слабая власть, так сказать, петроградского масштаба. Ленин не мог даже уклониться от созыва Учредительного собрания. Отметим, что в 1919 году Ленин писал "товарищам" на Украину, где советская власть еще находилась в стадии становления, что он их вполне понимает и им сочувствует, что он сам был в аналогичном положении в первые месяцы после Октябрьской революции, когда ни от кого ничего нельзя было добиться. "Они не слушались". Проще говоря, административный ресурс, которым располагал Ленин с коллегами после "Великой революции", был очень невелик.

И, тем не менее, по всей стране власть перешла в руки групп, числивших себя "под Лениным". Не сразу, не в один присест, но перешла. Произошло это в большой степени благодаря тому, что повсюду на местах в изобилии имелись претенденты на власть, причем способные к массовому насилию и убийству.

Захват власти большевиками в Петрограде такие "претенденты" восприняли, как сигнал к действию. И начали действовать. В Москве, как известно, власть была захвачена большевиками, в отличие от Петрограда, только после длительных ожесточенных боев. Причем эти местные "ленинцы" (что опять-таки хорошо известно) отнюдь не были склонны безусловно подчиняться своему вождю.

Захват большевиками власти привел к институционализации социального положения массы активных полукриминальных и даже просто криминальных элементов. Как Февральская революция не была революцией буржуазии, так Октябрьская революция не была пролетарской революцией.

И та, и другая – были революциями маргиналов.

В ходе октябрьской революции власть у "эсеров" и либеральной интеллигенции была отнята. И далее ленинская партия оказалась перед необходимостью решения крайне сложной задачи: отнять эту власть на местах у объявивших себя "большевиками" радикальных и чрезвычайно активных маргинальных групп. Тех групп, которые, уже "по факту" превратившись на местах в официальных и полномочных представителей новой центральной власти, эту власть реально осуществляли.

Власть у них необходимо было отнять уже по той причине, что первоначально дееспособность местных представителей советской власти ограничивалась почти исключительно практикой, следующей принципу "грабь награбленное", то есть перераспределительными операциями. С течением времени эта власть очень быстро и легко приобретала формы, мало отличающиеся от "криминального беспредела".

Но вторая и наиболее важная причина, по которой эти маргинальные элементы и группы нужно было срочно отстранить от власти, – то, что они вообще не желали никого слушаться. Для этого потребовалась сила, которая была в состоянии заставить безусловно себе подчиняться, и которая выполняла бы приказы, не торгуясь. Потребовались латышские стрелки и режим массовых внесудебных расстрелов. И не только они.

Преобразование первоначально созданной (фактически безобидной) Чрезвычайной комиссии эпохи Временного правительства, которая занималась делами царского режима, в грозное ЧК (еще в 1917 году!) произошло вовсе не от любви большевистской власти к репрессиям. Оно находилось в прямой и непосредственной связи с потребностями не только защиты наличного административного ресурса от посягательств "контрреволюционеров", но и концентрации этого ресурса в руках Ленина и его окружения для того, чтобы отобрать у маргиналов и реально консолидировать власть.

Заодно заметим, что первоначально одной из главных задач ЧК была борьба с беспризорностью.

Мы сегодня, к сожалению, слишком плохо представляем, что такое массовое "деклассированное и маргинализованное" молодое поколение, у которого нет никакого ясного будущего, но уже полностью (или почти полностью) сняты "социальные тормоза". А вот большевистской послереволюционной власти это было предельно ясно.

Новая власть отчетливо понимала, что ситуация, когда в глубокую и тотальную маргинальность (а заодно криминальность) погружается огромная часть молодого поколения – не сулит этой власти никаких перспектив. И эта власть старалась сделать все возможное (включая использование одного из своих наиболее мощных и дееспособных ресурсов, ЧК) для того, чтобы переломить тенденцию массовой молодежной маргинализации.

В дальнейшем ЧК занялось по преимуществу "борьбой с контрреволюцией". Но это было потом.

Достаточно быстро сделанная при формировании Красной армии ставка на специалистов царской эпохи, то есть на офицерство (при том, что контрреволюция имела, в целом, ярко

выраженный офицерский характер), – также диктовалась, не в последнюю очередь, потребностями создания послушного военного аппарата при невозможности выстроить таковой из "люмпен-большевиков". Царский офицер при формировании воинских частей оказывался, как правило, предпочтительнее такого "большевика" прежде всего потому, что ему можно было приказывать и быть уверенным, что он будет выполнять приказ. Отсюда и широко известная "борьба с партизанщиной" в Красной армии.

Словом, в практической деятельности Ленина и ленинцев при строительстве новой власти едва ли не с первых дней ее существования одной из генеральных тенденций стало оттеснение от власти отечественных "санкюлотов", то есть "люмпен-большевиков". Подчеркнем – тех самых "люмпен-большевиков", наличие которых ранее было необходимым условием захвата партией Ленина власти в России, а затем и победы ленинцев в критический период гражданской войны.

Захват власти с помощью полукриминальных люмпенов, удержание ее в первый период с помощью тех же люмпенов, форсированное создание структур, которые в состоянии заменить этих люмпенов, затем вытеснение люмпенов из сферы политической и экономической власти методом смещений и перемещений, расстрелов за реальные и выдуманные прегрешения, "чисток" партии, – таким оказался "алгоритм" политической жизни Советской России в первые годы ее существования.

(Заметим в скобках, что очень близкая по смыслу последовательность событий была характерна и для Великой французской революции).

Поэтому далеко не случайно то обстоятельство, что огромная часть власти (если не в партии, то в стране) уже в 1918 году оказалась в руках бывшего руководителя партийной боевой организации Я.Свердлова. Как не случайно и то, что после смерти Свердлова – менее чем через два года власть в партии и в России попала в руки другого бывшего главы все той же боевой организации партии, И.Сталина.

Конечно, рамки этой "войны с люмпен-большевиками" определял, в первую очередь, Ленин. Который лучше всех понимал опасность описанных тенденций для новой власти. И не случайно именно Ленин иногда давал по борьбе с этими тенденциями директивы настолько жестокие, что они вызывали известное сопротивление даже в кругах ЧК.

Но, все-таки, Ленин сам, лично, работать с партийным или советским люмпеном не мог. Не умел он кивнуть головой – "расстрелять такого-то", и тут же об этом забыть. Ленин был, все же,

несколько снисходителен к такому люмпену, который он обычно именовал "пролетариатом".

Однако его снисходительность сразу же заканчивалась там, где он видел или ощущал реальные и перспективные угрозы новой советской власти. Поэтому не случайно за гражданской войной – последовала как бы "вторая гражданская война" – борьба с "рабочей оппозицией", чистка партии, и параллельная, очень напряженная и активная, борьба с "политическими" противниками. А также – с уголовным бандитизмом.

Кронштадтский кризис начала 1921 года полностью вписывается в этот процесс. Историки, анализирующие этот кризис, указывают, что избежать мятежа было, в принципе, нетрудно. Кронштадтцы хотели от центральной власти не слишком много. Самое политически значимое их требование – отмена продразверстки.

Но при этом известно, что Л.Троцкий считал продразверстку ненужной или даже вредной еще в 1919 году. Реально получилось так, что кронштадтцев – расстреляли, а продразверстку – отменили. И такая, вроде бы нелогичная, последовательность событий – совсем не случайна.

Обычно ее объясняют тем, что советская власть настолько испугалась Кронштадтского мятежа, что "пошла на уступки". Однако на деле, скорее всего, режим просто нашел безусловный повод избавляться от воинствующих маргинальных элементов, которые (как большевики уже прекрасно знали по своему опыту), крайне опасны для любой организованной власти.

В результате уже в 1922 году советский и партийный аппараты, и даже аппарат ЧК, – с точки зрения кадрового состава и механизмов работы приняли совершенно другой вид по сравнению с ситуацией 1917 года, сразу после возникновения советской власти, и 1918 года, периода отчаянной борьбы этой власти за выживание. Воинствующие люмпены были устранены из аппаратов и, в значительной части, вытеснены из партии.

"Мавр сделал свое дело, мавр может уйти". В постреволюционной России ("Большевизии", как ее именовали эмигранты), эта формула приняла следующий вид: "Люмпен сделал свое дело - люмпена можно расстрелять".

Нельзя исключать, что смерть Ленина находится в достаточно тесной связи с этим процессом. Многие источники утверждают, что многие в партии и ЧК – особенно выходцы из "люмпен-низов" и функционеры с психологией люмпен-беспредельщика – его не любили и боялись. Зная его решительность, когда дело доходило до вопросов удержания и укрепления советской власти, они считали, что Ленин может в любой момент отправить бывших сподвижников

"под нож", причем в массовом порядке. Особенную тревогу партийно-административной верхушки в этом смысле вызвали ленинские планы "обновления" ЦК путем его пополнения "рабочими".

Возможно, эта новая государственная верхушка в такой ситуации решила, что у нее только один выход из положения – удалить вождя от власти, одновременно превратив его в "классика". Некоторые историки в связи с этим считают вовсе не случайной серию ишемических инсультов, приведшую к смерти Ленина.

Так, Дзержинский, который очень не любил Ленина (почти так же, как и Троцкого), говорил, что Ленин недооценивает его как политика. С Троцким Дзержинский "разобрался" одним способом – "доказал", что тот "американский агент"¹⁰⁹. Не исключено, что с Лениным Дзержинский "разобрался" (при поддержке Сталина) другим способом.

При этом указывают, что Дзержинский руководствовался даже не идеологическими соображениями. Он рассчитывал после победы над Польшей занять место Пилсудского и считал, что эта комбинация сорвалась лишь только потому, что Троцкий с Лениным специально создали на фронте ситуацию поражения. Преобразование ЧК в ГПУ не помогло. Феликс Эдмундович и его сподвижники были не из тех, кому для того, чтобы действовать, нужна санкция "вышестоящих товарищей".

Но к моменту смерти Ленина концентрация люмпенов в России, сравнительно с 1917 годом, снизилась многократно. Они были в огромных количествах истреблены белыми в начальный период гражданской войны, когда люмпен пошел сражаться с "офицерьем", и когда ни белые, ни красные – пленных не брали. В немалом количестве "воинствующие маргиналы" были расстреляны при советской власти в качестве уголовников. И, наконец, они были в заметном количестве перебиты в качестве "врагов советской власти" – при подавлении восстания в Кронштадте, в процессе борьбы с Махно и разнообразными "зелеными" и другими бандами, при подавлении Антоновского и других крестьянских восстаний.

Конечно, причин для столь катастрофической, "взрывной" маргинализации России в годы революции и гражданской войны было достаточно. И здесь не только то, что описано выше, но и, разумеется, достаточно повсеместный и ужасный голод. Который, как очень хорошо известно из истории, всегда и везде становился мощнейшим фактором массовой маргинализации и социальной деструкции.

¹⁰⁹ Ф.Чуев. 140 бесед с Молотовым. М., "Терра", 1991.

В результате послереволюционная Россия родила действительно чрезвычайно массовый тип "нового маргинала". Маргинала – с известным разнообразием психологических установок, жизненных мотиваций и даже очень накаленных идеалов.

В наше время нелегко представить себе даже самую возможность таких установок, мотиваций и идеалов. Но достаточно достоверное, по отзывам очевидцев и современников, описание этого типа оставила наша советская литература – от Маяковского до Багрицкого и от Бабеля до Платонова¹¹⁰.

Нам, далеким от той эпохи, действительно очень трудно понять, каков был этот тип маргинализированного "революционного сознания", и насколько трудно было его "вводить в берега". Однако историческая и мемуарная литература убедительно показывают, что Багрицкий, Бабель или Платонов не создавали в своих стихах, повестях, романах и рассказах некий собственный иллюзорный мир, а очень многое точно "рисовали с натуры".

Натура же была такова, что обуздать ее любой власти было абсолютно необходимо. В том числе и не в последнюю очередь – жестоко-репрессивно.

Но "подавлять" вырвавшуюся на волю маргинальную российскую стихию – было необходимо, но недостаточно. И одновременно с подавлением советская власть развернула и реализовала огромные программы по "коллективистской социализации" широких социальных низов.

В этих программах была и упомянутая выше борьба с беспризорностью, и массовая ликвидация неграмотности, и коллективизация, а затем индустриализация, и мощная пропагандистская машина превознесения социального статуса "трудящихся" и многое другое. Все это обеспечивало значительной части маргинальных масс вполне приемлемую социальную перспективу и даже, нередко, подчеркнутые социальные приоритеты (пресловутое "рабоче-крестьянское происхождение", дававшее его обладателю несомненные преимущества на советской "лестнице" вертикальной социальной мобильности).

Таким образом, с российскими "бегающими людишками" начала XX века разбирались, как и в предыдущие века, очень активно. И очень жестоким "кнутом", и – "пряником".

После того, как концентрация люмпенов (или, точнее, маргиналов, "гуляющих на краю социального поля"), начала в стране приближаться к "нормальному уровню", база для революций

¹¹⁰ См., например, И.Бабель. Конармия. Рассказы. М., 1996, и А.Платонов. Котлован. Чевенгур. Сокровенный человек. Уфа, 1990.

с участием широких народных масс была в России надолго уничтожена.

События 1936-1938 годов, конечно, тоже были революционным (или, если быть более точным, контрреволюционным) переворотом, но массы в них совершенно не участвовали.

События 1990-1991 годов, с точки зрения масштабов последствий, тоже носили вполне революционный характер. Но массы в них также, по большому счету, не участвовали.

Наконец, российские массы были почти совершенно пассивны и во время кризисных событий осени 1993 г.

А потому возникло очень широко распространенное мнение, что массы в России "успокоились навсегда".

Для этого мнения, на первый взгляд, есть вполне серьезные и убедительные основания.

Это, прежде всего (помимо самого факта пассивности масс), чрезвычайная пассивность практического большинства рабочих, сосредоточенных на заводах. В 1990-1991 годах их было свыше 20 млн., и они никак всерьез не реагировали ни на утрату своих сбережений, ни на стремительное снижение уровня жизни, ни на хронические невыплаты заработной платы, ни даже на весьма массовые увольнения.

Другой массовый и потенциально крайне взрывоопасный контингент – армия. Которая у нас все постсоветское время реагирует на нарастающие материальные и психологические невзгоды не бунтами, а преимущественно деградацией и мелким воровством. А также – самоубийствами, количество которых исчисляется уже многими сотнями в год.

Эти несомненные факты считают бесспорным доказательством того, что потенциал массовых движений, способных создать крупные (в том числе революционные) социальные эффекты в России, полностью исчерпан. Расходятся, как правило, лишь в его объяснениях.

Объясняют данный феномен то утратой почти всеми этнокультурными и социальными сегментами российского общества "пассионарности", то наступлением "новой эпохи", родившей – причем во всемирном масштабе – новый социально-психологический тип "массового человека", то тем, что, мол, российским массам живется после крушения коммунизма и "командно-административной системы" – в целом, неплохо.

Однако перечисленные факты были бы доказательством невозможности в России крупных массовых движений "с революционным окрасом", если бы революции действительно делались "организованными рабочими", или "сознательными

трудящимися", идейными противниками "капиталистической эксплуатации", или, наконец, "голодными военными".

Но революции в реальности практически везде и всегда делаются совсем другими элементами. Для массовой революции, в отличие от разного рода "верхушечных переворотов", нужны, причем в очень большом количестве и "разогретом" состоянии, именно маргиналы.

Впрочем, и для верхушечных переворотов маргиналы, как основная действующая сила, – стихия не чуждая. Так, чрезвычайная частота военных переворотов, например, в ряде стран Африки и Латинской Америки, по множеству имеющихся описаний подобных событий, – непосредственно связана с крайне высокой долей в населении этих стран (в обществе в целом и, в частности, в армии) разного рода маргиналов.

6.2. Возникновение устойчивых зон социального противоборства и их типология

Если количество маргиналов в обществе превышает определенный, пороговый для данных условий, уровень, – острый социальный кризис становится неизбежным. Однако характер кризиса может варьировать в широких пределах. Лишь в частном случае он принимает знакомую нам по истории XIX и XX веков форму массовых революционных движений.

Прежде чем заняться новыми и новейшими формами социальных кризисов, рассмотрим, какой конкретный вид могут принимать "массовые революционные движения". Это имеет смысл независимо от того, принадлежит ли данный феномен только прошлому, или он имеет и известную перспективу.

Термин "массовое революционное движение" вместо привычного "революция" здесь используется потому, что с "революцией" обычно связывают представление о сжатом во времени и пространственно локализованном процессе. На деле же, коль скоро предреволюционная ситуация (или, иначе, ситуация накопления значительного потенциала социальной и политической нестабильности) трансформируется в ситуацию острого политического кризиса, такая ситуация всегда порождает "массовое революционное движение".

А уж это последнее, в зависимости от конкретных условий, может иметь результатом либо успешную (или неуспешную) "точечную" революцию", либо возникновение территориально значительных и относительно устойчивых зон, выпадающих из основного государственного правового поля. В таких условиях возможна и "очаговая революционная ситуация": когда центры революционных возмущений носят множественный слабо

связанный характер, и "прогрессирующий революционный паралич" общества и хозяйства в условиях вынужденного длительного "сосуществования" революционных элементов и власти.

Ярким примером локальных ("точечных") революций являются классические "Парижские" революции XVIII – XIX веков. Переполненный огромным количеством люмпенов, Париж многократно "взрывался" почти на протяжении 100 лет, причем по самым разным "поводам". Парижские революции прекратились только после того, как развитие национальной экономики создало в городе огромное количество рабочих мест.

То есть, имела место, на первый взгляд, парадоксальная ситуация. Не было массовых рабочих партий – были непрерывные революции. Появились массовые рабочие партии и профсоюзы – и революции прекратились.

Ситуация действительно парадоксальная, если привычно считать, что революции делаются группами и элементами, интегрированными в социальную ткань общества. Но она вполне закономерна, если понимать, что революции делаются, прежде всего, сообществами лиц без определенных занятий, без определенных легальных источников средств к существованию. И уже поэтому – со значительной прослойкой криминальных и полукриминальных элементов и вообще людей, устойчиво находящихся вне общего нормативного (правового и морального) социально-государственного поля.

В этом смысле примечательно следующее.

В последние дни краха Республики, перед установлением власти Бонапарта, Париж больше всего боялся не диктатуры, а так называемых "жарильщиков" – бандитов, которые вымогали деньги, ценности, продукты (а их все к этому времени старательно прятали) не только у богатых, но и у бедноты, прикладывая к их телу раскаленную жаровню.

Точно так же в летнем Петрограде 1917 г. (времен Керенского) обыватели пуще всего боялись не переворота, а шаек воров – "попрыгунчиков", которые в это время уже могли ограбить и раздеть на улице прямо посреди бела дня.

Появление в Париже (и во Франции в целом) профсоюзов и массовых рабочих партий – было индикатором далеко зашедшего процесса замещения сообщества людей без определенных занятий и без определенных средств существования (маргиналов, в том числе криминальных маргиналов) сообществом лиц с определенными занятиями и средствами существования (немаргиналов). В результате Париж, наконец, перестал быть городом революционных взрывов.

Классической "локальной" революцией является и Петроградская революция февраля 1917 года. Причем роль основной (решившей исход противостояния с властью) "социальной взрывчатки" здесь сыграли совершенно не желающие попасть на фронт солдаты многочисленных запасных частей.

Если сравнивать с Францией того же периода, там в это время запасные части были отведены гораздо далее, чем "на пушечный выстрел", от Парижа. И это не случайность, поскольку французская государственная власть понимала и учитывала, что в условиях усталости и массовой деморализации, вызванных длительной и неуспешной войной, эти военные части могут легко превратиться в источник революционной опасности.

И когда революционные вспышки в запасных частях французской армии, после провала "наступления Нивеля" в 1917 году, действительно состоялись, они были быстро и сравнительно легко подавлены (хотя для этого все-таки пришлось использовать артиллерию). Разумеется, все могло бы обернуться иначе, если бы "революционизированные" запасные полки располагались в самом Париже и были в состоянии сразу действовать против центральных правительственных учреждений.

А в отношении России можно с большой долей уверенности утверждать, что не было бы скопления запасных полков в Петрограде (около 200 тыс. человек) – не было бы и февральской революции. Просто потому, что "запас социальной взрывчатки" чисто гражданского происхождения в городе в это время был явно недостаточным для развертывания революционных действий.

Октябрьская революция 1917 года дает типологически другую ситуацию возникновения острой формы революционного кризиса. Ей, как известно, предшествовал этап двоевластия. Временное правительство делило власть с революционными элементами, и в том числе – с большевиками. Но при этом гарнизоны обеих столиц, Балтийский флот и значительная часть фронтовых частей – уже были под преобладающим влиянием ленинцев.

К тому же нормальный правопорядок (подчинение административным органам Временного правительства) на всех более или менее крупных промышленных и непромышленных предприятиях был ликвидирован. Там, в основном, уже распоряжались местные "советы" и фабрично-заводские комитеты.

На железнодорожном транспорте (имеющем исключительное значение в такой стране, как Россия) распоряжался "Викжель" – Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников.

Деревня жила по своим собственным законам. Еще летом 1917 года (а кое-где даже раньше) был произведен захват не только помещичьих земель (которых было тогда немного), но и гораздо

больших по размерам казенных земель. Помещики из деревни в основном бежали.

То есть, произошла катастрофическая фрагментация политического пространства. Российское государство оказалось фактически разделено между революционными и "полуреволюционными" группами – и "легитимной властью" в лице Временного правительства. Кроме того, немалая часть совокупного "ресурса власти" попала в руки разного рода "самостийников" (на Украине, Кубани, Дону) и "областников" (в Сибири и на Урале).

При этом в период, предшествующий захвату власти большевиками, властный ресурс Временного правительства непрерывно сокращался, а ресурс власти в центре и на местах, находившейся в руках ленинцев, возрастал. Еще до того, как большевики взяли власть в Петрограде (что на практике означало установление контроля над правительственными учреждениями и Российским Банком), они уже полностью контролировали в политическом отношении большое число важных российских городов, а также многочисленные фабрики, заводы и ключевые воинские части.

Захват монополии на власть в Петрограде и затем в Москве лишь позволил большевикам приступить к захвату власти в масштабах всего государства, что на практике оказалось длительным и очень тяжелым процессом. И они сначала не могли обойтись без союзников из других "революционных" партий, включая правых эсеров, причем "пакет влияния" на маргинальные революционные массы в большевиков на этом этапе был весьма далек от "контрольного".

Именно по данной причине, как позднее выражался Сталин, "Ленин гнал партию на переворот палкой"¹¹¹. И итоговый успех большевиков в этом перевороте вовсе не был предопределен.

В частности, вполне возможной была "консервация" ситуации сосуществования множества революционных, полуреволюционных и совсем неревolutionных очагов и территориальных анклавов и специфических зон влияния отдельных партий, вплоть до длительного "соседского сосуществования" вооруженных формирований (своего рода "частных армий"), находящихся под полным или преобладающим контролем различных партий.

Отметим, что нечто подобное имело место летом 1918 года, после захвата Комитетом членов учредительного собрания ("Комучем") власти в Поволжье и формирования Сибирского правительства. Страна оказалась фактически разделена между ленинцами, эсерами (монопольно контролировавшими "Комуч") и

¹¹¹ Ф.Чуев. Указ. соч., с. 276.

коалицией эсеров и кадетов (в Сибири). Но к этому времени возможности "мирного соседского существования" этих властно-территориальных сегментов страны оказались ликвидированы.

Ленинцы в глазах других партий запятнали себя Брестским миром и всем тем, что за ним последовало, и были заклеены этими партиями как "германские предатели". А "Комуч" и Сибирское правительство получили свою власть из рук чехов (и, следовательно, из рук антигерманской коалиции).

Потому соглашения между ленинцами и прочими левыми быть уже не могло. Сосуществование эсеровской и большевистской власти оказалось невозможным, а взаимоотношения между "большевистской" и "эсеровской" территориями приняли, практически сразу после возникновения последней, форму вооруженного конфликта.

Отметим, что эта российская ситуация – не уникальна. Нечто в том же духе имело место в Испании, в период борьбы с Франко. В течение почти трех лет территория, контролируемая республиканцами, была разделена между отдельными партиями. Армия также была разделена между отдельными партиями (как и в России осенью 1917 года и в 1918 году).

Эти примеры показывают, что и в эпоху "классических" социальных революций следствием революционного кризиса может быть не только быстрая победа одной из противостоящих сил, но и более или менее устойчивая фрагментация политического пространства и его разделение на зоны с различным правовым режимом. Взаимоотношения между этими зонами могут широко варьировать – от "мирного сосуществования" до гражданской войны. Последняя, в свою очередь, может иметь как скоротечный, так и вялотекущий характер (как в Испании в 1936-1939 годах или в Китае в 20-е и 30-е годы XX века).

Но существуют и другие типы зон устойчивых социальных катаклизмов, которые не поддаются описанию в классических идеологических терминах "антикапиталистического" или иного характера.

Один из примеров такого устойчивого очагового социального катаклизма, выстроенного на принципе оппозиции правительству вне связи с какой-либо идеологической системой, дает Колумбия.

Никакого СССР и "коммунистического влияния" рядом нет. Но есть страна с огромным количеством маргинального элемента, а также с природными условиями, делающими задачу властного контроля над всей государственной территорией затруднительной (во всяком случае, весьма ресурсозатратной).

Повстанческое движение в Колумбии существует десятки лет и не поддается искоренению даже с большой экономической и

военной помощью США. Фактически Колумбия уже много лет представляет собой неявную конфедерацию двух территорий. Одна из них находится в основном правовом поле и контролируется легитимной властью, а вторая представлена многочисленными, находящимися вне основного правового поля, анклавами, экономика которых базируется на производстве наркотиков.

На Филиппинах даже сегодня также налицо анклавы, практически находящиеся под контролем местных повстанческих группировок (как маоистской, так и исламистской ориентации). Налицо, опять-таки, разделение страны на территории, находящиеся в основном правовом поле, и находящиеся вне контроля легитимных государственных правовых институтов.

Несколько более "сложный случай" – Афганистан. Здесь маргинальную позицию в отношении организованного сектора общества (власть в Кабуле) занимают не только отдельные индивиды или группы (что, конечно, тоже имеет место), но и крупные сообщества – этнические группы, племена, роды, "свободные сообщества" типа региональных военных формирований, подчиняющихся "полевым командирам".

Страна фактически разделена на две территории: очень небольшую, контролируемую властью в Кабуле и находящуюся в основном правовом поле, – и все остальное государственное пространство, на которое правовое поле Кабула практически не распространяется.

Отметим, что в период диктатуры талибов основное правовое поле (с регулятивным нормативным базисом в виде шариата) накрыло большую часть страны. Это произошло, не в последнюю очередь, по той причине, что шариат не предполагал предъявления к среднему афганцу таких требований (в частности, касающихся западных идеологических и политических стандартов) которые большинство населения не было склонно принимать.

В Ираке в эпоху Саддама Хусейна маргинальный элемент практически не оказывал влияния на социально-политический и экономический климат в стране в силу трех следующих основных причин.

Во-первых, численность и влияние маргиналов были, несмотря на репрессивный характер режима, сведены к минимуму за счет сильной социальной политики. Во-вторых, в стране действовала система мощных социально-психологических интеграторов (построенная на классическом принципе оппозиции "мы-они" и "образе врага"). В-третьих, Саддам имел в своем распоряжении довольно мощный властный административный и контрольный инструмент в виде партии Баас.

В результате оппозиция Саддаму, реальная и потенциальная (прежде всего, курды и шииты) строилась на принципе "организация против организации", что практически исключало ставку на маргинальные элементы. И потому социальное пространство находилось под контролем, и власть была относительно устойчива.

После оккупации Ирака США и их союзниками ситуация изменилась весьма радикально. Социальные и идеологические интеграторы, способные воздействовать на модернизированную часть иракского общества, исчезли. Экономика (и без того достаточно ослабленная в период международных санкций) была почти полностью разрушена. В результате за очень короткое время огромная масса людей оказалась без работы и средств к существованию. То есть, в типично маргинальной позиции.

На сегодняшний день Ирак из общества со сравнительно высокой степенью социальной интегрированности превратился в "страну маргиналов", в страну с огромным количеством "социального динамита". Феномен вооруженной "партизанской" и террористической борьбы, которая ведется в Ираке даже при самых неблагоприятных условиях, – несомненный индикатор того, что количество "социального динамита" в стране намного превышает пороговый для данных условий уровень.

И знаменательно, что огромные потери среди иракцев в ходе весьма жестоких (отнюдь не "хирургических") операций вооруженных сил США и их союзников – не снижают а, скорее, повышают концентрацию "социального динамита" в стране.

Несколько другая ситуация – в Палестине и секторе Газа. Население страны явно избыточно для данных экономических условий. Количество лиц, не имеющих устойчивых доходов и социальных ролей (то есть маргиналов), крайне велико. Особенно значительный процент людей, оказывающихся в маргинальном или "полумаргинальном" состоянии – среди молодежи.

Если бы Палестина по географическому положению была относительно изолированным анклавом (на острове или посреди Сахары), там, скорее всего, произошло бы что-то вроде фундаменталистской революции, с введением, в той или иной форме, системы государственного распределения ресурсов и элементов уравнительного потребления. В реальной же ситуации энергетика накопившегося в Палестине "социального динамита" оказалась обращена преимущественно вовне.

Заметим, что в маргинальной среде оказываются вполне возможны весьма нетрадиционные социальные роли и способы поведения. И это – вовсе не особенность нашей эпохи.

Так, в Галлии в период ее завоевания Цезарем существовала практика "самопродажи" людьми себя самих для целей

человеческих жертвоприношений. Естественно, те, кто продавал себя на жертвоприношение, не принадлежали к числу социально и экономически благополучных граждан. В чем-то близка по социальному содержанию и такая, весьма распространенная на Руси в XVI – XVII веках, практика, как самопродажа в холопы (то есть, фактически, в рабы).

В современную эпоху, по множеству свидетельств, аналогичное происхождение имеет и часть террористических актов с участием шахидов: маргиналы просто продают себя организаторам терактов, хотя факт такой продажи, как правило, тщательно маскируется идеологическими мотивами.

Но и для того, чтобы продавать себя в рабство, и для того, чтобы покупать рабов-смертников, – нужна определенная психика. И известно, что в сильно криминализированных сообществах дефицит носителей такого рода психики не ощущается. Так что, скорее всего, в случаях Палестины и Ирака (а также российской Чечни) проблема терроризма шахидов непосредственно смыкается с проблемой наличия в обществе огромного избытка маргинального "социального динамита".

Отсюда напрашиваются определенные выводы в приложении к сегодняшним оценкам перспектив так называемой "мировой революции террора". Эти перспективы, как представляется, зависят, в первую очередь, от того, насколько и в каких масштабах мировая социально-экономическая и культурно-идеологическая ситуация воспроизводит и радикализует "новых люмпенов", новые поколения "воинствующих маргиналов".

Между тем, похоже, сейчас мировой социально-экономический механизм воспроизводит люмпенов в чудовищных количествах. Причем многие исследователи отмечают, что запущенные с 80-х годов XX века процессы форсированной либерализации мировой экономики, эрозии власти местных элит и их "десакрализации" и "делегитимации" – резко увеличили масштабы и темпы этого "воспроизводства". Соответственно, неуклонно растет и количество потенциальных террористов.

При этом дело, скорее всего, не в том, что либеральная глобализация обострила "войну между цивилизациями" и перевела ее из "холодной" в "горячую". И не в том, что эти процессы увеличили число приверженцев ислама, – а отсюда, мол, и рост числа потенциальных смертников, "мучеников за веру". В действительности, по данным статистики, приверженность исламу в целом не растет, а постепенно падает. А вот число потенциальных и фактических шахидов растет.

И здесь стоит напомнить о том, что терроризм приобрел крупные масштабы впервые в новейшей истории в России в конце

XIX – начале XX века. Множество специалистов указывает, что в немалой степени именно терроризм сделал возможной революцию 1905 года и придал ей особый "колотит" и размах.

При этом не следует преувеличивать роль в этом терроризме "спецопераций" жандармского управления. Правительство, действительно, поставило во главе основных – эсеровских – организованных террористов своего агента Евно Азефа. Но существовал еще и массовый "нецентральный", неорганизованный террор, осуществляемый "в порядке местной самодеятельности" (в том числе эсерами). Азеф, естественно, никак не мог его контролировать. И как раз этот "самодеятельный" террор унес основное количество жертв (несколько тысяч человек).

Дело, прежде всего, в том, что Россия конца XIX – начала XX века была классическим примером общества, быстро выпадающего из традиционной системы ценностей и воспроизводящего, в огромных количествах, маргинальные элементы. И это обстоятельство имеет прямое отношение к высокому уровню активности террористов в России в этот период (даже если не принимать во внимание так называемый "аграрный террор", с непрерывными пожарами помещичьих усадеб и убийствами хозяев и управляющих имениями, а также членов их семей).

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Всегда и в любом обществе при данных условиях существует такой вышекритический уровень его маргинализированности, при котором оно утрачивает социальную и правовую стабильность.

2. По достижении этого вышекритического уровня начинает, в тех или иных формах, разворачиваться социальный кризис, который всегда и неизбежно инициирует кризис хозяйственно-экономический.

3. Всегда существует (для данных условий) такой вышекритический уровень маргинализированности общества (и, следовательно, запас социальной взрывчатки), при котором даже очень жесткая репрессивная активность власти (как сейчас в Ираке) не позволяет стабилизировать социальную ситуацию без фундаментальных изменений ключевых параметров социально-экономической и политической системы.

4. Крупным, сжатым во времени, социальным переворотам, инициированным массовыми движениями, всегда предшествует накопление в центрах государственного управления большой по численности и "разогретой" маргинальной массы.

5. Вызванный вышекритической маргинализированностью общества кризис может поразить сначала центры государства, а затем распространиться на периферию. Однако, возможна и

обратная ситуация – кризис начинается в тех или иных точках на периферии, постепенно распространяется по горизонтали и, в конце концов, может захватить и центр, создав в нем непреодолимый "кризис власти".

Отметим, что соответствующий вариант революционной стратегии хорошо известен и даже описан. В частности, Мао Цзэдун, не имевший достаточных ресурсов политического и социального влияния в главных городских центрах Китая, называл это "стратегией окружения города деревней".

6. В условиях наличия устойчивого "периферийного кризиса" – автоматически возникают территориальные анклавов, находящиеся вне основного правового поля – или вообще вне какого-либо правового поля. Причем при наличии такого рода анклавов, обязанных своим происхождением локальному социальному и политическому кризису (или "революции в местных масштабах"), государственная территория может подвергнуться правовой и политической фрагментации за счет формирования в ней зон (не обязательно кризисных) с различным правовым режимом и различным отношением к общегосударственной власти.

Подобная ситуация возникла, например, во время революционного кризиса 20-х и 30-х годов XX века в Китае, когда на территории страны нередко параллельно функционировал широкий спектр разных политических режимов, от "чистых" военных диктатур (например, в Маньчжурии перед ее захватом японцами) до "диктатуры пролетариата" в районах, контролируемых КПК. Такого же рода фрагментация политического пространства сейчас реально имеет место в Ираке и Афганистане.

С учетом сказанного выше стоит еще раз подчеркнуть, что в России "пролетарской революции" никогда не было. На деле у нас произошли три революции, использующие, прежде всего, энергетику маргинальных элементов.

Две из них (не без некоторых оснований) именовались буржуазно-демократическими, поскольку они были бы невозможны без серьезной активности буржуазно-демократических элементов, – прежде всего, по дискредитации власти и парализации ее способности к самозащите. Но, повторим, основной удар по власти в этих революциях наносили активные маргиналы, и базировались они, прежде всего, на энергетике маргинальных элементов.

Как показано выше, Октябрьская революция 1917 года в своих основных движущих силах никакого пролетариата не содержала. И сегодня, как и 90 лет назад, никакой социально и политически активной "пролетарской массы" в России нет.

Однако из невозможности "революции пролетариата" в России – вовсе не следует, что в ней невозможна революция маргиналов. Из нее не следует, что в нашей стране невозможен острый социальный кризис (во "взрывной" или "хронической" форме), способный кардинально изменить социальное, экономическое и политическое лицо России.

Примечательно, что российская "публика" и российская власть, похоже, считают, что такой кризис невозможен. По этому поводу прямо говорится: в стране не видно даже признаков появления таких политически организованных сил, которые могли бы вызвать подобный кризис.

Однако, как я уже подчеркнул выше, зарубежные "капиталисты" – наоборот, считают, что такой кризис возможен – и даже чуть ли не неизбежен. Об этом же нередко говорят и "капиталисты" наши, отечественные. Именно по этой причине потенциальные российские инвесторы предпочитают в больших объемах вывозить капитал, а иностранные потенциальные инвесторы неуклонно и все более явно считают Россию зоной очень высоких инвестиционных рисков социально-политического характера.

Суть данной проблемы заключается, прежде всего, в ответе на вопрос: может ли в России появиться маргинальная масса в масштабах, делающих реальными шансы на возникновение острого социального кризиса (безотносительно к тому, в какой точке он впервые проявится, и как именно станет развиваться).

На наш взгляд, в рамках нынешнего (инерционного) варианта экономической и социальной политики – нельзя исключать перспективу возникновения такого кризиса с совокупной энергетикой, достаточной для острой и глубокой трансформации российской социально-экономической ситуации.

Но если это, все-таки, возможно, необходимо прояснить следующие вопросы:

- время, необходимое для возникновения в России вышекритической маргинальной массы;
- условия активизации этой маргинальной массы;
- вероятные формы потенциального кризиса и факторы, который могут и будут влиять на его протекание.

Ниже мы попытаемся нащупать ответы на эти вопросы.

Однако при этом сразу оговорим, что под "революцией маргиналов" здесь не подразумевается "бунт" маргинальной массы, которая гипотетически может скопиться в Москве или Санкт-Петербурге. Хотя... даже такую возможность на перспективу в 5-15 лет абсолютно исключать нельзя. Сегодня, конечно, такой сценарий кажется совсем уж невероятным. Но не стоит забывать, что мы

живем в "эпоху перемен", когда время от времени происходят самые невероятные события.

В порядке (имеющего непосредственное отношение к делу) отступления стоит отметить следующее.

С учетом изложенного выше в связи с устойчивым воспроизводством в России специфической общинной психологии – нельзя исключать, что в ситуациях кризисных действий (а социальные взрывы – всегда кризисные действия) российские маргиналы психологически легко "вспоминают" те общинные навыки любых (прежде всего, силовых) коллективных противостояний, которые отечественная социальная жизнь закрепляла в течение многих столетий.

Отметим, что к роли таких навыков неоднократно адресовались отечественные и зарубежные историки российских войн (в том числе, Крымской, русско-турецких, Первой мировой и Великой Отечественной). Именно такими специфическими российскими общинными навыками неоднократно объясняли некоторые – казавшиеся невероятными и необъяснимыми – исторические победы русского оружия.

Но заодно отметим, что, видимо, к этим же навыкам адресовался и Пушкин, когда писал "Не дай вам Бог увидеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный".

6.3. Факторы маргинализации общества и механизмы формирования социальных кризисов в Старой России

Еще в 1880 г. маргинальные элементы не представляли особой проблемы для Российской империи. Существовал, правда, традиционный тип маргинала в виде постоянно нищенствующих ("именем Христа") и разного рода – в буквальном смысле слова – "бомжей"-странников. Этот тип, видимо, можно трактовать как протомаргиналов.

Определенных источников существования все такие люди не имели. Однако нужно подчеркнуть, что авторитет традиционной православной идеологии и монархической власти ("царя") они, как правило, признавали.

В огромном большинстве своем указанный российский "протомаргинал" был неграмотен. Отсюда – ограниченность кругозора и практическая неспособность к формированию каких-либо горизонтальных коалиций. Таких людей, не без основания, было принято именовать "темными людьми" (заметим, однако, что этот термин всегда имел более широкое значение).

Протомаргиналы сами по себе не могли стать источником социально опасных для существующего порядка инициатив. Однако,

как выяснилось в ходе революции 1904-1906 годов, они, вместе с примыкающими к ним элементами, все-таки поддавались мобилизации, прежде всего, в рамках черносотенных практик и, шире, практик религиозного фундаментализма. А в этом качестве – уже были в состоянии играть заметную социально активную роль.

Отметим, что аналогичные по социальной позиции элементы сыграли очень важную (по ряду оценок – ключевую) роль во время "революции Хомейни" в Иране.

Массовая генерация "нового" для России маргинального социального типа началась в 80-е годы XIX века. В это время и позднее новый – уже в полном смысле этого слова маргинальный – тип порождался:

- ростом аграрного перенаселения (при данной культуре обработки земли, климате и урожайности многие регионы империи не могли прокормить растущее население);
- соответственно, миграцией в города из деревни;
- миграцией в столицы из всех частей империи;
- неспособностью (неготовностью) городов поглотить и обустроить пополняющуюся рабочую силу;
- соответственно, огромной явной и скрытой безработицей;
- процессом постепенной криминализации городов, в первую очередь – крупнейших.

В социально-психологическом и нормативно-этическом отношении "новый" маргинал характеризовался, как правило, полной религиозной индифферентностью. Официальная церковь и религиозная практика были ему, как правило, совершенно чужды. Царь для этого маргинала не был авторитетом никогда, а с течением времени стал рассматриваться в одном ряду с жандармами и полицейскими, то есть, в качестве врага.

Еще одна существенная особенность "нового маргинала" состояла в том, что он, как правило, умел хотя бы немного читать. И, соответственно, поддавался воздействию печатного слова. А значит, уже мог, в определенной степени, быть таким воздействием организован и мобилизован. Заметим, что в пьесе Горького "На дне" "новые" маргиналы даже вовсе не глупо "философствуют". Это, конечно, художественная метафора и отчасти перебор (такие маргиналы были не правилом, а исключением), но тенденция уловлена в целом верно.

При этом огромное влияние на психологию маргиналов (и даже определенной части немаргинальных элементов) оказывал растущий, в силу вышеизложенных причин, криминальный сектор маргинального сообщества. В 90-е годы XIX века и, особенно, в начале XX века, – Россия обзавелась уже вполне "современным" уголовным миром, со все более отчетливыми структурами

организованной преступности. Что было ярко и доказательно описано, например, в репортажах и книгах В.Гиляровского¹¹².

Около 1900 г. начал формироваться и широко распространяться новый тип сельского и городского хулигана. Количество людей, вовлеченных в уголовные практики, вплоть до 1917 года неуклонно возрастало.

Уголовный мир обзавелся, в конце концов, своей собственной "субкультурой", модами, героями, традициями. Сформировавшиеся в этом уголовном мире особая "криминальная этика" и соответствующие стандарты поведения – стали достаточно регулярно заимствоваться значительной частью населения. Более того, эта этика и эти стандарты, вместе с модами, пережили и советскую власть. А в перечень этих стандартов входило абсолютное отвержение любой власти и, заодно, всего того, что связано с властью.

По мере развития криминального сектора общества – его влияние как на общество в целом, так и, в частности, на "пролетариат", увеличивалось. Уже революция 1905 года ясно продемонстрировала, что и все левые партии, и их радикальные погромно-правые оппоненты, – приняли на вооружение уголовные практики убийств и "экспроприаций".

В связи с этим представляет несомненный интерес сопоставление численности российского "пролетариата" и уголовного мира. Этот вопрос, в контексте современных российских тенденций, вполне актуален, но, к сожалению, исследован явно недостаточно. Поэтому приходится пользоваться лишь приблизительными оценками.

Ориентировочно, численность фабрично-заводских рабочих мужского пола в 1905 году не превышала 1,5 млн. человек (причем в их состав входило не так уж мало бывших уголовников). А численность криминальных элементов всех категорий (не считая тех, кто "завязал") была в это же время никак не меньше 500 тыс. человек. В этой ситуации криминализация массового социокультурного "психотипа" российского рабочего была практически неизбежна.

Российский пролетариат мог усвоить идею бескомпромиссного отвержения существующей власти из двух главных источников: агитация представителей левых партий и практики уголовного мира. Решающее значение, вероятно, имел второй источник. Из него же, скорее всего, были почерпнуты идея "круговой поруки" ("пролетарской солидарности"), практика убийств "предателей" и

¹¹² В.А.Гиляровский. Собрание сочинений в 4 томах. Том II. Трущобные люди. Рассказы, очерки, репортажи. М, "Полиграфресурсы", 2002.

вообще "вредных людей". То есть, типология социального действия российского "пролетариата" формировалась в очень большой степени под непосредственным влиянием уголовного мира России.

Если попытаться оценить с аналогичных позиций современную российскую ситуацию, то получается следующее.

В настоящее время численность фабрично-заводского рабочего класса (то есть собственно рабочих), вместе с железнодорожниками, примерно 10 млн. человек. Численность в России лиц, непосредственно связанных с уголовно-криминальными практиками, по существующим оценкам, от 2 до 3 млн. человек (включая тех, кто находится в местах заключения).

Так что вполне обосновано предположение, что при уменьшении численности рабочих примерно в 2 раза (а такая тенденция явно просматривается в эволюции хозяйственного комплекса нынешней России) – повторится ситуация начала XX века. То есть, рабочие массово подпадут под влияние криминальной среды, массово усвоят и начнут воспроизводить уголовные практики социального поведения.

Однако и нынешнее соотношение численности рабочих крупных предприятий и криминальных элементов – вовсе не внушает оптимизма. Некоторые социологи убеждены, что при нем криминальные стереотипы социального поведения будут массово усвоены "рабочей" средой за 5-10 лет. Выводы из этого, с учетом исторической ретроспективы, очевидны и тревожны.

Но вернемся во времена Российской империи, и рассмотрим внимательнее механизм "раскрутки" революции 1905 года.

В общем виде он изображен на рис. 6.1.

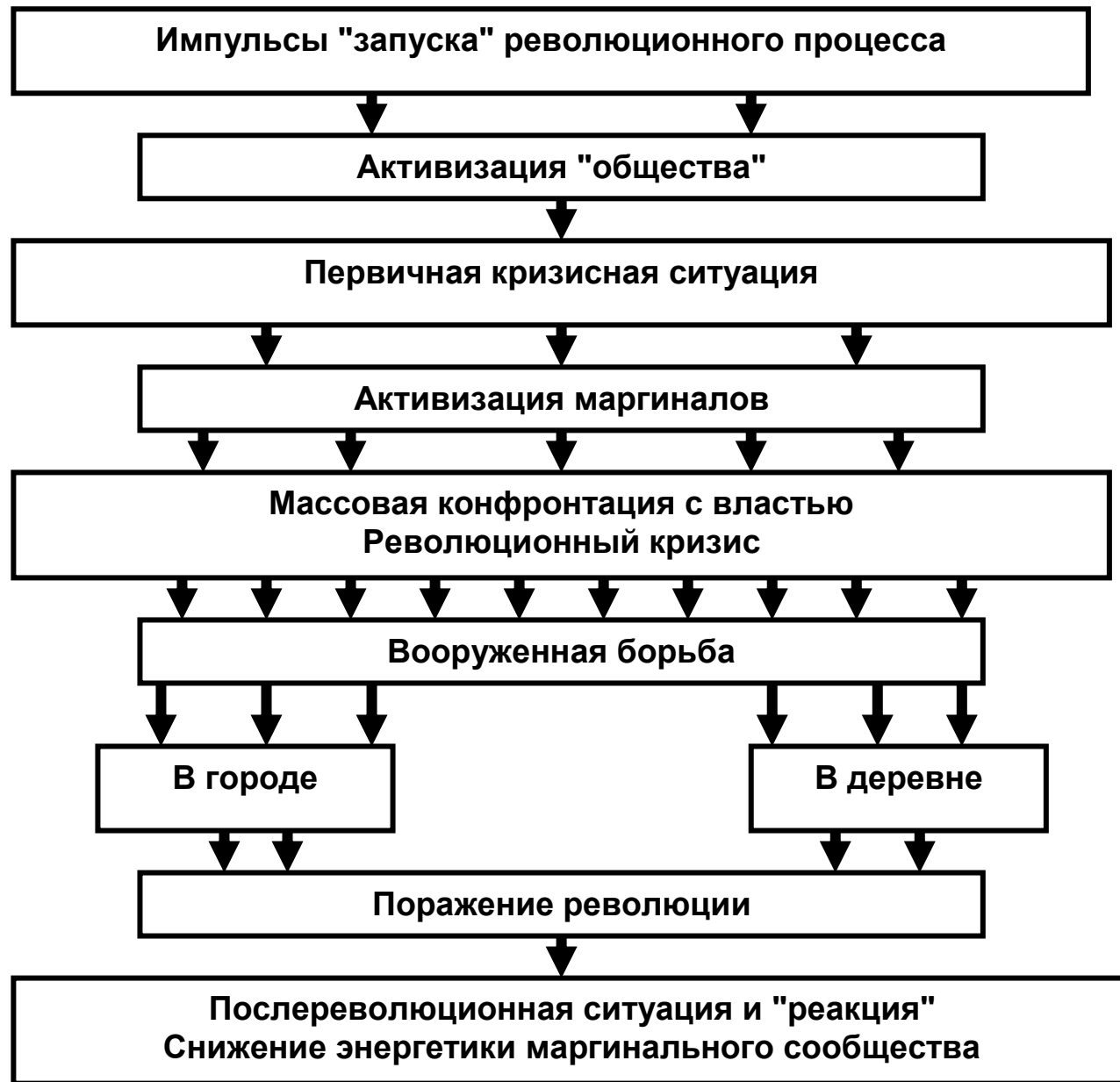

Рис. 6.1. Схема развития революционного кризиса 1904-1906 гг.

Иницирующий импульс (точнее, серия импульсов) запускает революционный процесс. В числе этих импульсов и Цусима, и восстание на броненосце "Потемкин", и массовые забастовки, и расстрел манифестации рабочих 9 января.

Активизируется легальная и полулегальная оппозиция ("общество"). Это тоже, конечно, не одномоментный, а растянутый во времени акт, отчасти налагающийся на систему иницирующих импульсов. Возникает кризисная ситуация.

Вот тут-то на сцену и выступает массовый маргинал. Начинается силовая конфронтация между ним и властью. Здесь и локальные восстания, и многочисленные террористические акты, и множественные эксцессы "точечного" силового противостояния власти. Борьба разворачивается и в городе, и в деревне, причем в деревне ее пик приходится на 1906 год.

Правительству, в конце концов, удается справиться с кризисом. В основном – путем применения вооруженной силы, расстрелов, виселиц и каторги. Отметим, что, например, Махно "сидел" вплоть до революции 1917 года.

Революция терпит поражение. Остается "сухой остаток" в виде "третьеиюньской" Думы и правительства Столыпина. Энергетика маргинального сообщества падает. Наступает относительное постреволюционное успокоение, "реакция".

Здесь заслуживают внимания три ключевых обстоятельства.

Во-первых, то, что без маргинала вообще бы не было никакой революции. Ее масштабы, исход и размеры "сухого остатка революции" – оказались в прямой зависимости от энергетики, которую проявило маргинальное сообщество во время революционной конфронтации.

Во-вторых, то, что, хотя вооруженные столкновения в яркой форме имели место только в Москве и Кронштадте, – для изживания революционной ситуации потребовалось широкое применение властью вооруженной силы буквально по всему пространству империи, включая Прибалтику и Транссибирскую железнодорожную магистраль, не говоря уже о сельской местности.

В-третьих, то, что фаза революционной силовой конфронтации оказалась столь длительной.

Как это оказалось возможным?

Представляется совершенно очевидным, что в 1904 году, еще до начала революционного процесса, Российская империя несла в своем чреве огромный по мощности заряд "социального динамита", созданного в предшествующие два десятилетия процессом маргинализации общества.

Правительство рассчитывало только на конфронтацию с организованными силами оппозиции, понимало очень скромные масштабы и влияние такой оппозиции, и потому не слишком беспокоилось. Власть никак не предполагала, что для борьбы с революцией потребуются столь широкое и длительное применение вооруженной силы. И к такому применению – совершенно не готовилась.

Этот пример убедительно демонстрирует, что видимые проявления социального кризиса, создаваемого процессом накопления в обществе маргинальных элементов, – могут далеко не соответствовать реальным масштабам такого кризиса.

В то же время, представление о том, что процессы вызревания крупномасштабных социальных кризисов очевидны даже для "невооруженного глаза" – сегодня оказывается весьма распространенным. Мол, обычно, когда кризис зреет, все, включая саму власть, это прекрасно видят. Власть, как правило, пытается заблокировать процесс наращивания кризогенного потенциала.

Но, по тем или иным причинам (объективные условия или неадекватность власти), ее усилия по снижению кризогенного потенциала оказываются тщетны. И тогда возникает полномасштабная кризисная ситуация.

В реальности же этот процесс выглядит иначе. Вызревание кризисной ситуации почти всегда в своей существенной части ускользает от внешних наблюдателей. Крупный социальный кризис обычно возникает раньше, чем это предполагают и, опять-таки, как правило, характеризуется гораздо большей, чем ожидается, социальной энергетикой.

Переиначивая известный афоризм, можно сказать, что "о социальной молнии узнают, когда она поражает".

Так было в 1905 году. Так было в феврале 1917 года. Так было и в октябре 1917 года. В частности, в начале 1917 года и министры, и императорский двор предвидели возможность возникновения внутривластного кризиса. Но они считали, что у них есть еще немало времени, что до весны – ничего не произойдет. А вот весной, за счет психологического эффекта запланированного успешного наступления на фронте, сама возможность такого кризиса будет устранена.

Никто не предвидел, что роспуск Думы может быть чреват падением династии. И потому в связи с роспуском Думы не были предусмотрены никакие особые меры предосторожности. То есть, властью не были предвидены ни время наступления кризиса, ни, тем более, его размах.

Почти такая же ситуация имела место и в октябре 1917 года. Время наступления кризиса, правда, на этот раз предвидели, но его

энергетика была совершенно недооценена. Известно, что Временное правительство почти что "желало" попытки выступления большевиков, чтобы "раздавить их одним ударом".

Получилось иначе. Большевики "раздавили" Временное правительство, которое не сумело мобилизовать на свою защиту хотя бы те силы, которые были налицо, и даже не потрудились обеспечить собранные для защиты Зимнего дворца силы питанием и хорошим военным руководством. Что, в конечном счете, и решило исход дела.

Если Керенским в данном случае было допущено что-то вроде преступного легкомыслия, то с поведением Правительства и Двора перед февральским кризисом 1917 года дело обстоит сложнее. "По стандартам 1905 года" ситуация выглядела вполне подконтрольной. "Записные революционеры" пребывали либо за границей, либо в сибирской каторге, продовольствие в Петрограде было (хотя были и слухи, что его нет или совсем мало).

Полиция была "на уровне". Рабочим на заводах платили хорошо. Кроме того, поскольку работа на заводе спасала от фронта, были особые основания рассчитывать на относительную лояльность "пролетариата". Что касается буржуазии, то военные заказы обеспечивали большей ее части баснословные прибыли, и трудно было предполагать, что она захочет убить "курицу, которая несет золотые яйца".

Не было предвидено главное – перерождение армии за время войны. В глазах царя армия была всей той же великолепной кадровой армией, которая вступила в борьбу в 1914 г. На лояльность армии, казалось, было тем больше оснований рассчитывать, что кризис боевого снабжения к 1917 году был изжит, и армия вновь стала побеждать.

Однако в действительности российская армия к началу 1917 года представляла собой, по сравнению с 1914 годом, совершенно другой организм.

Уже в 1915 году армия начала грабить¹¹³. Непосредственная причина этого – плохая работа интендантства, которое в условиях маневренной войны не обеспечивало в должной степени войска продовольствием. В конце концов, продовольствие появилось, но армия к этому времени уже "привыкла" грабить.

Тогда было установлено: за грабеж – расстрел. Но это не помогло. Несмотря на угрозу расстрела (и в отдельных случаях – действительно производимые показательные расстрелы), грабить продолжали. Опытные кадровые офицеры большей частью либо

¹¹³ М.К.Лемке. 250 дней в Царской Ставке. 1914-1915. Минск, "Харвест", 2003, с. 349-353, 356-357.

погибли в боях 1914-1915 годов, либо, получая повышения, перестали непосредственно заниматься воспитанием и подготовкой солдат.

Кроме того, по сравнению с 1914 годом, армия увеличилась в несколько раз. В результате к началу 1917 года в российской армии огромное большинство составляли офицеры военного времени, подготовка которых велась по ускоренным программам. Они, в большинстве своем, просто не умели "держатъ солдат в руках". В общем итоге – дисциплина даже в действующих войсках начала падать, причем очень резко.

Но в армии начала 1917 года на одного солдата на фронте приходилось два, а то и три солдата в тылу. А в тыловых частях дисциплина и вовсе оставляла желать лучшего. За время пребывания в тылу не только солдаты, но и низовой командный состав сплошь и рядом "разлагались". Отметим, что это было в данный период характерным явлением не только для российской, но и для германской армии. Правда, в последней оно приобрело крупные масштабы только летом 1918 года¹¹⁴.

Сравнение жизни в тылу и на фронте – также отнюдь не способствовало повышению боевого духа. Тезисы "нас власть считает за окопных вшей", "они там жируют, а мы здесьдохнем" – распространялись в армии очень быстро. Возникли и становились массовыми такие явления, как сдача в плен и, в особенности, дезертирство. Сдавшихся в плен (в большинстве случаев – без достаточных к тому оснований) в начале 1917 года оказалось больше 2 млн. человек, примерно столько же – дезертиров.

К февралю 1917 года желание воевать у большинства солдат и значительной части офицеров, видимо, совершенно испарилось. В результате к этому моменту армия Российской империи представляла собой скопление вооруженных людей с низкой дисциплиной, с развитыми грабительскими наклонностями, с враждебным отношением к офицерам и массовой склонностью (особенно при отсутствии "сдерживающей узды") к насилию.

То есть, за три года войны армия фактически переродилась, утратила чувство связи с обществом и государством, маргинализировалась. Поэтому не удивительно, что, когда в Петрограде начались волнения, запасные части, составлявшие гарнизон, просто забыли о царе, отечестве и присяге (причем вместе с большинством офицеров), и оказались на стороне революции.

¹¹⁴ Эрих Редер. Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ III Рейха, 1935-1943. М., ЗАО "Центрполиграф", 2004, с. 116.

Одним из явных мотивов такого поведения было, по свидетельствам современников, стремление избежать отправки на фронт. Фронта этим частям действительно удалось избежать – на некоторое время. Потом их мобилизовывали, но уже во время гражданской войны.

Перерождение российской армии в 1914-1917 годах дает ярко выраженную картину "индуцированной маргинализации". Сообщество, которое изначально никак не было маргинальным, за три года превратилось в массово-маргинальное. И, соответственно, в крупнейший и важнейший социально-дестабилизирующий фактор. Это особенно показательно, поскольку в данном случае таким сообществом был основной силовой аппарат государства.

Данный пример показывает, что феномен "индуцированной маргинализации" делает возможным буквально "скачкообразное" увеличение степени маргинализированности общества и его переход, за очень сжатые сроки, из социально стабильного состояния – в состояние социально кризисное.

Попытаемся резюмировать выводы, которые можно сделать из опыта Старой России применительно к процессу маргинализации общества и формированию связанного с ним социального кризисного потенциала:

1. Прежде всего, несомненно, что такая связь есть.
2. Маргинальное сообщество с развитым криминальным ядром способно оказывать решающее влияние на крупные общественные процессы и на общество в целом.
3. Если степень маргинализации общества, при наличии у него развитого криминального ядра, превышает критический уровень, избежать социального кризиса становится очень трудно.
4. Процессы роста потенциала социальной нестабильности за счет маргинализации общества – улавливаются очень плохо. Уровень и "ресурс" социальной стабильности в условиях маргинализации общества – как правило, преувеличивается. Что может иметь самые серьезные последствия.
5. Необходимо считаться с наличием феномена "индуцированной маргинализации". И, соответственно, с возможностью превращения отдельных сегментов общества (включая жизненно важные для его существования структуры), причем в течение короткого времени, в глубоко маргинализированные образования, способные массово усваивать криминальные поведенческие стереотипы.

Глава 7. Криминальный сегмент общества и российское социально-экономическое пространство

7.1. Криминализация общества в Новой России. Возможные последствия и потенциал влияния на социальную и экономическую стабильность

Между маргинальными сообществами Старой России, позднего СССР и Новой России существуют значительные различия, причем не только количественные, но и структурные.

Структура маргинального сообщества Старой России имела развитый характер и характеризовалась наличием мощного криминального ядра плюс массивной периферии в виде лиц с нерегулярными (и недостаточными для нормального образа жизни) доходами (некриминальные маргиналы). Отторжение господствующей в обществе системы ценностей в этой среде было практически тотальным.

В то же время маргинал эпохи СССР, как правило, располагал легитимными источниками существования (или мог легко их приобрести). Он, опять-таки, как правило, располагал возможностями полной или частичной социализации. Поэтому есть основания характеризовать его как тип "частичного маргинала". Чистый маргинал в условиях последних десятилетий существования Советского Союза был представлен, по преимуществу, уголовными элементами. Причем и в этой среде отторжение советской системы ценностей далеко не всегда было тотальным и безусловным.

Структура маргинального сообщества советской эпохи характеризовалась наличием довольно рыхлого криминального ядра (ввиду слабости организованной преступности вне сферы чисто экономических преступлений мафиозного типа) – и относительно тонкой периферии в виде "некриминальных маргиналов". То есть, в отличие от маргинального сообщества Старой России, структура маргинального сообщества позднего советского периода может характеризоваться, как неразвитая.

Форсированный переход к системе рыночного хозяйства имел в части, касающейся маргинального сообщества России, следующие результаты.

Прежде всего, в Новой России проявилась тенденция к восстановлению "обычной" структуры маргинального сообщества, за счет формирования развитого криминального ядра и "толстой" периферии из "некриминальных маргиналов" (в виде широких групп социально не закрепленных личностей с нерегулярными и социально недостаточными доходами). Отметим, что при этом

сначала "опережающими темпами" росло криминальное ядро нового российского маргинального сообщества, а уж затем, примерно со второй половины 90-х годов XX века, стала быстро развиваться его периферия в виде массы "некриминальных маргиналов".

При этом рост криминального ядра маргинального сообщества, несомненно, продолжается. Поэтому сначала обратим особое внимание на его особенности.

Картина, которую дает статистика, не оставляет сомнения, что криминальное сообщество Новой России глубоко трансформировалось и приобрело качества "зрелости" и "развитости" в период 1991-1995 годов (табл. 7.1).

Таблица 7.1**Динамика криминогенной обстановки в России**

Показатели	1990 г.	1995 г.	1999 г.	2001 г.
1. Выявлено лиц, совершивших преступления, тыс.	897	1596	1717	1644
- в том числе лицами без постоянного источника дохода	152	721	954	906
2. Зарегистрировано преступлений, тыс.:				
- убийств и покушений на убийство	16	32	31	34
- разбоев	16,5	38	41	
- преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков	16	80	216	242
3. Число преступлений (тыс.), совершенных:				
- лицами, ранее совершавшими преступления	268	460	692	622
- в организованной группе	3,5	24	33	34
4. Число осужденных всего, тыс.	538	1036	1223	1244
- из них в возрасте до 30 лет, тыс.	312	577	705	730
- в том числе – за преступления против собственности	102	235	477	469

Источники:

Российский статистический ежегодник. М., 2000, с. 243, 244.

Российский статистический ежегодник. М., 2003, с. 275, 276.

Количественная сторона дела такова.

Число преступлений с 1990 по 1995 год почти удвоилось, число убийств и покушений на убийство увеличилось ровно в 2 раза, число разбоев – более чем в 2 раза. После 1995 года темпы роста

количества преступлений снизились. Кривая роста преступности вошла в зону "затухания", что многими специалистами трактуется как приобретение российской преступностью качества "зрелости".

Но есть и качественная сторона дела. В 1990 году российское криминальное сообщество практически не располагало сильным и устойчивым ядром в виде системы организованной преступности. В 1995 году такое ядро было уже налицо. Соответственно, количество зафиксированных преступлений, совершенных организованными группами, проявило тенденцию к опережающему росту и с 1990 по 1995 год увеличилось в 7 раз.

Параллельно (что также закономерно) стремительно росло число преступлений, связанных с оборотом наркотиков. Что, как правило, во всем мире является показателем развития организованной преступности и, в частности, появления мощной организованной преступности, контролирующей сферу оборота наркотиков. В то же время рост доли преступлений, совершенных рецидивистами, при общем росте количества преступлений, – является индикатором тенденции к своего рода "профессионализации" криминальной деятельности.

В результате перечисленных изменений российское криминальное сообщество (включая сюда представителей зарубежных криминальных сообществ, оперирующих на российской территории), по своей структуре еще 1995 году вполне приблизилось к "зрелым" криминальным сообществам Европы и США. Так, в частности, в 1999 году было выявлено из преступлений, характерных именно для "зрелых" преступных сообществ, 155 "убийств по найму" и 1554 факта похищения людей¹¹⁵.

Существенные изменения, связанные с процессом "модернизации" российской преступности, произошли в сфере структуры правонарушений. Здесь на первое место по массовости вышли преступления против собственности, причем их рост продолжался быстрыми темпами и после 1995 года. Увеличились и масштабы экономических преступлений. В 1999 году, например, было зафиксировано 256,2 тыс. преступлений в сфере экономики, и в том числе 43,3 тыс. крупных и особенно крупных правонарушений¹¹⁶. Но это, понятно, "верхушка айсберга".

Далее, массовый характер приобрела проституция (а, следовательно, заодно и весь связанный с ней организованный преступный бизнес).

Заслуживает особого внимания такое явление, как рост в составе правонарушителей удельного веса лиц без постоянных

¹¹⁵ Российский статистический ежегодник. М., 2001, с. 243.

¹¹⁶ Там же .

источников доходов. В 1990 году из 897 тыс. лиц, совершивших преступления, лица без постоянного источника доходов составляли всего 152 тыс., а лица с постоянными источниками дохода – 745 тыс. В 1999 году среди выявленных 1717 тыс. лиц, совершивших преступления, лиц без постоянных источников дохода было уже 954 тыс., то есть в 6,3 раза больше, а лиц с постоянными источниками дохода – 763 тыс. То есть, практически столько же, сколько было в 1990 году¹¹⁷.

Отсюда следуют два важных вывода.

Во-первых, налицо факт безусловного роста ядра криминального сообщества России, состоящего из уголовных "профессионалов". Во-вторых, представляется очевидным, что процесс роста криминального сообщества России непосредственно связан с увеличением числа "экономических" маргиналов (то есть лиц, не имеющих определенных источников доходов).

Таким образом, с ростом численности "экономических маргиналов" в Новой России растет и криминальное сообщество в целом, и его "профессиональное" ядро. Исходя из выявленных тенденций, можно ожидать, что при утроении в стране количества "экономических маргиналов" общая численность криминального сообщества России увеличится примерно вдвое.

Однако при этом нельзя не обратить внимания на то, что в 2002 году, на общем фоне буквально галопирующего роста преступности во все предыдущие годы, официальная статистика показала заметное сокращение числа зарегистрированных преступлений. Конкретные показатели приведены в табл. 7.2.

¹¹⁷ Там же.

Таблица 7.2.

**Статистика правонарушений в России в 2001 г. – I квартале
2004 г. (тыс.)**

Показатели	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г. (х)
1. Зарегистрировано преступлений в том числе:	2968	2526	2925	2812
- убийства и покушения на убийство:	34	32	33	
- разбои:	45	47	52	
- преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков:	242	190	224	
2. Число преступлений, совершенных:				
- несовершеннолетними или при их соучастии:	185	140		
- рецидивистами:	622	419		
- в состоянии алкогольного опьянения:	498	326		
- в составе организованной группы:	33,5	26,0		

(х - Уровень января-февраля 2004 г., в пересчете на год.

Источники:

Российский статистический ежегодник. М., 2003, с. 275; 276;

Социально-экономическое положение России. Январь-март 2004 года, М., с. 210-212.

Как следует из таблицы, количество наиболее тяжелых и "ярких" преступлений (убийства, покушения на убийство и разбой) осталось в 2002 г. примерно на предыдущем уровне. Зато все прочие виды преступлений сильно сократились в количестве.

В том числе, сократились преступления, совершаемые несовершеннолетними, рецидивистами, преступления в состоянии алкогольного опьянения и даже преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Но в 2003 г. общее количество зарегистрированных преступлений – практически вернулось к уровню 2001 г. Первый квартал 2004 г. лишь подтвердил эту тенденцию. Таким образом, статистика 2002 г. – это, скорее всего, лишь данные о

зарегистрированных преступлениях, а не об их реальном количестве. И говорят эти данные только о том, что с регистрацией преступности в указанном году было, по тем или иным причинам, особенно неблагоприятно.

В рассматриваемом контексте представляет несомненный интерес сравнение российского криминального сообщества с развитыми криминальными сообществами других стран. К сожалению, состояние публично доступной статистической базы исключает возможность точных прямых сопоставлений. Однако и опубликованная статистика позволяет сделать определенные наблюдения.

О "структурном профиле" российской преступности и активности криминального сообщества России можно судить по данным, приведенным в табл. 7.3.

Таблица 7.3.

Профиль преступности в России и некоторых развитых странах мира в 2000 году.

Показатели	США	Кана- да	Герма- ния	Фран- ция	Рос- сия
Отдельные виды преступ- лений в расчете на 100 тыс. человек населения:					
Вооруженные нападения	331	146	142	181	34
Убийства	5,4	4,5	3,5	4	22
Грабежи и кражи со взломом	148	88	72	186	118
Мошенничество		278	1090	595	56
Угон автомобилей	423	520	101	514	24
Преступления, связанные с наркотиками		286	297	176	168
Численность заключенных в расчете на 100 тыс. чел. населения	480	282	76	95	462

Источники:

Тенденции в странах Европы и Северной Америки. Статистический ежегодник Европейской экономической комиссии ООН. Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк и Женева. 2003, с. 278,279,280,284;

Россия и страны мира. М.,2002, с. 39 и 41.

Из таблицы видно, что по числу лиц, находящихся в местах заключения, в расчете на одно и то же количество населения, Россия – среди мировых лидеров.

Однако в том, что касается числа серьезных уголовных преступлений (за исключением убийств), это далеко не так.

Более того, в показателях есть определенные странности или даже "загадки". Если судить по числу вооруженных нападений, то либо число убийств на уголовной почве в России должно быть гораздо меньше, чем показывает статистика (что маловероятно), либо на Западе оно должно быть гораздо больше, чем показывает западная статистика. Не исключено поэтому, что под "вооруженным нападением" российская и западная криминальная статистика понимают совершенно разные вещи.

Далее, российская преступность пока явно выглядит в целом менее "интеллектуальной" по сравнению с ведущими странами Запада. В частности, количество наиболее "интеллектуальных" преступлений – мошенничеств – в России относительно невелико.

Даже из данной очень обобщенной (и, возможно, не вполне точной) таблицы хорошо видно, что российской преступности еще "есть куда расти". Существуют ниши преступного бизнеса, которые она до сих пор по-настоящему еще не освоила и не заполнила. Это, прежде всего, мошенничества, а также преступления, связанные с угоном автомобилей.

По числу преступлений, связанных с наркотиками, Россия также пока заметно отстает от развитых западных стран. Однако, показателем активности преступных сообществ, функционирующих в сфере наркоторговли, повсеместно является не число зарегистрированных преступлений (например, в ряде стран Латинской Америки или Африки оно ничтожно), а реальный оборот наркоторговли.

Пока что по этому параметру Россия, к счастью, далеко позади "развитого мира". Но, во-первых, ее в этом отношении защищают как относительная бедность, так и сильно заниженный обменный курс рубля, делающий операции с наркотиками на территории России менее выгодными, чем на территории развитых стран. И, во-вторых, даже по отрывочным "полуколичественным" данным Госнарконоконтроля, регулярно сообщающего о масштабах пресеченных на территории страны наркоопераций, видно, что Россия в последние годы в этом отношении "догоняет" развитые страны Запада ускоренными темпами.

Со второй половины 90-х годов на Западе проявилась отчетливая тенденция к демонизации российской преступности, которая, якобы, беспрецедентна по масштабам и вот-вот завоюет чуть ли не весь мир. Наличие в России крупного криминального

сообщества – несомненно. Но для его подобной демонизации нет оснований хотя бы потому, что российское криминальное сообщество (в своем современном виде) – еще сравнительно молодое и "незрелое".

Особенно важно то, что молодым является его организованное ядро. Последнее возникло и структурировалось в основном после 1990 г., практически на пустом месте, причем его развитию, несомненно, в большой степени препятствовали усилия российских правоохранительных органов.

По указанным причинам российское криминальное сообщество, говоря на языке социологии, еще, так сказать "недостаточно институализировано". И потому оно фактически развивается (и еще какое-то время будет развиваться), по сравнению с его западными (и восточными – например, китайскими) аналогами – в "догоняющем" режиме.

Однако очень важными характерными чертами российского криминалитета являются не столько наличие крупного ядра в виде организованной преступности (это ядро у нас, по мировым меркам, достаточно "рыхлое"), сколько весьма большие относительные масштабы ядра и, главное, наличие очень массивной "околокриминальной периферии". Эта периферия состоит из элементов, которые непосредственно не втянуты в сферу криминальной активности, но в определенной степени усвоили криминальную психологию и "ценности" криминального сообщества (в том числе – враждебное отношение к власти).

При определенных обстоятельствах (например, в условиях острого социального кризиса) эта периферия вполне способна резко активизироваться в собственно криминальном смысле. А также – в условиях подобного кризиса – сыграть роль своего рода "мультипликатора" социальной нестабильности.

В этом отношении ситуация в нынешней России начинает опасным образом походить на описанную выше, предшествовавшую российским революциям. Тогда, заметим, в империи также имелось рыхлое, но относительно многочисленное криминальное сообщество, а вокруг него развитая периферия из ооколокриминальных элементов. В том числе "краса и гордость" российской революции – матросы.

Потенциал влияния российского криминального сообщества на постсоветскую (послереформенную) Россию и ее социально-экономическую эволюцию связан не столько с экономической активностью криминалитета (которая, впрочем, неизбежно будет нарастать), сколько, прежде всего, с его способностью оказывать влияние на психологию и стереотипы поведения социальных масс и российское общество в целом.

В связи с этим отметим важный парадокс. Российская группа лиц наемного труда (и особенно крупные заводские коллективы) пока что относительно слабо затронута криминальным влиянием. Во всяком случае, это влияние, как утверждают некоторые социологи, заметно слабее, чем в ряде других сегментов нашего общества, и в том числе в экономической и административной элите. Однако те же социологи убеждены, что с течением времени, по мере обновления состава наемных работников за счет молодых возрастов, криминальное влияние на этот социальный сегмент будет быстро усиливаться.

Отсюда можно (пусть и с некоторой долей метафорического преувеличения) сформулировать следующую модель "криминальной социальной динамики" в России.

Криминальное сообщество России, в силу недостаточной зрелости и "институционализированности", находится в отношении большинства зарубежных криминальных структур в ситуации "догоняющей криминализации".

В то же время внутри нашей страны "опережающая криминализация" идет, прежде всего, в сегменте экономической и бюрократической элиты, в то время как группы лиц наемного труда в этом плане от указанных "лидеров" заметно отстали. Но отстали, скорее всего, лишь временно, поскольку находятся в стадии собственной "догоняющей криминализации".

А потому в перспективе можно ожидать, что на смену рабочему классу, который, в своей массе, не осмеливается бросить серьезный вызов администрациям предприятий (и, тем более, правоохрательным аппаратам), – в России придет существенно криминализированный рабочий класс. Который, как это было 100 лет назад, приобретет массовую способность и склонность действовать не в соответствии с законом, а вопреки закону. И который будет представлять собой социально-психологический тип, гораздо более близкий к типу "чеченского боевика", чем законопослушного рабочего "советской выделки".

При этом процесс трансформации законопослушного рабочего в незаконпослушного – станет, разумеется, идти тем быстрее, чем более активно и многочисленно криминальное сообщество, и чем более массивны околкриминальные (субкриминальные) слои. Значит, соответственно, тем быстрее, чем многочисленнее российский "экономический маргинал". Естественно, любые кризисные экономические и политические явления этот процесс будут ускорять. Ускорит его и свертывание в стране системы социального обеспечения (процесс будет тем мощнее, чем более резким и решительным окажется такое свертывание).

Подчеркнем, что криминализация хозяйственно-экономического пространства – явление широко известное и характерное вовсе не только для России, так называемых "постсоветских" стран или стран "третьего мира". Так, проводимые много лет (различными группами экспертов и по различным методикам) исследования в различных регионах мира показывают, что практически нигде доля теневой экономики в ВВП не оказывается ниже 15%.

Например, одно из наиболее авторитетных исследований – анализ экспертной группы Всемирного банка под руководством Ф.Шнайдера – дает за период 1989 - 1993 гг. следующие цифры доли теневой экономики в ВВП (табл. 7.4.)

Таблица 7.4.

Доля теневой экономики в ВВП для различных регионов мира (1989 – 1993 гг.)

Регион	Доля теневой экономики в ВВП, %
Африка	43,9
Центральная и Южная Америка	38,9
Азия	35
Страны бывшего СССР	25,7
Страны Центральной Европы	20,7
Страны ОЭСР	15,4

Источник: Всемирный банк. Статистический обзор. М., 2001, с. 437 и далее.

При этом накопленная за последнее десятилетие статистика показывает, что доля теневой экономики в ВВП практически повсеместно в мире (включая наиболее развитые страны) неуклонно растет¹¹⁸.

Мнения экспертов о природе этого роста расходятся.

"Либеральные" экономисты считают, что его причиной является недостаточно быстрая и последовательная либерализация хозяйственной деятельности, то есть сохранение государственных (административных) ограничений свободного предпринимательства, вынуждающее агентов рынков приобретать необходимую свободу действий путем "ухода в тень".

Сторонники кейнсианского и дирижистского подходов – напротив, убеждены, что именно непродуманная и форсированная либерализация и ослабление государственного контроля за

¹¹⁸ Л.Л.Фитуни. Теневой оборот и бегство капитала. Москва, "Восточная литература", 2003, с. 25.

хозяйственной сферой – создают в экономическом механизме новые масштабные ниши для мощного развития теневого рыночного оборота.

Не вдаваясь в подробное обсуждение этой проблемы, отметим лишь, что рост удельной массы теневой экономической деятельности – неизбежно приводит к такому крайне серьезному и опасному явлению, как общая криминализация предпринимательского сознания. По сути, в предпринимательской среде идет неуклонный "негативный социокультурный отбор": дурной пример тем более заразителен, чем он более выгоден.

Причем, как показывают громкие корпоративные скандалы последнего времени ("Энрон", "Артур Андерсен", "Хэллибертон", "Пармалат" и т.д.), процесс такого негативного отбора уже в очень высокой степени затрагивает даже высшие страты предпринимателей и менеджеров в наиболее развитых странах. Те самые страты, для которых незаконное (нелегитимное) экономическое поведение еще недавно считалось категорически недопустимым хотя бы с точки зрения "репутационных рисков".

В нашей стране ситуация, видимо, на сегодняшний момент еще хуже. Так, по оценкам Я.Кузьмина, в России к началу XXI века до 50% от общего числа транзакций носило нелегальный ("черный") или не совсем легальный ("серый") характер.

Причем очень высокую роль в этом "сером" сегменте играют взятки. По тем же оценкам, в среднем по российской экономике начала XXI века объем взяток составляет до 10% товарооборота, а в наиболее "богатых" хозяйственных сегментах – достигает 20% товарооборота¹¹⁹.

Кузьминов далее указывает, что в "нормальной" стране содержание административного аппарата (чиновников всех уровней) обходится в 7-10% ВВП, а у нас этот уровень втрое ниже. Именно этим он объясняет, в первую очередь, огромный размах взяточничества: мы не хотим платить чиновничеству эти деньги в явном виде, и поэтому вынуждены платить "в неявном виде".

Но здесь нельзя не вспомнить о том, что экономика (как и война) всегда, в каком-то смысле, "продолжение политики другими средствами". И если в любой стране мира (и, тем более, у нас в России) налицо масштабный сегмент теневой ("серой") экономики, то ей неизбежно соответствует не менее масштабный сегмент "серой" политики.

Известный польский экономист Гжегож Колодко в связи с этим пишет, что именно явление "серой" политики, цели которой

¹¹⁹ Я.И.Кузьминов, М.М.Юдкевич. Курс лекций по институциональной экономике. М., ВШЭ, 2000, с. 37.

принципиально расходятся с декларируемыми обществом и относятся лишь к обслуживанию частных и групповых интересов, очень часто оказывается главной причиной расхождений между экономическими прогнозами и реальным ходом событий¹²⁰.

Далее Колодко отмечает, что причиной такой ситуации оказывается своего рода "узурпация представлений о справедливости" со стороны автономизирующихся от общества институтов власти. При которой нарушается правило: "...что справедливо, а что нет – определяют настроения в обществе, а не суждения экономистов или политиков".

И здесь возникает достаточно очевидная коллизия (и соответствующая проблема). Если общество в значительной своей части маргинализировано или, тем более, криминализировано, и если огромную роль в политике экономических и властных институтов играет коррупция (феномен взятки), если, иными словами, в социальной среде на всех этажах начинают доминировать "серая" политика и "серая" экономика, то о каких именно понятиях "справедливости" в этом случае идет речь? И что будет происходить, если социальную динамику начнут диктовать маргинальные и чисто криминальные представления о справедливости?..

7.2. Российская преступность в общемировом криминальном контексте

Во всем мире в сегодняшнюю эпоху наркобизнес, как правило, является ядром криминального бизнеса. Финансовая сила криминального сообщества той или иной страны или региона в современных условиях почти всегда прямо пропорциональна финансовой силе этого "наркоядра", то есть масштабам контролируемой им наркоторговли.

Наркооборот на территории России пока что (относительно!) невелик. Поэтому и финансовая сила российского криминального сообщества не слишком значительна. Невелика, соответственно и его способность массово экспортировать капитал из России и оказывать серьезное влияние на мировую криминальную обстановку. Российский преступный мир – пока что – не является международно значимым финансовым фактором.

Однако на Западе весьма распространена точка зрения, согласно которой чуть ли не весь экспортируемый из России капитал – криминального происхождения. И эта точка зрения вовсе

¹²⁰ Г.Колодко. Институты, политика и экономический рост. //Вопросы экономики, №7, 2000, с. 45-46.

не голословна. Она базируется на понимании того, что экономическое (и финансовое) положение России – весьма тяжелое или, как минимум, непростое. И раз она выступает как один из крупнейших в мире экспортеров капитала, то этот капитал – наверняка криминального происхождения.

Регулярные публичные заявления российской власти и российских предпринимателей о глубокой заинтересованности в иностранных инвестициях – также способствует распространению этой точки зрения. И рассуждают при этом на Западе примерно так: раз России отчаянно нужен капитал, но в то же время она массово экспортирует капитал, – это возможно в единственном случае. В случае, когда практически весь свободный капитал в стране – собственность криминального сообщества, а экспортируемый капитал – нелегитимного происхождения.

Реальное положение дел, конечно, другое. Общая причина экспорта капитала из России – сверхприбыльность значительной части российского бизнеса и одновременно (кажущийся парадокс!) кризисное состояние экономики, высокий уровень конъюнктурных рисков (в особенности, инвестиционных рисков), а также крайне запутанное и неясное на перспективу состояние отношений в сфере собственности. А экспортеры капитала из России – это почти всегда его легитимные (согласно российским законам) собственники, которые просто боятся потерять в нашей стране свои деньги в условиях описанных конъюнктурных рисков.

Все изложенное, однако, за пределами России почти всегда вовсе не понимают или просто упускают из виду. Соответственно, в огромной степени преувеличиваются финансовые возможности российского криминального сообщества и его способность экспортировать капитал.

Реально доля российского криминального сообщества в ВВП, учитывая структуру его операций (и, прежде всего, неразвитость наркобизнеса), – меньше, чем в развитых странах в среднем и в США, в частности. А так как ВВП России весьма невелик, то и абсолютный финансовый ресурс российского криминалитета также, по мировым меркам, достаточно скромнен. В том числе и потому, что размеры экспорта капитала в долларах или евро (в любой твердой валюте) – являются, при прочих равных условиях, функцией курса национальной денежной единицы: чем ниже курс, тем меньше возможности экспорта капитала.

Это касается, отметим, вовсе не только криминалитета. Российское легальное предпринимательское сообщество, как потенциальный экспортер капитала, находится в весьма

невыгодном положении из-за того, что курс рубля против паритета его покупательной способности занижен минимум в 3 раза¹²¹.

Но это же самое обстоятельство дает крупную "фору" любым зарубежным инвесторам в Россию. Поскольку курс рубля занижен (а он, из-за слабости нашей экономики, будет занижен еще долго), вполне можно предвидеть такую ситуацию, когда иностранные криминальные сообщества начнут всерьез, по-крупному, вкладывать деньги в экономику России.

В принципе, нельзя вовсе исключать даже такой сценарий, когда внешние преступные сообщества попытаются скупить основную часть активов экономики России, включая земельный фонд. Тогда Россия начнет экономически превращаться в колонию международного криминалитета, или в "поле битвы" между разными отрядами международной преступности. Например, какая-нибудь "мафия X" и китайские преступные сообщества сделают аренной борьбы между собой отдельные регионы Сибири.

На первый взгляд, это кажется совершенно невозможным. Ведь в России есть не только правоохранные органы (на которые, впрочем, возлагают все меньше надежд), но и свое криминальное сообщество, своя организованная преступность, которая, вроде бы, ни в коем случае не допустит на свою территорию никаких зарубежных конкурентов.

Однако дело в том, что в России – относительно слабая и относительно бедная организованная преступность. Кроме того, российским правоохранным органам, по понятным причинам, гораздо проще бороться с местными, "коренными" преступными сообществами. А в отношении борьбы с организованным криминалитетом, имеющим мощную зарубежную базу и поддержку, возможности российских правоохранителей весьма и весьма ограничены.

По этим причинам некоторые специалисты убеждены, что, при определенных обстоятельствах и целенаправленной активности власти, влияние "коренных" российских организованных преступных группировок может быть сведено (по крайней мере, в центре России и большинстве регионов Сибири) если не к нулю, то к очень незначительному уровню. А вот в отношении зарубежной оргпреступности – те же специалисты проявляют глубокий пессимизм.

Представляет интерес дальнейшее развитие событий, если такого рода экзотическая ситуация станет фактом.

¹²¹ Л.С.Черной. Глобализация: прошлое или будущее. Трансформация рыночных хозяйственно-экономических систем. М., ИКЦ "Академкнига", 2003, с. 348-350.

Нетрудно предвидеть, что при наличии в российском криминальном сообществе мощного – и практически неуязвимого из самой России – организующего ядра зарубежного происхождения (историческая аналогия – сицилийская мафия, которая в свое время составила ядро американского криминального сообщества) – потенциал влияния такого криминального сообщества на административные и правоохранные сферы резко возрастет. По тем же причинам эффективность борьбы с так организованным криминальным сообществом в целом – снизится.

И тогда вовсе нельзя исключать, что процессы криминализации политики, экономики, населения страны (на фоне и с учетом фактора маргинализации общества) полностью выйдут из-под властно-государственного контроля.

Результатом будет резкое разрастание криминального сообщества в целом. В том числе – его структур чисто местного происхождения, включая и организованную преступность. А далее почти наверняка восстановится (как это было в тех же США) режим острой конкуренции между "внешними" и внутренними оргпреступными сообществами. Причем этот процесс почти наверняка будет идти как на уровне страны в целом, так и на уровне отдельных регионов, которые могут превратиться в "поля боя" между местными и "чужими" оргпреступными группами и их конгломератами.

Но такой процесс, разумеется, будет сопровождаться быстрым ростом доли чисто криминальных и субкриминальных элементов в предпринимательском сообществе, увеличением уровня конъюнктурных рисков, дальнейшей хозяйственно-экономической дезорганизацией российского пространства. Удержать в таких условиях хотя бы минимальную управляемость территории и государственную целостность России – окажется крайне трудно.

Это окажется трудно хотя бы потому, что укрепление и "вспухание" криминальных "ядер" с их субкриминально-маргинальной периферией в регионах – неизбежно создаст криминальную "конкуренцию за ресурсы" между различными локальными криминальными сообществами. При увеличении экономического и политического влияния таких локальных сообществ эта конкуренция обязательно перейдет в "межрегиональный" регистр, а также регистр конфликтов между Центром и регионами.

Итогом такого процесса наверняка окажется "криминальная изоляция" локальных рынков и их отраслевых сегментов, то есть быстрая фрагментация и распад единой хозяйственно-экономической инфраструктуры страны. Нет необходимости пояснять, что такой процесс неизбежно инициирует политическую и

социальную фрагментацию, за которой сразу начнет маячить государственный распад России.

Некоторые криминологи допускают, что подобному сценарию будет противостоять тенденция "слияний" локальных криминальных ядер и создания единой "общегосударственной" криминальной инфраструктуры.

Однако такой вариант развития событий вряд ли может кому-либо показаться "утешительным". Не говоря о том, что сколько-нибудь нормальная жизнь и хозяйствование в таких условиях, скорее всего, окажутся невозможны, – в XXI веке мир не потерпит появления на одной седьмой части суши "криминального королевства" с ядерным оружием.

7.3. Приватизация ЖКХ как возможный фактор форсированной социально-экономической криминализации в России

В связи с кризисным состоянием экономики России и относительно незначительным количеством эффективных предприятий – прибыльное и одновременно легальное ("отмывочное") помещение капиталов, полученных в результате криминальной деятельности, в настоящее время оказывается в нашей стране сопряжено с серьезными проблемами. И, кроме того, почти всегда – с очень высоким уровнем конъюнктурных рисков.

Положение, однако, может радикально измениться в случае предполагаемой приватизации российской отрасли жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ).

Заметим, что налаживание сложного современного производства и обеспечение его эффективной эксплуатации – как правило, криминальным элементам и группам не под силу. Они обычно, за редкими исключениями, избегают даже прямого участия в торговых операциях, предпочитая доход от рэкета. Или, в крайнем случае, – "акционерные" прибыли от контроля за предприятиями или финансового участия в их капитале.

Однако с ЖКХ дело обстоит несколько иначе. Криминальный собственник вполне в состоянии коммерчески эффективно (разумеется, со своей точки зрения) эксплуатировать объекты ЖКХ, и особенно жилфонд. Причем такие объекты для криминалитета тем более привлекательны, чем более либерализован режим оплаты услуг ЖКХ.

Подчеркнем, что в качестве владельца объектов ЖКХ криминальный собственник имеет несомненные конкурентные преимущества перед любым другим собственником. Хотя бы потому, что располагает "специфическими" каналами воздействия

на пользователей услуг ЖКХ и может реально добиваться от них оплаты этих услуг по монопольно высоким ценам.

Соответственно, криминальные сообщества в состоянии и готовы, в ходе приватизации, платить за объекты ЖКХ значительно большую цену, чем любые другие их приобретатели.

Ситуация, когда описанный сценарий реализовался на практике и приводил к очень острым социально-политическим проблемам (например, в Перу, в других странах Латинской Америки, в Юго-Восточной Азии и даже в Италии) – хорошо известна. Действительно, бывали случаи, когда квартиросъемщиков, неспособных или не желающих сполна платить мафиозным группам, контролерам жилфонда, – в прямом и буквальном смысле "закатывали в асфальт". Это – вовсе не надуманные страшилки из киношных детективов.

И это обстоятельство является одной из главных причин того, что система коммунального хозяйства почти повсеместно либо жестко контролируется государством, либо является собственностью муниципалитетов и эквивалентных им административных единиц.

Реформа ЖКХ в том весьма либеральном варианте, в каком она задумана в России, автоматически делает ЖКХ весьма привлекательным для криминального инвестора. Соответственно, при существующих экономических условиях следует ожидать, что при приватизации ЖКХ – контроль над его значительной частью в России постепенно перейдет в руки собственников из рядов криминального сообщества.

Поскольку в климатических условиях России бесперебойное пользование услугами ЖКХ входит в "пакет жизненно необходимого" даже для подавляющего большинства маргиналов, "цена вопроса" в данном случае крайне высока. Для российского криминального сообщества, при "удобных" вариантах приватизации ЖКХ (а возможности коррупционного лоббирования таких удобных вариантов у отечественного криминалитета – бесспорны), доходы от его эксплуатации могут стать почти такой же "золотой жилой", каковой являются доходы от наркобизнеса для криминальных предпринимательских сообществ наркопроизводящих стран и развитых государств (в том числе, США).

Можно ожидать, что такие доходы дадут российскому криминалитету, при либеральном варианте программы реформ ЖКХ, ту мощную финансовую силу "международного масштаба", которая пока что у него отсутствует.

Но этим дело не ограничится. Переход контроля над ЖКХ к оргпреступным сообществам, где бы он не произошел, будет иметь и далеко идущие политические последствия. Он, безусловно,

позволит криминалитету оказывать решающее влияние на местные (и не только на местные) выборы. И, следовательно, очень быстро сделает криминальное сообщество России политически крайне значимым фактором.

При реализации указанной возможности неизбежно возникнет ситуация, когда легитимной политической элите России придется самым прямым и наглядным образом "делить" власть с криминальным сообществом – до тех пор, пока и поскольку не будет произведен возврат к нормальному положению. Последнее, однако, если "козла уже пустят в огород" (если представители криминального сообщества смогут установить контроль над значительной частью ЖКХ), будет очень и очень непростым (причем непростым не только с точки зрения законных юридических процедур) делом.

Таким образом, скорее всего, приватизация ЖКХ, в условиях наличия и разрастания в стране мощного организованного криминалитета, станет по своим последствиям буквально "революционным" преобразованием условий существования российского общества. В первую очередь, она приведет к резкому снижению возможностей влияния власти на общество, при одновременном (причем прогрессирующем) повышении социального конфликтного потенциала.

Процесс этот будет идти, конечно же, неравномерно. В каких-то регионах и политических и экономических центрах ситуация, быть может, покажется почти благополучной. "В среднем" она, в то же время, еще будет выглядеть "приемлемой". Но в отдельных регионах и городах (видимо, прежде всего, на Дальнем Востоке и в отдельных районах Крайнего Севера) она наверняка почти мгновенно приобретет критический или даже закритический (взрывной) характер.

Глава 8. Некриминальная маргинализация общества и ее влияние на экономику

8.1. Структура и динамика маргинальной социальной среды

Как ни велика роль криминального сообщества в качестве ядра маргинальной социальной системы, весьма существенное значение имеют и другие его элементы (или, точнее говоря, подсистемы).

В самом грубом приближении в совокупном маргинальном сообществе можно выделить экономических, культурных и социальных маргиналов (рис. 8.1).

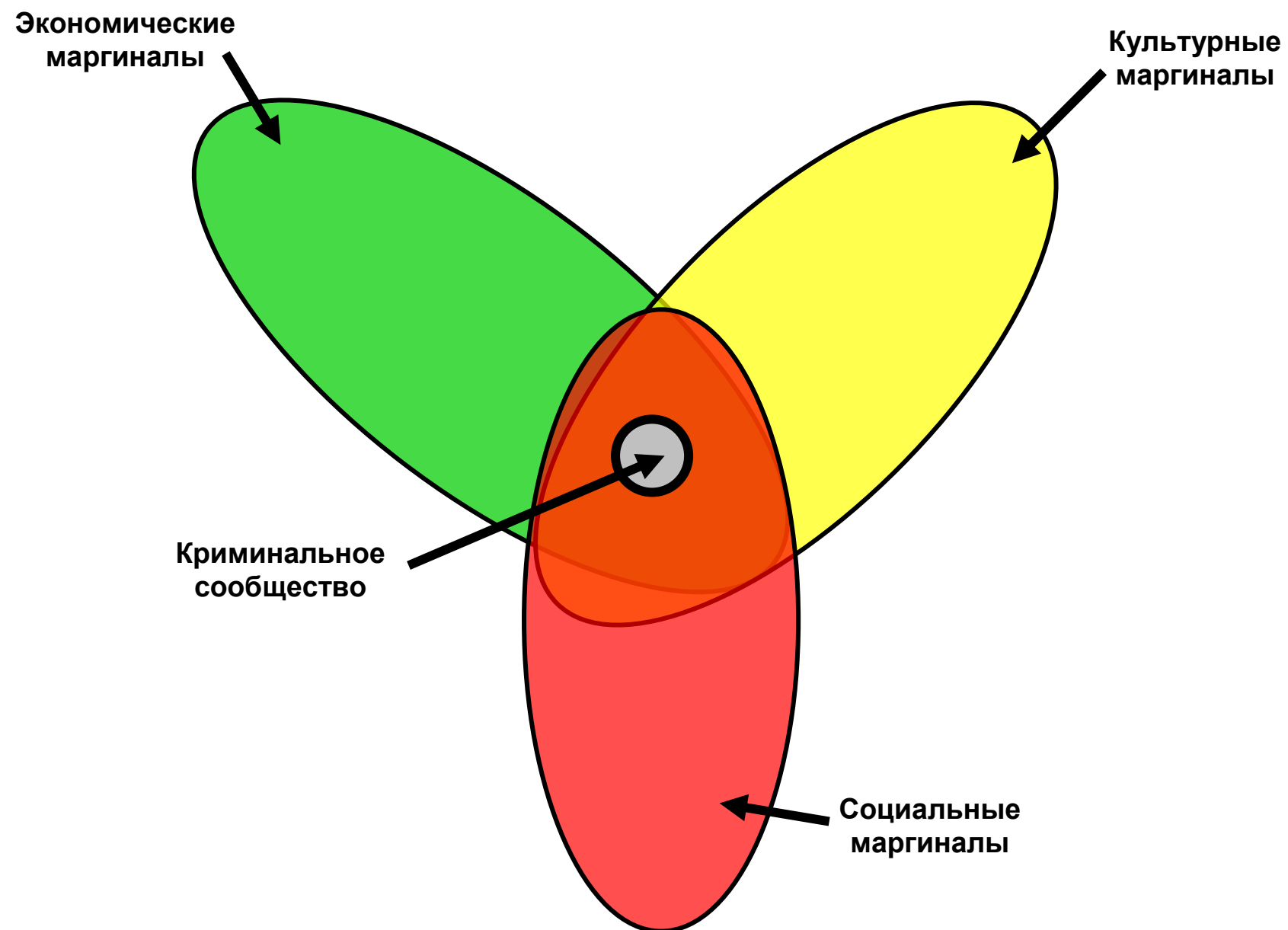

Рис. 8.1. Обобщенная структура маргинального общества

Экономические маргиналы – это те, кто не располагает достаточными для нормального образа жизни легитимными источниками существования. При таком определении в эту категорию попадают и криминальные маргиналы. "Чистые экономические маргиналы" – это все экономические маргиналы за вычетом таковых, имеющих доход от криминальных практик.

Отметим, что часть криминальных маргиналов может и не попадать в категорию экономических маргиналов. Это те, кто имеет легитимные источники доходов, достаточные для нормального существования, но основные интересы направляет в сферу криминальной деятельности.

Тип социального маргинала в чистом виде – это так называемый "деклассированный элемент". Сюда также относится большинство криминальных маргиналов. И сюда же должна быть отнесена большая часть тех лиц, которые периодически прибегают к криминальным практикам как по экономическим мотивам, так и в силу общей антисоциальной установки. Например, такова значительная часть так называемых "хулиганов", алкоголиков, наркоманов.

Сюда же следует отнести и группы населения, "выпавшие" из системы нормального социального воспроизводства (или не включившиеся в нее), не связанные с устойчивыми социальными практиками. В том числе "бомжи", значительная часть мигрантов (в первую очередь, нелегальных).

Наконец, к категории социальных маргиналов должны быть отнесены также больные неизлечимыми болезнями, не способные воспользоваться соответствующей поддержкой общества. И, в том числе, видимо, подавляющее большинство (по крайней мере, в России это в настоящее время так) ВИЧ-инфицированных и больные СПИДом.

Согласно оценкам Европейской экономической комиссии ООН, в 2001 г. в России насчитывалось 700 тыс. человек ВИЧ-инфицированных и больных СПИДом в активной форме (по сравнению со 100 тыс. во Франции, 100 тыс. в Италии и 890 тыс. в США)¹²².

В изображении российской статистики число вновь регистрируемых ВИЧ-инфицированных за последние два года довольно заметно снизилось¹²³. Однако делать на этом основании вывод о снижении темпов распространения эпидемии – было бы

¹²² Тенденции в странах Европы и Северной Америки. Статистический ежегодник Европейской экономической комиссии ООН. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк - Женева, 2003, с. 196.

¹²³ Социально-экономическое положение России. Январь-март 2004 года, М., 2004, с. 210.

преждевременно или просто неверно. Скорее всего, налицо рост тенденции к уклонению таких больных от регистрации, а отчасти и эффект снижения охвата российского населения квалифицированным медицинским обслуживанием.

Распространение ВИЧ-инфекции – фактор, повсеместно создающий серьезные социальные проблемы, и вполне способный поставить под вопрос социальную стабильность в России (и не только в России) в течение 5-10 лет. В связи с этим подчеркнем, что при сохранении нынешних тенденций (а их перелома к лучшему пока не просматривается) – количество социальных ВИЧ-маргиналов в нашей стране в перспективе 5-10 лет сравняется с количеством уголовных маргиналов. В настоящее время очень не просто предвидеть, к каким последствиям это приведет на практике. Но несомненно, что последствия будут очень серьезными.

Наконец, третий тип маргиналов – это "культурный маргинал", являющийся носителем той или иной особой субкультуры, в большей или меньшей степени препятствующей нормальной социальной интеграции. Сюда могут быть отнесены, прежде всего, носители криминальной субкультуры, носители субкультур алкоголизма (очень распространенный в России тип), наркомании, анархизма, политического абсентеизма, наконец, "субкультуры" устойчивого недоверия к власти (в том числе – в варианте активно враждебного отношения к власти и ее структурам, аналогичного отношению к власти в уголовных сообществах).

И здесь нельзя не напомнить, что наличие "субкультуры" активно-враждебного отношения к власти – необходимое условие развития любого политического кризиса типа революции. В том числе – российских революций начала XX века.

В настоящее время эта "субкультура", по мнению многих социологов, находится в состоянии возрождения и распространения. Это находит наиболее наглядное выражение в распространении практики целенаправленного уклонения от участия в выборах, а также в голосовании "против всех".

Согласно ряду социологических прогнозов, в перспективе 5-10 лет, при сохранении действующих социальных тенденций, субкультура враждебного отношения к власти и политического абсентеизма может захватить в России свыше 75% населения. Причем в ряде кризисных регионов (в том числе так называемых "зонах застойной бедности") доля вовлеченных в эту субкультуру уже имеет "критический" характер.

Наличие мощного криминального сообщества, в качестве своего рода системного противовеса "власти", везде и всегда является фактором, способствующим росту численности социальных и культурных маргиналов. Заметим, что его наличие

косвенно стимулирует и рост численности экономических маргиналов.

Например, при внедрении криминального сообщества в сферу ЖКХ, с сопровождающим это внедрение взвинчиванием цен на коммунальные услуги до уровня, "неподъемного" для значительной части населения, – роль криминального сообщества, как генератора новых групп экономических маргиналов, существенно возрастет.

Система основных (или, точнее, наиболее важных) связей, опосредующих процесс воспроизводства различных маргинальных типов и, соответственно, маргинализацию общества, схематически показана на рис. 8.2.

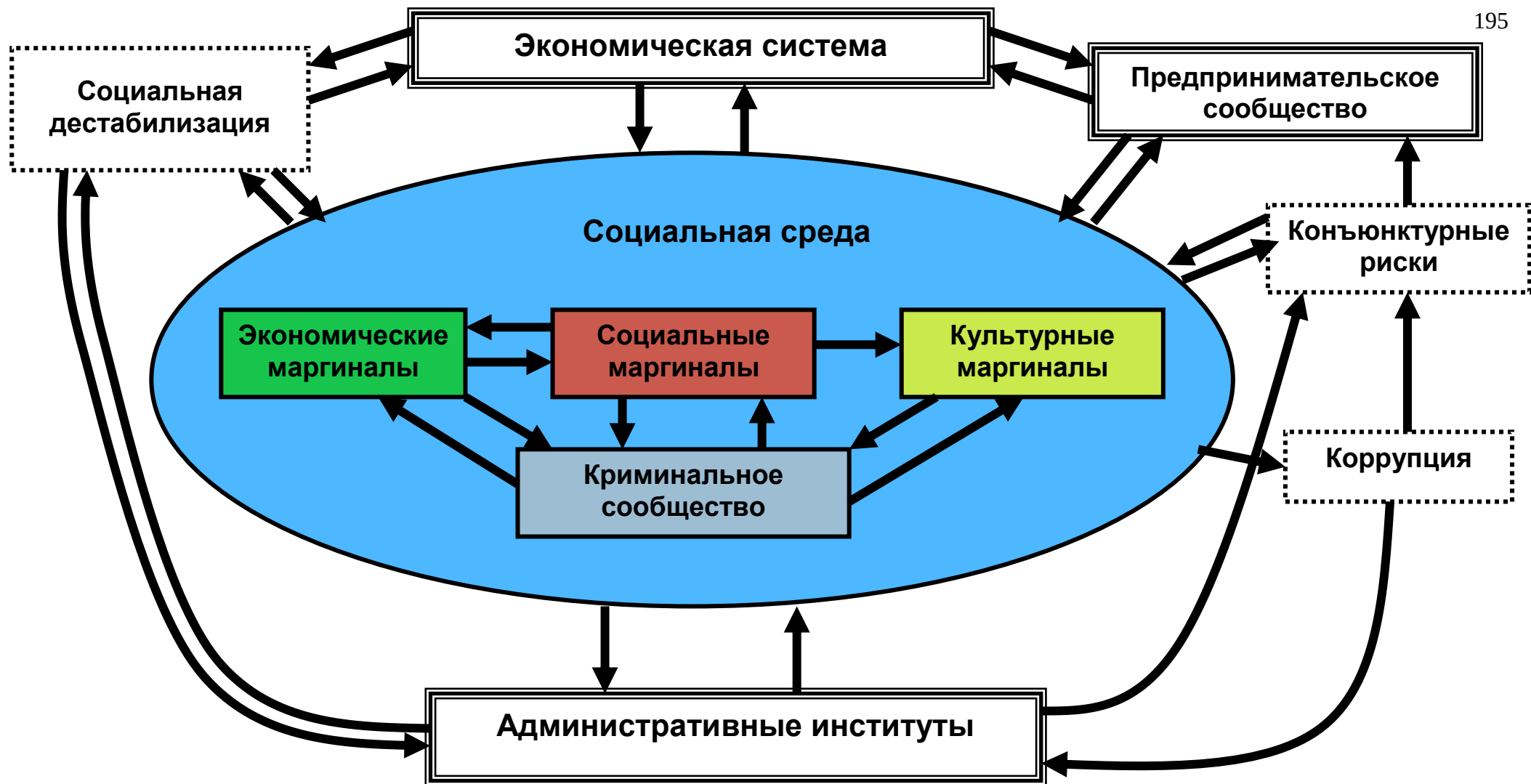

Рис.8.2. Система прямых и обратных регулятивных связей, определяющих маргинализацию общества и социальную и экономическую динамику.

Процесс, в общем виде, развивается следующим образом:

- давление экономической обстановки массово создает экономического маргинала; чем более многочисленны экономические маргиналы, тем больше становится социальных маргиналов и тем быстрее растет криминальное сообщество; наличие криминального сообщества способствует расширенному воспроизводству социальных и культурных маргиналов;
- социальные и культурные (некриминальные) маргиналы также непосредственно порождаются воздействием находящейся в кризисе социальной среды; их наличие в каждый данный момент является фактором, способствующим росту криминального сообщества и генерации экономических маргиналов;
- наличие социальных, культурных маргиналов и криминального сообщества, в свою очередь, оказывает негативное влияние на эффективность работы административных институтов, на предпринимательское сообщество, неуклонно повышает всевозможные конъюнктурные риски и, в силу всех перечисленных причин, снижает эффективность экономического механизма и экономики в целом;
- это, в свою очередь, приводит к росту числа экономических маргиналов, как следствие – к росту числа социальных маргиналов, росту "мощности" криминального сообщества, и т.д.

Таким образом, круг замыкается. Причем в данном случае мы явно имеем дело с системой, характеризующейся сильными так называемыми "положительными" обратными связями, что не может не приводить к ее расширенному самовоспроизводству.

Утрату социальной стабильности обычно связывают с процессами развития ярко выраженных, взрывных социальных и экономических кризисов. Однако социальная стабильность может очень существенно падать и в результате "ползучего" процесса маргинализации общества. В данном случае представляется в определенной мере уместной аналогия с процессом разрастания раковой ткани. В котором истощение организма и утрата им работоспособности происходят, как правило, еще до того момента, когда феномен раковой опухоли стал очевиден.

8.2. Основные факторы и тенденции социальной маргинализации в Новой России

Ситуация с российским криминальным сообществом рассмотрена выше. Несомненна и многочисленность в России сообщества экономических маргиналов. Рост количества преступлений после 1990 г., как было продемонстрировано выше, состоит в прямой связи с ростом числа экономических маргиналов.

Наглядным показателем масштаба распространения в нашей стране типа экономического маргинала является численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума. По данным Госкомстата, лица с доходами ниже прожиточного минимума составляли в России: в 1992 г. – 33,5%, в 1997 г. – 20,7%, в 1999 г. – 28,3%, в 2002 г. – 25,0% населения¹²⁴.

Вроде бы, численность таких лиц снижается. Однако необходимо отметить, что понятие "прожиточный минимум" является вообще достаточно условным. А в российском случае этот официальный прожиточный минимум фиксируется (о чем уже сказано и написано очень много) на весьма низком (если не сказать – предельно низком) уровне. То есть, на уровне фактической полной или частичной экономической маргинальности.

В любом случае, даже из приведенных официальных статистических данных очевидно, что численность экономических маргиналов в России аномально велика.

И здесь еще раз необходимо подчеркнуть, что недооценка социально-экономической дифференциации (и вытекающей из нее массовой маргинализации) как фактора системной общественной и государственной неустойчивости – опасная тенденция нынешней России. Еще Платон (несмотря на свое подчеркнутое презрение к тому, что ныне называют демократией) в своих трактатах писал, что четырехкратное превышение доходов богатых над доходами бедных, – грозит смутой.

В современных развитых рыночных странах, где этому вопросу (именно как важнейшему социально-политическому) уделяется очень серьезное внимание, – выработали для его мониторинга систему обоснованных количественных и качественных критериев. Один из количественных критериев – так называемый "децильный коэффициент" (соотношение ДК доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан). Верхней границей социально-государственной (а, следовательно, и экономической) устойчивости здесь считается ДК на уровне 8-10.

У нас же в России ДК всю постсоветскую эпоху почти непрерывно растет. В позднесоветское время (причем с учетом "неформальных доходов" номенклатурной прослойки) ДК составлял около 4,6. Далее, по официальным данным Госкомстата (как считает большинство экспертов, заниженным примерно вдвое за счет неучета огромной доли теневых доходов у "богатых") ДК в 1994 г. достиг 15. В 2000 г. он несколько снизился (до 13,5), а к 2003 г. поднялся до 14,3¹²⁵. Но очень многие экономические аналитики

¹²⁴ Российский статистический ежегодник 2003. М., 2003, с. 189.

¹²⁵ В.Щетинин. Человеческий и вещественный капитал: общность и

подвергают эти официальные цифры сомнению. И в качестве наиболее реалистичной оценки децильного коэффициента в России на 2002-2003 гг. называют 24 – 28.

Есть, впрочем, и другой подход к оценкам социальных рисков, связанных с экономической маргинализацией. Так, в 2002 году на долю наиболее бедных 40% населения России приходилось всего 15,7% общего объема денежных доходов. А на долю 60% наиболее бедного населения – 31,4%¹²⁶.

Согласно данному подходу, эти 60% населения и являются основным "вместилищем" и – одновременно – генератором экономических маргиналов.

Необходимо отметить одну из немаловажных причин столь глубокой и быстрой постсоветской экономической маргинализации населения. Дело, прежде всего, в том, что слом советской государственно-патерналистской системы социальных гарантий при переходе к рынку произошел форсированно и без создания новой альтернативной системы гарантий.

Но одновременно открытие российского экономического пространства (располагающего в большинстве случаев устаревшими и неэффективными производствами и технологиями и ничтожным оборотным капиталом) для внешней конкуренции – не могло не поставить национальных производителей в ситуацию, когда почти единственным способом сохранения конкурентоспособности оказывалось снижение цены труда.

В результате, при значительном снижении в постсоветское время объема ВВП, доля заработной платы в ВВП в 1992-1999 г. упала с 50% до 30%¹²⁷. К 2004 г. (причем на фоне начала роста ВВП) – доля заработной платы в ВВП снизилась, по ряду авторитетных оценок, до 29%. (В скобках отметим, что норма этого показателя в развитых странах мира – 50-60% ВВП).

Ряд исследователей подчеркивает, что такая ситуация – не просто важнейший фактор экономической маргинализации. Она, в действительности, поставила бы огромные массы российского населения, вполне реально и беспощадно, за грань выживания, – если бы не так называемая "неформальная", то есть теневая, занятость. И это, безусловно, справедливо.

Но это одновременно означает лишь то, что мы имеем дело, помимо продолжающейся маргинализации широких слоев населения, с неуклонным ростом удельной массы и влияния

различие. //Мировая экономика и международные отношения, 2003, №8, с. 55-61.

¹²⁶ Российский статистический ежегодник 2003. М., 2003, с. 185.

¹²⁷ Г.Ракитская. Необъявленная реформа социально-трудовых отношений в 1990-е годы.//Вопросы экономики, №9, 2003, с. 84.

(экономического, социального, политического) теневого – криминального и субкриминального – сегмента экономики России. И, соответственно, с ростом мощи и влияния отечественного оргпреступного сообщества.

Вернемся к данным о численности в России лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума. Здесь выявляется следующая картина.

Из общей "статистической" численности населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в 2002 г. в 35,8 млн. чел. (здесь и ниже данные приводятся по Российскому статистическому ежегоднику 2003. М., 2003) доля пенсионеров – 5,2 млн. чел., а прочих – 30,6 млн. чел. (с. 189, 190).

Таких "прочих" (непенсионеров) в 2002 г. – 107,1 млн. человек (с. 75 и 197). Доля среди них лиц с денежными доходами ниже официального прожиточного уровня – 28,6%.

Это, очевидно, весьма высокий показатель, свидетельствующий о наличии значительного потенциала для роста численности и удельного веса в обществе социальных и культурных маргиналов.

Далее, среди лиц в наиболее активном возрасте (16-31 год) доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного уровня – 26,2%. Причем необходимо отметить, что эта доля не снижается, а, скорее, растет: в 1997 г., перед кризисом 1998 г, этот показатель составлял 19,2% (с. 190).

Приведенные цифры не могут не вызывать вопроса: а есть ли в действительности у нас в России реальный экономический подъем, экономический рост? Однако, если рост реален, то эти цифры означают единственное: плоды этого подъема достаются в основном наиболее обеспеченным группам населения, социальная дифференциация (и, соответственно, потенциал маргинализации и социальная напряженность) растут.

Но затем возникает еще один вопрос, как эти молодые люди, оказавшиеся за чертой бедности, вообще выживают? Ответ, видимо, единственный: без вовлечения в теневые ("серые" и "черные", то есть криминальные и субкриминальные) экономические практики – выживание большей части наиболее активной группы общества просто невозможно. То есть, она, в значительной своей части, уже втянута в криминальные практики.

А еще ниже по возрастной шкале обнаруживается следующая картина. В 2002 г. доля детей в возрасте 7-16 лет с доходами ниже прожиточного минимума – 32,6% (с. 190).

Совершенно ясно, что все лица этой группы – потенциальные и фактические культурные и социальные маргиналы. А в мужской своей части – потенциальное пополнение криминального мира. Что означает единственное: при сохранении нынешних российских

социально-экономических тенденций – "кадровое будущее" маргинального сообщества и криминалитета России обеспечено весьма надежно.

Отметим, что здесь мы пришли к тому же самому выводу, который пришлось сделать выше в результате анализа ситуации с заработной платой российских наемных работников!

Вернемся к пенсионерам (из которых основную часть статистика не относит к категории лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума). И вспомним, что, при существующем в России уровне пенсий, 70-80% пенсионеров фактически испытывают постоянную и острую нехватку денежных средств. И, таким образом, представляют собой своеобразный тип "чистого" экономического маргинала, формально имеющего постоянный источник дохода. Напомним также, что любое серьезное заболевание для большинства российских пенсионеров (а они, конечно же, болеют) – почти всегда "финансовая катастрофа".

Таким образом, к категории лиц с явно недостаточными средствами существования фактически относятся:

(1) все "не пенсионеры" с уровнем денежного дохода ниже прожиточного минимума;

(2) 70-80% пенсионеров (практически все те из них, кто не может пользоваться поддержкой сравнительно зажиточных детей).

Итого – 57-62 млн. чел. из 145,5 млн. населения страны, то есть около 40%. Такова в сегодняшней Новой России доля экономических маргиналов.

Здесь стоит напомнить, при каких условиях "опрокинулась" Старая Россия. По имеющимся оценкам, общая масса (городского и сельского) "бедствующего люда" там составляла 50-60% всего населения.

Отсюда следует вывод: при нынешних социально-экономических тенденциях указанный "критический порог" массы экономических маргиналов может быть в России достигнут достаточно быстро. А тогда потенциал социальной и экономической нестабильности, несомненно, превысит критический уровень, и страна вновь "зависнет над социальной бездной".

Особенность такого "висения", как показывает исторический опыт, состоит в том, что страна "висеть" над бездной может довольно долго. Но рано или поздно происходит срыв. Со всеми вытекающими отсюда последствиями для политики, экономики и социальной жизни.

Еще одним мощным фактором, способствующим быстрой маргинализации общества и массовой генерации экономических, социальных, культурных и криминальных маргиналов, является безработица. Которая не только быстро

приводит людей на "социальное дно", но и оказывает (о чем сказано и написано много) очень серьезное негативное влияние на их психику и мироощущение.

Напомним, что высокий уровень безработицы в период "Великой депрессии" за несколько лет довел сверхблагополучные США до грани острого социального кризиса. Реформы Рузвельта были, как хорошо известно, "кризисной реакцией" на катастрофическую социальную обстановку, и были прямо и непосредственно направлены на блокирование процесса маргинализации американского общества.

Именно такие цели преследовали щедрая программа помощи безработным (отметим, что аналогичная программа была принята и в Англии), обширные программы общественных работ (любой ценой занять безработных), программы помощи фермерам (с тем, чтобы не допустить их разорения).

Кроме того, администрация Рузвельта в период депрессии предприняла решительные меры по оживлению экономики, прежде всего, за счет гигантских государственных финансовых вливаний. Прежняя политика "сбалансированного бюджета", соответственно, была на это время решительно отброшена.

Если рассматривать статистическую численность работающих и безработных в масштабе нашей страны в целом, создается впечатление, что сейчас безработица не представляет для России большой проблемы. Так, в 2002 г., по данным российской статистики, среднегодовая численность работающих составляла 65,4 млн. чел, численность безработных в конце ноября – 6,15 млн. чел.¹²⁸ На март 2004 г. численность занятых – 66,5 млн. чел., безработных – 5,7 млн. чел.¹²⁹

Однако, если рассмотреть проблему российской безработицы внимательнее, ситуация начинает выглядеть не так благополучно.

Обычный безработный в развитой стране получает пособие по безработице. В России он его, как правило, не получает. А если и получает, то мизерное и никак не обеспечивающее минимально сносную жизнь.

Так, в 2002 г. в России на пособия по безработице и материальную помощь безработным было израсходовано 10598 млрд. руб., или 0,1% ВВП¹³⁰. В то же время среднеевропейский уровень затрат на пособия по безработице составляет 1% ВВП (в

¹²⁸ Российский статистический ежегодник 2003. М., 2003, с. 30 и 31.

¹²⁹ Социально-экономическое положение России. Январь-март 2004 г., с.199.

¹³⁰ Российский статистический ежегодник 2003, с. 198.

Чехии – 0,3%, в Венгрии – 0,4%), а общие расходы по рынку труда – примерно в 2 раза больше¹³¹.

Соответственно, рядовой российский безработный, чаще всего, даже не желает обременять себя регистрацией в органах государственной службы занятости. Таковых в марте 2004 г. было зарегистрировано только 1,7 млн. чел. из 5,7 млн. официальных безработных.

Таким образом, в Европе (в том числе развитых странах Восточной Европы) действие механизма превращения безработных в маргиналов сравнительно надежно заблокировано. А у нас этот механизм работает на полную мощность.

Далее, нужно иметь в виду, что в 1993 г. почти все работающие (их было тогда 75,3 млн. чел.) были заняты в системе крупных и средних предприятий и организаций. А в феврале 2004 г. в системе крупных предприятий и организаций было занято лишь 39,1 млн. чел., плюс 1,8 млн. чел. работали на условиях совместительства и по договорам в эквиваленте "полной занятости"¹³². То есть, в системе крупных и средних организаций и предприятий за этот период исчезло более 25 млн. рабочих мест.

А что при этом появилось? Конечно, же, малое предпринимательство. Среднегодовая численность работающих в системе малого предпринимательства составила в 2002 г. (включая торговлю и сельское хозяйство) всего лишь 7,22 млн. чел.¹³³.

Это – весь наличный эквивалент исчезнувших после 1990 г. рабочих мест. В условиях экономики, переживающей острейший кризис, и при том, что объем производства услуг в стране все это время быстро и неуклонно сокращался.

Но это означает, что реальная "твердая" занятость в России на 2004 г. составляет не официальные статистические 66 млн. чел., а приблизительно $39+2+7 = 48$ млн. чел. Плюс, конечно, несколько миллионов человек, втянутых в криминальные практики, плюс тюремные и лагерные "сидельцы".

А тогда реальное количество безработных и, скажем так, "условно-занятых" в России – не меньше 15 млн. чел. То есть, наша нынешняя безработица – реально выше, чем в США в самый разгар Великой депрессии.

Однако пока мы говорили только о "средних по стране" показателях. А в действительности наша российская безработица еще и очень сильно варьирует по "региональной горизонтали".

¹³¹ Тенденции в странах Европы и Северной Америки. М., 2003, с. 167.

¹³² Социально-экономическое положение России. Январь-март 2004 года, с. 199.

¹³³ Российский статистический ежегодник 2003, с. 322.

Так, по официальным данным, в 2002 г. номинальная безработица составляла в Москве 1,4% (в 1995 г. было 7,0%), в Московской области – 4,3%, в Санкт-Петербурге – 3,4%, в Ленинградской области – 7,0%, в Псковской области – 8,2%, в Дагестане – 23,9%, в Ингушетии – 44,0%, в Кабардино-Балкарии – 18,7%, в Башкирии – 8,3%, в Чувашии – 9,5%, в Бурятии – 15,4%, в Дальневосточном Федеральном округе – 8,6% (причем в благополучном 1997 г. там было 13,7% безработных), в Приморском крае (который, якобы, не может обойтись без китайских трудовых ресурсов) – 8,9%¹³⁴. При этом (особенно в части, касающейся республик Северного Кавказа и Поволжья) эксперты регулярно утверждают, что официальные цифры безработицы существенно занижены.

Совершенно ясно, что в ряде регионов существующий уровень безработицы делает стремительное развитие процессов маргинализации и криминализации просто неизбежным, как это было в свое время в итальянских Калабрии и Сицилии.

Эти российские регионы, с учетом общего российского спроса на рабочую силу и реальных возможностей "трудовой мобильности" в стране, не в состоянии "экспортировать" свои избыточные трудовые ресурсы вовне. А вот заражать окружающее пространство криминальной активностью, экспортировать преступность, – они (так, опять-таки, было в свое время в Италии) вполне могут. И это, как все мы видим по ежедневным криминальным новостным сводкам, происходит, причем во все больших масштабах.

На наш взгляд, проблеме критического уровня безработицы (и проблеме уровня безработицы вообще) в России необходимого внимания не уделяется. И это может иметь очень плачевные последствия.

Социальная политика развитых стран ориентирована, прежде всего, на минимизацию активности социальных генераторов маргинальных элементов. Иногда, в случаях эксцессов с грубыми нарушениями закона, при этом используются и репрессивные меры, но лишь в качестве вспомогательного средства. Прежде всего, стараются не доводить до эксцессов.

В этом отношении показательна политика в области социального обеспечения и пособий по безработице, проводимая (причем уже очень давно) в США. Поскольку концепция "плавильного котла наций" постоянно находится в центре американской социокультурной доктрины, написано по данному поводу очень много. При этом регулярно подчеркивается, что афроамериканцы и латиноамериканцы, а также ряд других

¹³⁴ Российский статистический ежегодник 2003, с. 131-136.

социально и экономически слабых групп, в целом интегрированы в американское общество, прежде всего, благодаря особой государственной социальной политике.

Заметим, что эта политика регулярно подвергается острой критике за "социализм" и "расовый перекося", дискриминирующий белых американцев в пользу "цветных". Но критикам отвечают: если бы в США проводилась другая социальная политика, то американское общество давно бы превратилось в глубоко маргинальное сообщество, а США стали территорией новой гражданской войны.

В России, где сходные проблемы стоят очень остро, они, пока что, всерьез практически не обсуждаются. Хотя, вновь напомним, российское общество даже сегодня еще полностью не изжило демографические и социально-экономические последствия Великой Отечественной войны. Так, на 1 января 2003 г. численность женщин в России была 76,3 млн. чел., а мужчин – 66,8 млн. чел.¹³⁵.

То есть, нормальный процесс демографического воспроизводства в России до сих пор не восстановлен. И социальная политика должна учитывать этот момент.

Доминирующая точка зрения в кругах нынешней российской власти, определяющих экономическую политику, ни этого, ни других, описанных выше, обстоятельств, – похоже, во внимание не принимает. Судя по выступлениям множества правительственных чиновников и, главное, бюджетным проектам, расходы социального характера рассматриваются, скорее, как подлежащий искоренению "пережиток социализма", либо просто как фактор, обременяющий экономику и препятствующий эффективному функционированию рыночного механизма.

При этом совершенно не учитывается, что эти расходы в России, хотя бы по меркам развитых стран, где никогда не было "социализма", – невелики и в абсолютном выражении, и в доле в отношении к ВВП.

Например, в США трансфертные платежи, то есть выплаты "живыми деньгами" населению, составляли в начале 90-х годов XX века (заметим, после того, как рейгановская администрация изрядно срезала с населения "социальный жир") около 17% ВВП¹³⁶. В настоящее время такие трансфертные платежи в США превышают полтора триллиона долларов.

В России совокупные социальные выплаты (пенсии, пособия по социальному страхованию, другие выплаты) составляли в 2002 г. в

¹³⁵ Российский статистический ежегодник 2003, с. 95.

¹³⁶ Statistical Abstract of The United States. 1996, p. 451.

абсолютном выражении 998 млрд. руб., или 9,2% ВВП, или 14,7% всех денежных доходов домашних хозяйств¹³⁷.

В долларовом исчислении, по паритету покупательной способности, это 105 млрд. долл.¹³⁸. По сравнению с 1,5 трлн. долл. в благополучных США – явно "не слишком жирно".

Но, быть может, США – случай исключительный? Для сравнения рассмотрим, как выглядит ситуация с социальными выплатами в некоторых других странах (заметим, никогда не строивших "социализма" и не находившихся в ситуации острого социально-экономического кризиса).

Доля социальных выплат (социальных трансфертов) в доходах домашних хозяйств составляла в 1996 г. в Австралии – 17%, Великобритании – 15%, Германии – 23%, Испании – 21%, Италии – 22%, Франции – 28%, Швейцарии – 26%, Швеции – 26%, Южной Кореи – 13,4%, Японии – 21%¹³⁹. То есть, доля социальных выплат в доходах домашних хозяйств в России вовсе не уникальная, а весьма умеренная (если принять во внимание тяжелейшую ситуацию с доходами у большинства российского населения – более чем умеренная).

Причем подавляющее большинство социальных выплат в России приходится на пенсии. Расходы Пенсионного фонда составляли в 2002 г. 790 млрд. руб., или 7,3% ВВП¹⁴⁰. Фактически это, может быть, единственная компонента российской системы социальных расходов, более или менее соответствующая (пусть не в абсолютном выражении, но, хотя бы, по долевой части в ВВП) социальным стандартам современного развитого общества.

Ну, а как у нас обстоит дело с другими важнейшими социально-значимыми расходами бюджета?

В 2002 г. расходы консолидированного бюджета на социально-культурные мероприятия составили 1357 млрд. руб., или 12,5% ВВП¹⁴¹. Это примерно в полтора раза меньше, чем доля в ВВП только социальных выплат в таких странах, как Франция, Швеция, Швейцария. А в 2004 г. дело обстоит еще плачевнее. В январе-феврале расходы на социально-культурные мероприятия составили 166 млрд. руб. (7% ВВП в пересчете на год)¹⁴².

Расходы консолидированного бюджета России на жилищно-коммунальное хозяйство в 2002 г. равнялись 222 млрд. руб. (0,2%

¹³⁷ Российский статистический ежегодник 2003, с. 31 и 177.

¹³⁸ Там же, с. 177 и 630.

¹³⁹ Россия и страны мира. М., 2002, с. 111.

¹⁴⁰ Российский статистический ежегодник 2003, с. 177.

¹⁴¹ Там же, с. 548.

¹⁴² Социально экономическое положение России. Январь-март 2004 года, с. 11, 140.

ВВП), или, в пересчете на доллары по паритету покупательной способности, 23 млрд. долл.¹⁴³ А по состоянию на начало 2004 г. эти расходы еще снизились (до 202. млрд. руб. в пересчете на год)¹⁴⁴.

Это – существенно меньше, чем в Канаде, где климатические условия схожи с нашими, а население составляет 20% от российского¹⁴⁵. Мне уже приходилось писать, что в России прочно укоренилась точка зрения, будто затраты на жилищно-коммунальное хозяйство, ЖКХ (которые, кстати, осуществляются всюду, и в России, в том числе, за счет местных бюджетов) – это некие антирыночные субсидии¹⁴⁶.

Затраты на ЖКХ делятся во всем мире на две категории. Одна из них – затраты на услуги коммунального хозяйства, которые обязаны оплачивать их пользователи, физические и юридические лица. Вторая – затраты, которые оплачиваются за счет местных бюджетов (так сейчас во всем мире, и так было в Старой России) и в основном идут на содержание и развитие городского коммунального хозяйства.

Вот эту вторую категорию затрат в нынешней России настойчиво объединяют с первой и именуют "субсидиями". И одна из основных целей "реформы ЖКХ" – ликвидация этих "псевдосубсидий", то есть фактическое перекладывание их финансирования на плечи населения.

Общая тенденция в "социальном" сегменте российской экономики, которую обнаруживают приведенные данные, следующая.

ВВП в номинальном выражении – растет. В 2002 г. ВВП составлял 10,8 трлн. руб., а в январе - феврале 2004 г. (в пересчете на год) – примерно 14 трлн. руб. Но социальные расходы при этом – снижаются.

В настоящее время социальные выплаты сводятся практически к выплатам за счет пенсионного фонда. Российская система здравоохранения сидит на "голодном пайке" смехотворных затрат около 0,5% ВВП. Если пенсионные выплаты начать существенно сворачивать, а также в 2-3 раза уменьшить расходы на систему образования (тенденция к чему явно просматривается в последних инициативах правительства), то система социальных затрат окажется в России примерно на том уровне, на каком она была в

¹⁴³ Российский статистический ежегодник 2003, с. 177, 670.

¹⁴⁴ Социально экономическое положение России. Январь-март 2004 года, с. 140.

¹⁴⁵ Россия и мир. М., 2002, с. 41.

¹⁴⁶ Л.С.Черной. Экономика. Рынок. Государство. М., "Наука", 2000, с. 152-154.

Старой России, и на какой она находится в развивающихся странах латиноамериканского типа.

В настоящее время, как известно, предлагается, с целью сокращения выплат пенсий, повысить в России возраст выхода на пенсию (это при том, что уже сегодня средняя продолжительность жизни мужчин меньше 60 лет). Мотивируется данное предложение, естественно, тем, что пенсионный возраст уже давно и заметно повышают в развитых странах Запада.

Однако на Западе система сравнительно позднего выхода на пенсию сочетается с эффективной системой социального обеспечения и, в том числе, с системой пособий по безработице, соответствующих прожиточному минимуму. В России же – возраст выхода на пенсию собираются поднять в условиях отсутствия подобных "социальных стабилизаторов".

Отметим, что в Старой России земская медицина была бесплатна, массовое образование в значительной части было бесплатно, была также и пенсионная система (для чиновничества и военных). Остальных социальных гарантий – практически не было. Таким образом, социальные реформы, которые проводятся и обсуждаются сейчас в России, указывают на явную тенденцию возврата системы социальных расходов в положение, в котором она находилась в эпоху Российской империи.

Сторонники этой тенденции очевидным образом упускают из вида "проблему маргиналов". То есть, проблему необходимости блокировать процессы их генерации и свести к приемлемому минимуму уровень маргинализации общества на перспективу.

8.3. Российские социальные тенденции и реакции делового мира

Часто говорят, что политика снижения социальных расходов (и, соответственно, налогов, в том числе единого социального налога) – это политика, насущно необходимая для привлечения инвестиций и повышения прибыльности российского бизнеса. А затем, мол, поднявшийся бизнес создаст новые рабочие места, наполнит бюджет и позволит эффективно решать социальные проблемы.

Однако нынешнему российскому бизнесу нужна не только высокая прибыльность. Ему еще нужно многое. Прежде всего – дешевый кредит, эффективная фондовая биржа (не занижающая многократно стоимость активов) и низкий уровень конъюнктурных рисков. А все это оказывается, как мы видим, невозможно в условиях, когда нет никаких долгосрочных гарантий социальной стабильности.

Стратегический инвестор, вкладывающий деньги в крупные проекты с полным циклом (инвестиции – амортизация вложенного капитала – получение прибыли в размерах, делающих рентабельным инвестиционный проект), живет, в известном смысле, в будущем. Ему, помимо перечисленного (в том числе дешевого кредита как "моста в будущее"), нужен низкий уровень конъюнктурных рисков на перспективу в 10-15 лет.

Ему – нужна уверенность в том, что через эти 10 или 15 лет все в России останется на своих местах. Что острых социальных кризисов не будет. Что политическая ситуация не претерпит радикальных изменений. Что, соответственно, можно с достаточной степенью надежности прогнозировать динамику состояния российских рынков на эти 10-15 лет.

Такой уверенности можно добиться единственным способом – заблокировав действие механизмов социально-экономической дестабилизации. То есть, заблокировав в стране массовую генерацию маргиналов (еще раз подчеркнем, со ссылкой на рассмотренные примеры из отечественной истории, что временные силовые меры по подавлению их активности – проблему не решают).

Единственный надежный способ решения данной проблемы, как показала мировая история, – это сильная (и, значит, достаточно затратная) социальная политика. Вот поэтому и правительства, и деловой мир развитых стран воспринимают высокие налоги и сильную социальную политику как "необходимое зло".

Возвращаясь к проблеме российских революций начала XX века, данный тезис можно сформулировать следующим образом.

Эти революции были, по большому счету, продуктом двух обстоятельств. Первое – проведение деловым сообществом и отчасти администрацией политики "отжатия" из своих производственных активов чрезмерно высокой (максимальной) прибыли. Второе, непосредственно связанное с первым – перегрузка общества маргинальными и просто криминальными элементами, под влияние которых, в конце концов, неизбежно попал и рабочий класс, постепенно усвоивший криминальные методы борьбы с работодателями.

В настоящее время, как показано выше, начинает вполне явственно воспроизводиться та же самая тенденция начала XX века. Во всяком случае, политика российских реформ, в их современном виде (особенно в части неуклонного демонтажа системы социального обеспечения), является мощным генератором новых масс маргиналов.

Деловой мир не может на это не реагировать. Он не может не видеть, что в России отсутствует тот ресурс социальной

стабильности, который способен сделать ее привлекательной для внутренних и для внешних инвесторов – несмотря на гораздо более высокую норму прибыли, чем в большинстве других регионов мира.

Соответственно, капитал уходит из России, невзирая на попытки правительства повысить эту норму прибыли и привлечь стратегических инвесторов путем снижения налогов. Капитал рассуждает так: причем тут налоги, если инвестиционные риски огромны и продолжают расти?

Отметим, что, в поисках причин ухода капитала из России (или его "неприхода") иногда начинают говорить о низком (неприемлемом для современного сложного производства) качестве российской рабочей силы. Мол, в России почти все работники и неряшливы, и не организованы, и непослушны, и неисполнительны, – вот, с ними и не хотят иметь дела.

Такие настроения и такие разговоры в нашей истории уже случались. Уже после революции 1905 г. часть российского делового мира стала серьезно подумывать о возможности в будущем импорта рабочей силы и замены ею отечественных рабочих, если они, так тогда писали, "не найдут в себе силы для нравственного самообуздания".

Видимо, рассуждения в этом же духе начинаются и сегодня. Однако при этом забывают, что привлечь из-за рубежа в Россию при существующем в нашей стране уровне оплаты труда, дорогостоящих жилищах, отсутствии дешевого и эффективного медицинского обслуживания и полукриминальной социальной обстановке – можно только неквалифицированную рабочую силу. В персональном отношении представляющую собой все тех же, склонных к криминализации, экономических маргиналов.

Что же касается действительно эффективной импортной рабочей силы, то она, безусловно, обойдется гораздо дороже, чем самая дорогая, по российским понятиям, социальная политика.

Но расширенной генерацией экономических маргиналов (и их растущим негативным влиянием на экономику) проблемы делового мира в России не ограничиваются. Огромное значение имеют и многие другие – не непосредственно экономические – факторы.

Как уже сказано выше, параллельно генерации экономических маргиналов в России шел (в определенной степени, самостоятельный) процесс генерации социальных и культурных маргиналов.

Этому способствовал ряд взаимосвязанных политических, экономических и социально-психологических (социокультурных) факторов.

Во-первых, не могло не сказаться вопиющее несоответствие результатов реформ обещаниям, которые давались населению в начале этих реформ и в процессе их развертывания.

Во-вторых, практически все (в том числе, наиболее успешные) слои общества понимают, что характер приватизации оказался крайне несправедливым или полукриминальным. Что ставит под принципиальное сомнение (даже если к этому нет решительно никаких юридических оснований) безусловную законность или легальность почти всей российской частной собственности.

В-третьих, на этом фоне оказывается особенно психологически болезненным процесс свертывания (без каких-либо убедительных для социального большинства оснований) системы социального обеспечения.

В-четвертых, разрушение традиционных представлений, согласно которым между трудом и уровнем дохода должна быть связь, – не может не сказываться в форме криминализации массового сознания. Как минимум – на массовом отрицании очень важного для любой нормальной экономической деятельности принципа "не укради".

В-пятых, все перечисленное приводит к неуклонному снижению авторитета всех ветвей и уровней российской власти. Произошла буквально катастрофическая (а в России, в том числе, в эпоху СССР, это было очень важно) десакрализация власти.

В-шестых, одновременно происходит очень быстрая утрата какого-либо авторитета всеми сегментами российской элиты – бюрократической, предпринимательской, культурной, научной, военной и т.д.

В-седьмых, в российском массовом сознании происходит (или уже произошла) гигантская девальвация ценностей либерально-демократической идеологии. Вера в нее у общества в целом, как показывают все сегодняшние социологические исследования, практически утрачена. А поскольку другой, альтернативной, идеологии нет – российский "массовый человек" оказался социально и психологически "без руля и без ветрил".

Все это – не может не порождать в стране, причем в прогрессирующих масштабах, социальных и культурных маргиналов. Причем этот процесс не может не "подхлестываться" самим фактом наличия и "социально-экономической успешности" мощного криминального сообщества. Которое характеризуется своей собственной внутренней динамикой и непрерывно втягивает в свое окружение все более массивную "периферию" из маргинализирующихся и полукриминальных элементов.

Отметим, что в начале процесса постсоветской маргинализации российского общества тип социального и культурного маргинала

был относительно немногочисленным. Огромное большинство экономических маргиналов в этот период не принадлежали к категории социальных и культурных маргиналов. Однако с течением времени экономические маргиналы стали усваивать установки и ценности культурных и социальных маргиналов (рис. 8.3).

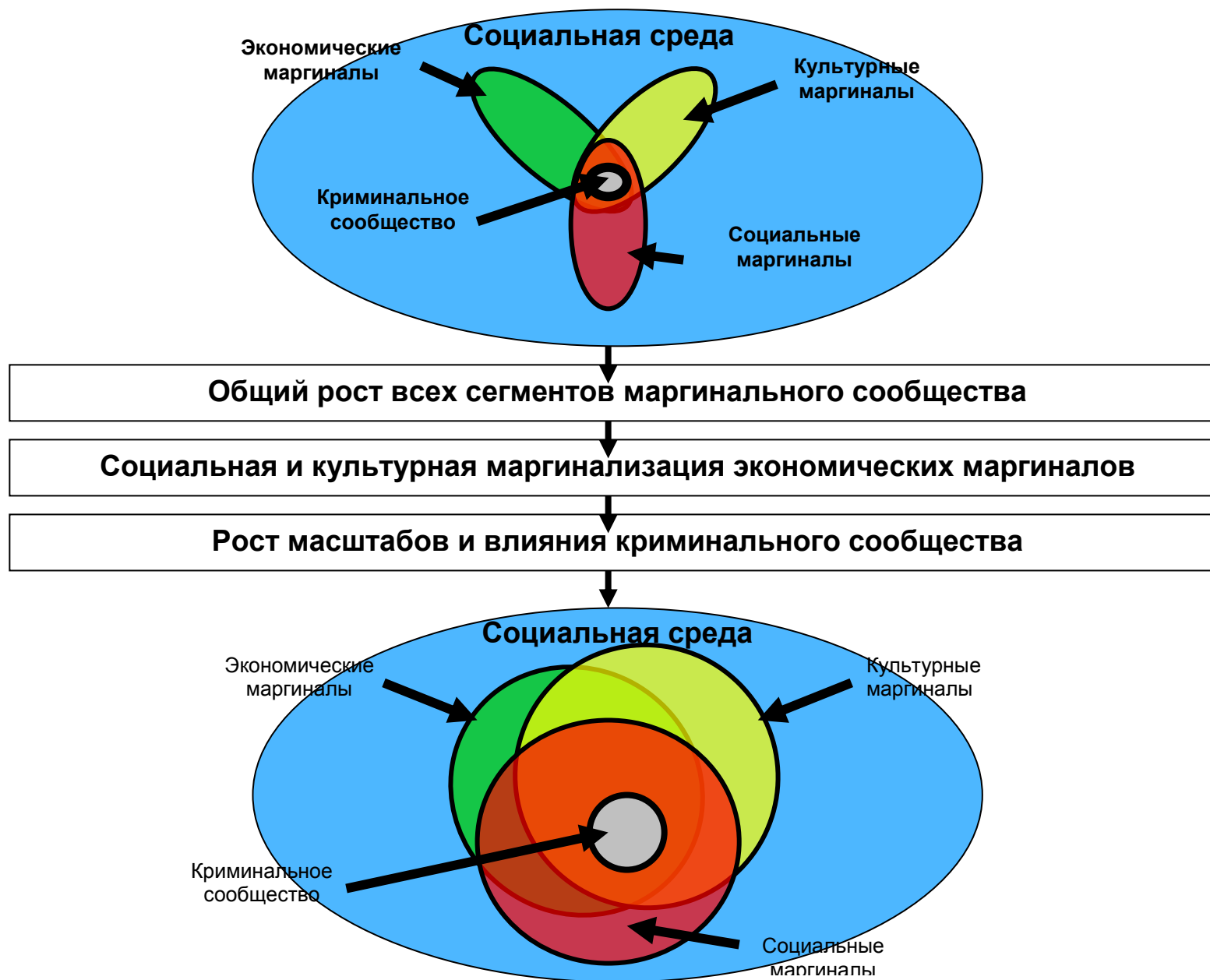

Рис. 8.3. Трансформация маргинального сообщества в ходе увеличения его социальной массы.

Когда процесс "растворения" экономических маргиналов в маргиналах социальных и культурных заходит достаточно далеко, агрессивность маргинального сообщества возрастает и, соответственно, вероятность социальных кризисов увеличивается. При этом, естественно, растут масса и возможности (абсолютные и относительные) криминального сообщества.

Кроме того, в условиях усвоения сообществом экономических маргиналов поведенческих стереотипов социальных и культурных маргиналов – происходит их "горизонтальный перелив" в околomarгинальные слои и, прежде всего, в массу рабочего класса.

Когда такой перелив зашел достаточно далеко, можно сказать, что "кризисные декорации поставлены", и "революционный спектакль" готов начаться. Однако, при образовании большой массы люмпенов, – он может начаться и без массовой психологической маргинализации рабочего класса.

Что это все вместе означает для деловой среды?

На первый взгляд, процесс маргинализации общества не оказывает особого влияния на экономику, пока и поскольку результатом этого процесса не является более или менее крупный социальный кризис (что, в конце концов, бывает не каждый день). Однако это не так.

Процессы маргинализации, как только они начинают сопровождаться ростом криминального сообщества, автоматически начинают влиять на экономику в целом, безотносительно к тому, возможен ли или нет в кратко-среднесрочной перспективе острый социальный кризис.

Во-первых, при наличии более или менее крупного криминального сообщества автоматически возрастает уровень конъюнктурных и инвестиционных рисков, что оказывает парализующее влияние, в первую очередь, на инвестиционную сферу.

Во-вторых, существование крупного криминального сообщества всегда предполагает, что издержки по его содержанию в основном несет экономика в целом. Она вынуждена уплачивать криминальному сообществу регулярную "дань".

В данном случае, разумеется, прежде всего, приходит в голову разного рода криминальный рэккет. Размах которого в России постоянно растет, так что бизнесмен, не платящий в той или иной форме дань "крыше", является почти легендарной фигурой (не исключение и большинство работающих в стране иностранных предпринимателей). Причем наиболее серьезное обстоятельство – то, что значительная часть российских социальных масс уже

считает подобные криминальные поборы с "капиталистов" почти "справедливой нормой".

Однако объектами рэкета со стороны криминального сообщества лишь формально являются отдельные бизнесмены. Фактически, рэкету подвергается экономика России в целом. Именно экономика в целом вынуждена уплачивать криминальному сообществу эту самую "дань", или своего рода криминальный налог.

Размеры этого налога, судя по тому, что в криминальные практики в нашей стране уже втянуто несколько миллионов человек, никак не меньше 5% ВВП (по ряду оценок, до 10-12% ВВП). Обратим внимание на существенный момент: этот криминальный налог уже сегодня в России сопоставим по размерам с единым социальным налогом.

Таким образом, работает принцип: чем меньше затраты на социальное обеспечение (чем меньше, соответственно, налоговые изъятия для его покрытия), – тем больше уровень маргинализации общества, и тем активнее криминальное сообщество. И, значит, тем выше "налог", выплачиваемый экономикой криминальному сообществу, и тем выше связанный с ростом активности криминального сообщества уровень конъюнктурных рисков (рис. 8.4).

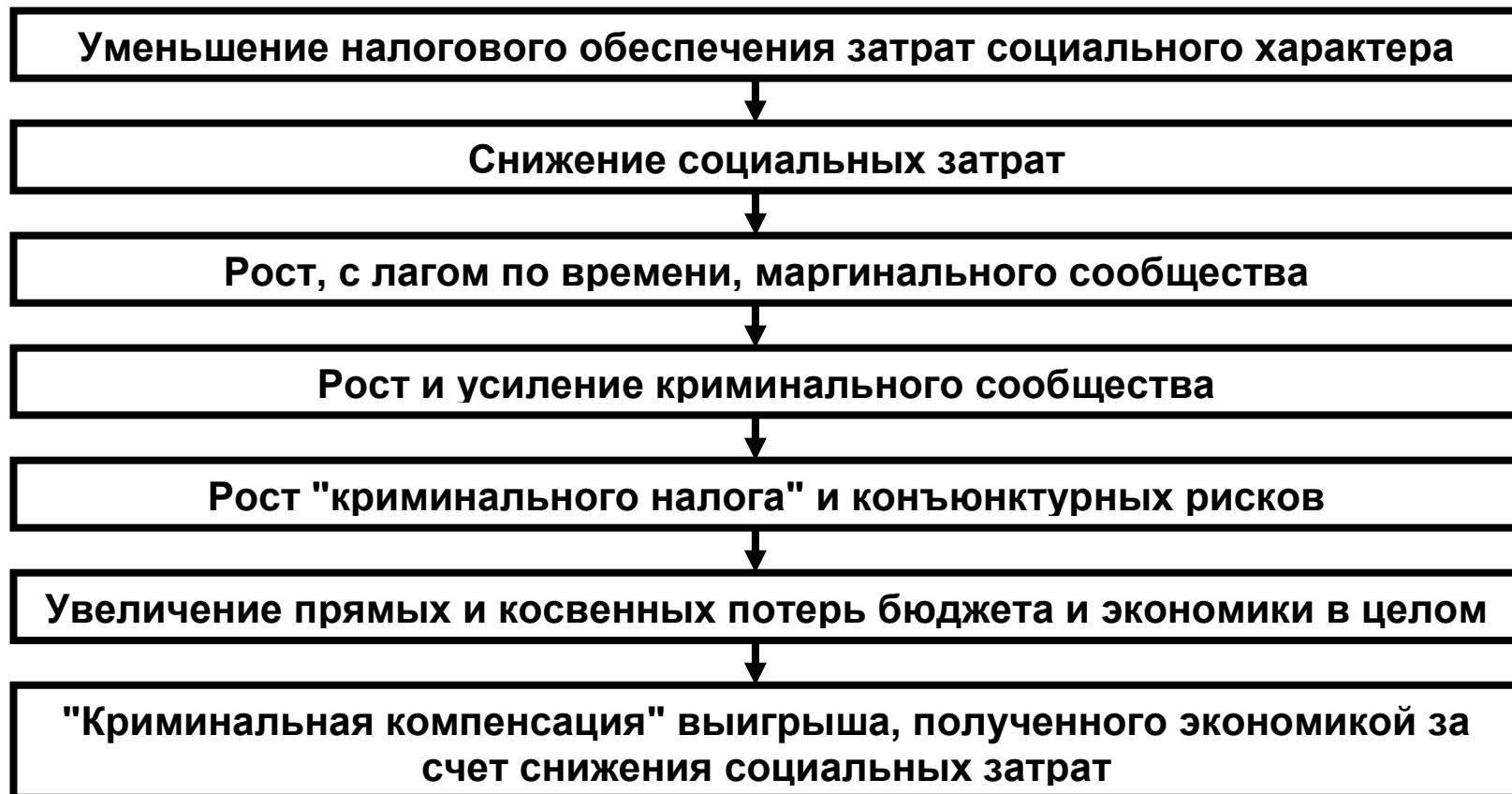

Рис. 8.4. Система связей, препятствующих выигрышу экономики за счет снижения затрат социального характера.

Поэтому заявления о том, что экономика России безусловно (и много) выиграет от снижения социального налога – крайне необдумательны.

Вначале, по причине высокого уровня инвестиционных рисков, вероятно, просто возрастет экспорт капитала. Затем, когда снижение социального налога и социальных затрат даст "побочный продукт" в виде количественного умножения маргиналов и сопряженного с ним роста криминального сообщества, последнее увеличит объем дани, взыскиваемой с экономики. И, таким образом, опосредованно превратится в основного "бенефициара" итоговых дивидендов от социального налога.

При этом не исключена и такая ситуация, когда для предпринимательского сообщества страны прирост "налога" на содержание криминального сообщества – превысит эффект от снижения единого социального налога.

Все правительства в США поддерживают высокий уровень социальных затрат не столько из "любви к ближнему", сколько по той причине, что опасаются описанного выше развития событий.

В России его не опасаются. Но, возможно, не опасаются зря.

В-третьих, по мере роста криминального сообщества – происходит неизбежная криминализация предпринимательского сообщества. Соответственно, снижается его эффективность, конкурентоспособность и склонность к инвестициям в производственный сектор экономики (особенно – в капиталоемкие проекты). Социальный контекст для нормальной рыночной экономической деятельности оказывается предельно неблагоприятным.

В стране с высоким уровнем маргинализации экономики эффективное предпринимательское сообщество становится невозможным уже потому, что предприниматели перестают доверять друг другу, и отношения между ними, по мере развития процесса криминализации, в существенной степени начинают регулироваться уже чисто криминальными посредниками.

В том числе, – потому, что одной из очень больших трудностей любого законного бизнеса оказывается поиск не просто эффективных, а по-человечески надежных контрагентов для любых операций. От производства (в том числе подрядных и субподрядных работ) до оплаты работ и выплаты налоговых и иных сборов. Причем это касается практически в равной степени и мелкого, и среднего, и крупного бизнеса. Говоря на языке экономистов, предпринимательская деятельность оказывается сопряжена с неприемлемыми (даже при очень большой норме прибыли) транзакционными издержками.

Все это уже имеет место в России.

В-четвертых, массовая маргинализация и теневая экономика, как уже сказано выше, – "близнецы-братья". Растет маргинализация общества – растет и теневая экономика, отвоевывающая (она ведь налогов, регистрационных сборов и т.п. не платит!) все более крупные ниши на рынках у легального законопослушного бизнеса.

В-пятых, в обществе с высоким уровнем маргинализации – невозможна эффективная администрация. Чиновник, родственники которого являются маргиналами (или которым угрожает маргинализация), всегда склонен к использованию служебного положения. Понято и обсуждается это давно. И повышение должностных окладов чиновничеству, предпринятое весной 2004 г., по существу, имело целью предотвращение его маргинализации (конкретно – его удержание от использования служебного положения в корыстных целях).

Однако эта цель, скорее всего, не может быть достигнута таким путем. Древняя китайская пословица не случайно гласит: "В голодном уезде нет честного человека". Как не случайно и древнее китайское пожелание недругу: "Чтоб тебе жить в эпоху перемен".

Важной и неотменимой особенностью обществ с высоким уровнем маргинализации является общая нестабильность. В таких обществах всегда что-то постоянно меняется, в них всегда что-то реформируют. То есть, это – общества с высокими административными рисками.

И взятки в таких обществах берутся примерно по той же причине, по какой сурок делает запасы на зиму. Чиновник в обществе с высокими административными рисками не может не считаться с тем, что сегодня он – сравнительно привилегированное лицо, а завтра вовсе не гарантирован от того, что свалится в маргинальную пропасть.

Советский чиновник, при всех его описанных выше недостатках, "не брал" (или "брал" относительно мало) именно потому, что он, практически, мог не опасаться превращения в маргинала. Но в условиях высокого уровня маргинализации общества и низких социальных затрат – проблема взяточничества и практически, и теоретически до конца не решается.

Значение всего этого для экономики очевидно.

8.4. Механизм маргинальной дестабилизации общества и современные российские реалии

Вопрос этот уже затрагивался применительно к великим российским революциям.

Особенность этих революций состояла в том, что маргинализированные массы с полукриминальной психологией

были сосредоточены в столицах, причем в 1917 г. они получили мощное подкрепление в виде гарнизонных солдат, являвших собой, в значительной части, чуть ли не чистый тип социального маргинала.

Современная обстановка в России – принципиально другая.

Прежде всего, большая часть маргинальной массы сосредоточена на территориальной периферии.

Кроме того, в нынешней России налицо очень сильные колебания уровня маргинализации общества по горизонтали (в примерном соответствии с уровнем дифференциации доходов). Этим Россия, кстати, сильно отличается от развитых государств (в данном отношении она – типичная развивающаяся страна).

Вернемся теперь к данным о количестве в нашей стране лиц с денежными доходами ниже прожиточного уровня (или находящихся "за чертой бедности"), и сравним их с положением в других странах. Сравнивать будем официальные показатели, хотя они и в России, и за ее пределами, как правило, занижают реальную численность лиц, находящихся за чертой бедности. Но поскольку это занижение, вероятно, не слишком "диспропорциональное", такое сопоставление, тем не менее, имеет вполне важный смысл.

Налицо следующая картина. В России в 2002 г. лиц с денежными доходами ниже прожиточного уровня насчитывалось 25% (см. выше).

За пределами России по состоянию на конец 90-х годов XX века за чертой бедности находилась следующая (в %) часть населения¹⁴⁷:

1. В благополучных странах:

- в США – 11,3%; в Германии – 9,1%; в Италии – 11%; в Финляндии – 5%; в Японии – 4%;

2. В неблагополучных странах:

- в Аргентине – 17,6%; в Бразилии – 22%; в Египте – 23%; в Алжире – 23%; в Индонезии – 27%; в Пакистане – 34%; в Нигерии – 34%; в Индии – 35%; на Филиппинах – 37% населения.

Россия, как очевидно из приведенных данных, оказывается "в одной компании" с весьма неблагополучными странами.

Между тем, в Аргентине (где, как известно, несколько лет назад дело дошло до крупного социально-политического кризиса) – доля в населении лиц, находящихся за чертой бедности, существенно меньше, чем в России.

В Пакистане обстановка характеризуется сугубой нестабильностью, демократические институты фактически не работают. Кроме того, правительство много лет совершенно не

¹⁴⁷ Россия и страны мира. М., 2002, с. 106.

контролирует значительную часть территории, населенную пуштунскими племенами.

На Филиппинах уже несколько десятилетий налицо не поддающиеся искоренению анклав, совершенно выпавшие из основного правового поля и контролируемые мусульманскими и маоистскими повстанцами.

В Нигерии уровень социально-политической нестабильности высок постоянно. Дело регулярно доходит до крупных племенных восстаний в Дельте, где расположены основные нефтепромыслы, с целью их отделения от остальной страны и обращения доходов от нефтедобычи исключительно на собственные нужды.

Вот в какой, приблизительно, компании оказалась Россия по уровню бедности. И потому нельзя не опасаться, что сравнительно небольшой дальнейший рост числа бедных у нас в стране – вполне может создать значительный по масштабам потенциал социальной нестабильности.

Но это – средняя ситуация по стране. А в ряде регионов России, по той же официальной статистике, критический уровень экономической маргинализированности общества уже превышен (например, в ряде республик Северного Кавказа). И есть еще немало регионов, где этот уровень находится в "околокритической" зоне.

Это значит, что между условиями проведения реформы в Москве или, например, в Кабардино-Балкарии, или даже на Дальнем Востоке – лежит социальная пропасть. Хотя бы по тем причинам, что уровень социальной конфликтности (и сопряженных с ней конъюнктурных хозяйственных рисков) в России сильно варьирует по горизонтали. Причем на периферии он, в среднем, много больше, чем в столицах, а в некоторых районах – просто критически высок.

Чеченский кризис, по своему происхождению, также находится в непосредственной связи с описанной проблемой (хотя его генезис, разумеется, к этим проблемам не сводится). Этот кризис дает достаточно наглядную картину того, как могут развиваться кризисные социально-политические события в ряде регионов России (даже если исключить из рассмотрения специфически военный аспект кризиса). Последовательность событий в Чечне в рамках такого рассмотрения была следующей.

В условиях "взрывной" экономической либерализации скачком ухудшилось экономическое положение жителей республики.

В результате начал резко возрастать уровень маргинализированности чеченского общества.

Он превысил пороговый уровень.

Чечня выпадает из общероссийского правового поля.

События переходят в фазу острого политического кризиса.

Начинается вмешательство извне, обостряющее кризис и конфронтацию.

Кризис становится хроническим.

В настоящее время его, как известно, пытаются изжить методом массированных финансовых вливаний. Метод этот является, в принципе правильным. Но в данном конкретном случае он, без комплекса других мер, задачу ликвидации кризиса не решит.

Во-первых, при существующем уровне маргинализированности чеченского общества и экономическом расстройстве Чечни – размеры финансовых вливаний в республику, способные быстро понизить кризисный потенциал (даже в чисто экономическом смысле), настолько велики, что выделение соответствующих объемов финансовых ресурсов Центру, при условии консервации существующей экономической политики, просто не под силу.

Во-вторых, маргинализованная и криминализованная чеченская социальная среда – практически утратила те бюрократические аппараты и социальные механизмы, которые могут превратить поступающие финансовые средства в инструменты ликвидации маргинального и криминального сообществ в республике. И восстановление таких аппаратов и механизмов потребует больших усилий и немалого времени.

Таким образом, в Чечне Россия имеет зону хронического социального кризиса, непосредственно обязанного своим возникновением и существованием вышекритическому уровню маргинализированности населения.

В ряде других регионов Северного Кавказа ситуация находится на грани серьезного кризиса. Связь этого обстоятельства с высоким уровнем безработицы и, соответственно, маргинализации местного населения – также очевидна.

При этом наблюдается такое явление, как возникновение в окрестностях очага первичного острого социально-политического кризиса (Чечня) вторичных кризисных зон, и постепенное превращение почти всего Северного Кавказа (в первую очередь, его горной части) в единую зону социально-политического и экономического кризиса. Эта зона к настоящему времени (осень 2004 г.) неуклонно идет к реальному выпадению из общероссийского правового поля.

Данное обстоятельство, помимо описанных проблем, создает еще одну проблему, чрезвычайно важную с точки зрения региональной экономики. Почти на всем Северном Кавказе, в зоне кризиса (то есть сверхвысоких инвестиционных рисков), никакие солидные производственные инвестиции, кроме государственных

(или под надежные государственные гарантии), – до ликвидации описанного "кризисного фона" нереальны.

Конечно, нельзя сводить причины и обстоятельства развития кризисной зоны на Северном Кавказе лишь к проблеме роста маргинально-криминальной компоненты в социальной среде. В частности, много и справедливо говорится об активности в этом регионе как международного терроризма, так и зарубежных спецслужб.

Этот "внешний системный контекст" при рассмотрении процессов в российской социально-государственной системе и ее локальных подсистемах, разумеется, необходимо учитывать. Но при этом нужно подчеркнуть, что никакие успехи международного террора или иностранных спецслужб в регионе были бы невозможны, если бы не благоприятный для их деятельности местный, глубоко кризисный, "социальный фон".

Как мы уже говорили выше, "пролетарская революция" в Москве и Санкт-Петербурге невозможна.

А вот "кавказизация" России, то есть возникновение, по мере роста массы маргинальных элементов, множественных очагов их вышекритической концентрации, с дальнейшим развитием в этих очагах социального, политического и, как следствие, экономического кризиса – в свете описанного отнюдь не исключена.

Можно предполагать возможность возникновения таких очагов, в перспективе 3-8 лет и при определенных обстоятельствах, в Поволжье, в Сибири, на Дальнем Востоке (прежде всего, в регионах, где сегодня наблюдается высокая и растущая явная и скрытая безработица).

Модель процесса при этом, видимо, будет та же, что и на Северном Кавказе.

Сначала возникает очаг острого кризиса, внешне проявляющийся в постепенном выпадении региона из общероссийского правового поля.

Затем в окрестностях очага первичного кризиса начнут возникать и расширяться очаги вторичных кризисов.

Затем эти первичные и вторичные очаги будут смыкаться в одну большую общую территорию, захваченную кризисом.

Схема развития этого процесса приведена на рис. 8.5.

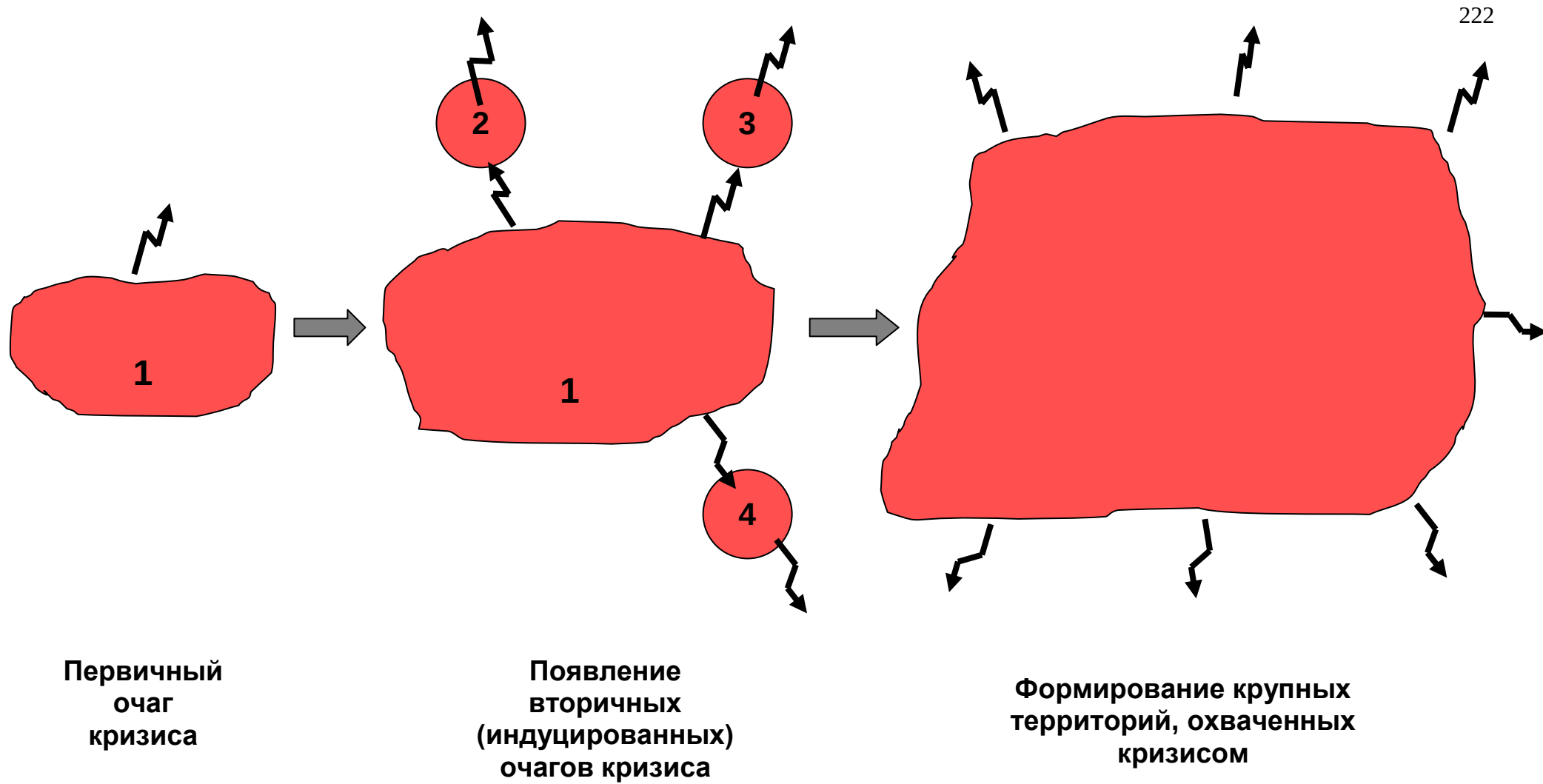

Рис. 8.5. Схема развития периферийного кризиса

Отметим, что именно по такой модели события развивались летом 1918 г., в период возникновения консолидированной "антибольшевистской" территории к востоку от Волги.

Сначала образовались локальные антибольшевистские очаги (в которых власть захватили антибольшевистские маргиналы) в Поволжье (Комуч), на Урале (Уральская Республика), в Западной Сибири ("Сибирское" правительство во главе с Вологодским), а также на Дальнем Востоке.

Затем все эти очаги слились, и власть сначала оказалась в руках так называемой "Уфимской директории". А затем была проведена ее "реконструкция", и Верховным правителем объединенной "антибольшевистской" территории стал адмирал Колчак.

Конечно же, в настоящее время реализация подобной модели совершенно невозможна. Но определенные предпосылки к развитию ситуации "по образцу 1918 г." – полностью не исчезли.

В частности, заслуживают особого внимания условия возникновения кризисных очагов в Уральском Федеральном округе, куда в настоящее время входят Курганская, Свердловская, Челябинская и Тюменская область (последняя включает Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ).

Численность населения Уральского округа в 2002 г. – 12,5 млн. человек¹⁴⁸. Но одновременно на этот округ приходится 67% добычи российской нефти, 91% добычи природного газа, 37% производства проката¹⁴⁹. Это означает, что население округа могло бы жить, самостоятельно эксплуатируя свои природные богатства, почти как в Саудовской Аравии (и лучше, чем в Норвегии, с ее огромными расходами на социальные нужды). А между тем, население округа живет (и будет жить при инерционном варианте развития реформ), в лучшем случае, как в Бразилии.

Данный пример приведен потому, что описанные выше соображения уже озвучивались в элитных группах округа в конце 80-х годов XX века, и вновь озвучиваются сегодня. А потому совершенно ясно, что продолжение политики российских реформ в том инерционном духе, который сейчас заявляется правительством, неизбежно приведет в Уральском Федеральном округе в целом (или в его части) к развитию "отделенческих" тенденций.

Если говорить о политическом формате таких тенденций, нужно отметить, что об "Уральской республике" (была такая в 1918 г.) на Урале вспомнили еще в 90-е годы, причем именно на уровне элиты.

¹⁴⁸ Российский статистический ежегодник 2003. М., 2003, с. 95.

¹⁴⁹ Там же, с. 350.

Мечта преобразовать регион в отдельную Республику, как известно, в региональной элите по-прежнему жива. И даже институт назначаемых Центром (и, безусловно, лояльных Москве) губернаторов, в условиях роста массовой маргинализации населения, порождаемой неэффективным реформированием, возможности острого кризиса в Уральском регионе (который здесь взят лишь в качестве примера) – не исключит.

Еще раз подчеркнем следующее важное обстоятельство.

Нынешний вариант российских реформ исходит, в неявной форме, из того, что сопротивление курсу реформ возможно только со стороны организованного оппозиционного сектора общества. Проблема маргиналов при этом, похоже, совершенно игнорируется.

Не принимается в расчет, что реформы не просто так или иначе влияют на положение масс населения, но одновременно могут стать фактором ускоренного формирования маргинального сообщества (в том числе, в глубоко криминализованном варианте). И что именно "неорганизованные маргиналы", при очень незначительных целенаправленных (или даже стихийных) иницилирующих импульсах, в состоянии создать обстановку острого кризиса сначала в отдельных точках российского государственного пространства (что, отчасти, уже налицо), а затем и на более обширных территориях.

Глава 9. Арифметика и алгебра рынка и "пространственный фактор" российской экономики

В зеркале неоклассической теории рыночное хозяйство выглядит очень просто. Есть некий единый и однородный рынок, различия между финансовыми и нефинансовыми рынками и вообще между разными рынками игнорируются, проблема конъюнктурных рисков не рассматривается. Инвестиционная проблема игнорируется, как если бы все рыночное хозяйство базировалось на малокапиталоемких технологиях, пространственный фактор рыночного хозяйства и проблема транспортных издержек – не учитываются.

Эти допущения и упрощения, с теоретической точки зрения, имеют определенный смысл, поскольку позволяют описать действительно фундаментальную для условий хозяйства систему факторов, определяющих его рыночную природу.

Но экономическая теория – вообще, конечно же, не игнорирует те аспекты экономической действительности, которые, с точки зрения классической и неоклассической теории, несущественны. Они, как правило, изучаются частными экономическими теориями.

Что же касается практиков, то они все факторы, которые теория экономики в ее неоклассическом варианте игнорирует, – разумеется, в той или иной степени учитывают.

В конкретном российском случае – особого учета требует, в частности, фактор особенностей экономического пространства. Причем сразу в двух отношениях: как с точки зрения его пространственной (географической) протяженности, так и с точки зрения чрезвычайного разнообразия локальных природных, этнокультурных, социальных, инфраструктурных и т.д. условий.

Проблема, прежде всего, заключается не столько в географических масштабах, сколько в социокультурной и экономической неоднородности территории России. Протяженность этой территории лишь подчеркивает и усугубляет действие "фактора неоднородности".

Применительно к условиям экономики, управлявшейся административными методами, хозяйственная система России в момент начала реформ, действительно, представляла собой единое образование.

Но если рассматривать ее применительно к условиям рынка (то есть, с точки зрения возможностей реализации разного рода рыночных механизмов), она в момент начала реформ представляла собой совокупность различных экономических модулей (в потенции, соответствующих рыночным стандартам), отношения между

которыми регулировались, как бы, чрезвычайно дифференцированными таможенными пошлинами.

Конечно, в реальности никаких подобных пошлин не было. Но были повсеместные административные регулирующие воздействия, создающие аналогичный пошлинам эффект.

Примерно то же самое было (в части, касающейся хозяйственного взаимодействия между Советскими республиками) и в масштабах СССР. Но республиканские экономические модули в момент распада обособились и стали жить по своим собственным законам. А вот внутрироссийские экономические модули, характеризующиеся очень разными условиями хозяйственного функционирования, остались в рамках российского экономического пространства.

Соответственно, с рыночной точки зрения, после входа в рынок (1992 г.) экономика России представляла собой что-то очень похожее на "лоскутное одеяло". А после первой волны реформ и приватизационных преобразований, где-то к 1995 г., – она стала походить на "расползающееся лоскутное одеяло", которое кое-как сшивается "нитками" в виде системы предприятий федеральной собственности и, в особенности, системы общегосударственных единых транспортных коммуникаций и естественных монополий.

В первом приближении, в России можно выделить следующие основные модули с различными условиями функционирования рыночного механизма:

1. Столичный модуль (Москва и Санкт-Петербург), который одновременно является финансовым центром страны.

2. "Сырьевые и материалопроизводящие модули", в которых объем добычи сырья достаточен для обеспечения их финансово автономного экономического существования в условиях рынка (сюда относится Уральский Федеральный округ и, с оговорками часть Сибири).

3. Северный Кавказ, или, точнее, его горная и предгорная часть (где экономическая база чрезвычайно скудна, а эффективная предпринимательская деятельность, отвечающая современным стандартам, по причине высоких конъюнктурных рисков в настоящее время практически невозможна).

4. Дальний Восток (который в значительной мере "отрезан" от остальной части страны высоким уровнем транспортных издержек).

5. Север (который еще более отрезан от остальной части страны высокими транспортными издержками и, к тому же, располагает так называемой "очаговой" хозяйственной системой, неспособной к эффективному функционированию в высоколиберализованном рыночном режиме).

6. Поволжье, со смешанной экономикой, обладающей довольно высоким потенциалом эффективности, но практически отрезанной от мировых рынков условиями своего географического положения.

7. Дон – Предкавказье, где природные условия благоприятствуют, прежде всего, ведению эффективного сельского хозяйства.

Европа, как известно, шла к созданию общего рынка несколько десятков лет.

В России "общий рынок" был создан в 1991-1992 гг. одномоментно "волевым усилием власти" из территорий, радикально отличающихся по условиям функционирования рыночного механизма. Причем создан сразу в высоколиберализованном варианте, что принципиально не позволяло нейтрализовать действие фактора локальных различий средствами собственно экономического регулирования.

"Рынок" в России был создан сразу в практически открытом состоянии. Соответственно, составляющие экономику России экономические модули с различными условиями действия рыночных сил – стали адаптироваться не столько друг к другу, сколько к условиям мировой экономики.

При этом, естественно, начали возникать и закрепляться вторичные различия между экономическими модулями, составляющими российскую экономику. Пока что очевидно, что они, в первом приближении, разделились на "валютопроизводящие" и, так сказать, "валютопотребляющие". Или, в самом общем виде, – на "производящие" и "потребляющие".

А это – явно не благополучное – положение усугубляется еще и тем, что в России не сложилась единая кредитная система и, шире, единый финансовый рынок. Налицо только локальные (и малоэффективные) финансовые рынки.

Вдобавок, в стране практически отсутствуют крупные корпорации в обрабатывающей промышленности, способные накрыть "паутиной" своих кооперативных и субподрядных хозяйственных связей экономическое пространство России в целом.

В этой ситуации реакция разных экономических модулей, составляющих хозяйственно-экономическое пространство России, на один и тот же вариант экономической политики, – далеко не совпадает. Соответственно, не совпадают и темпы роста маргинализации (и криминализации) в отдельных регионах, и текущий уровень совокупных социальных, политических и экономических рисков. То есть, практически нормальная или "благополучная" ситуация в Центре – может сочетаться с буквально "взрывной" ситуацией на периферии.

Между тем, нынешняя экономическая политика в России – в целом ориентируется на условия (требования) экономических модулей, относительно лучше адаптированных к рыночным условиям.

В частности, внешнеэкономическая политика правительства и политика цен, в их ключевых аспектах (в том числе, крайняя либерализация экспорта, политика высоких энергетических цен при заниженном курсе рубля, ориентация на вступление в ВТО, подписание Киотского протокола), – явно гораздо более выгодны для регионов, доходы которых формируются в цикле производства и транспортировки нефтегазового сырья, чем для всех остальных регионов страны.

Сам же либерализованный режим функционирования экономики России – относительно более выгоден, прежде всего, для столичного региона, а также для регионов, производящих сырье и полуфабрикаты на экспорт (в первую очередь, опять-таки, для нефтегазопроизводящих регионов). Для всех остальных частей страны (экономических модулей) этот либерализованный режим, в основном, невыгоден.

Таким образом, единая экономическая политика проводится в России в условиях отсутствия единого экономического пространства, в условиях его "лоскутного" характера. И, поскольку эта "лоскутность" не нивелируется, а, скорее, усугубляется, такой процесс может, в конце концов, привести просто к разрыву этого "хозяйственного лоскутного одеяла" на клочки. И тогда вовсе не факт, что вслед за этим не начнет "трещать по швам" и единое российское "политическое одеяло".

Здесь нужно заметить, что Китай столкнувшись в начале процесса "рынофикации" своего хозяйства с проблемами экономической неоднородности страны, пошел по пути создания множества разных локальных моделей экономической политики либерализации. Одна политика – для 14 "открытых городов" и 4 "специальных экономических зон". Другая – для Восточных районов в целом. Третья – для внутренних районов, пребывающих, даже на данный момент, в состоянии "полусоциализма". Еще один особый вариант экономической политики – для сельских районов – базируется на развитии (достигшей гигантских размеров) мелкой сельской промышленности.

Именно такая стратегия, именно проведение локально адаптированной и адресно просчитанной "многомодельной" экономической политики, – позволили Китаю "войти в рынок" без существенного повышения уровня маргинализированности населения страны. И, соответственно, без существенного повышения уровня социальной нестабильности даже на очень

обособленных окраинах, по уровню развития отставших от производящих центров на Востоке чуть не на столетие. То есть – относительно "гладко" войти в рынок, несмотря на гораздо более сложные стартовые условия реформ, чем в России.

У нас же в стране пока что, к сожалению, получается иначе.

Представляется, что потребность в широкой административной реформе, причем на началах концентрации административной власти, – возникла, с экономической точки зрения, именно потому, что Россия столкнулась с деструктивными последствиями поспешно высоколиберализованной и одновременно не специализированной в локальном плане экономической политики.

Проблема, однако, состоит в том, что никакая административная реформа сама по себе – не в состоянии исправить принципиальные ошибки и перекосы, сделанные в сфере экономической и социальной стратегии.

В частности, никакая административная реформа не может снять те социально-экономические контрасты между локальными хозяйственными модулями, которые были "проявлены" форсированным вхождением Новой России в либеральный рынок и усугубляются все постсоветские годы. Для этого требуются именно адресные адаптивные меры, учитывающие и факт, и природу, и конкретную специфику этих контрастов.

Никакая административная реформа не в состоянии заблокировать процесс маргинализации российского общества даже при условии полного уничтожения (что, впрочем, практически нереально) организованной преступности. Для этого необходим отказ от всех тех элементов экономической политики, которые ведут в стране к росту экономической, социальной, культурной, криминальной маргинальности.

Пока же Россия, судя по множеству признаков, оказалась слишком близка к тому опасному пути, по которому она шла 100 лет назад. И по которому она пришла к катастрофе революции и гражданской войны.

Налицо – насущная потребность в изменении ее социально-экономического маршрута.

Заключение

Когда-то генсек КПСС Юрий Андропов произнес слова "Мы не знаем общества, в котором живем". Причем сказано это было именно в связи с проблемой стратегической конкурентоспособности советской экономики и малоуспешными попытками резко нарастить ее эффективность за счет ужесточения властного контроля над административными аппаратами и трудящимися. Уже тогда частью отечественной властной элиты было осознано, что экономические проблемы страны – в огромной степени проблемы социокультурные и социополитические.

Для коммунистической власти позднего СССР, предпочитавшей вести отсчет государственной истории от 1917 года, это очевидное (и многократно доказанное специалистами еще для XVIII – XIX веков) обстоятельство, видимо, стало своего рода открытием.

В ходе реформ последнего десятилетия об этом обстоятельстве уже говорится довольно много. Темы "экономика и общество", "экономика и бюрократия", "экономика и власть", как все мы видим, в сфере постоянного и активного обсуждения.

Однако при этом, как правило, аналогии и параллели проводятся с современным состоянием тех высокоразвитых рыночных стран Запада, на равнение с которыми, по понятным причинам, мечтают вывести Россию творцы реформ. Явно недостаточно учитывается (или попросту вообще игнорируется) то принципиальное обстоятельство, что Россия по своей истории, своему географическому положению, по социокультурным корням и сегодняшнему менталитету населяющих ее народов – страна совершенно другая.

Разумеется, у рыночной экономики и правового государства есть общие неотменимые черты, которые в нашей стране, коли мы намерены проводить действительные рыночные демократические реформы, не могут не формироваться и не воспроизводиться. Но, помимо этих общих черт, есть у любой страны, у любого народа, и то ОСОБЕННОЕ или даже уникальное, корнящееся в ее истории и материальной культуре, что неизбежно исключает ее развитие по любым стандартным "калькам" и универсальным рецептам.

Наша Россия, которая раскинулась чуть не на весь континент, которая вобрала в себя множество совершенно разных географо-климатических зон, которая включила в свой состав сотни народов с чрезвычайно многообразной исторической судьбой, – не может быть исключением из этого правила. Она не может не иметь своей – достаточно широкой – социальной, политической, экономической сферы, в которой настойчиво проявляется и воспроизводится это особенное и уникальное.

Сегодня это уже понимают многие. Появляются работы, посвященные особой роли географо-климатических факторов в прошлом развитии и будущих перспективах российской экономики. Начинает профессионально обсуждаться тема трансформаций существующих в стране институтов, которые – в качестве непереносимого рамочного условия – необходимы для эффективной работы рынков. Зреет осознание того, что унаследованный от СССР хозяйственно-экономический комплекс обладает очень существенной структурной и иной спецификой, требующей, для его адаптации к работе в условиях рынка, весьма больших и целенаправленных усилий.

Столь же принципиально важные ограничители, определяющие в ходе любых реформ в любой стране "коридор необходимого и возможного", существуют и в социальной сфере. Не следует полагать, что общество – настолько пластичная материя, что из него, при известной настойчивости, активная власть может вылепить все, что угодно. Одно из наиболее опасных заблуждений связано с представлением, будто стоит лишь "успокоить" наиболее организованные и активные социальные группы – и относительный общественный порядок, необходимый для успешного реформирования, обеспечен.

Между тем, исторический опыт (и в мире, и в нашей России) свидетельствует, что главными движущими силами революций всегда и везде оказывались именно неорганизованные "пассионарные" социальные массы, и что основным контекстом революционных выступлений, сметавших власть, во все времена оказывался почти неуправляемый "низовой бунт".

Подчеркнем – почти неуправляемый, почти стихийный. Поскольку, как правило, "семена" этого бунта возникают и созревают не только в социальных низах общества, но и, прежде всего, в тех властно-бюрократических аппаратах, которые, по своему статусу и ролевым функциям, должны быть главной институциональной опорой власти.

По указанным причинам те (в большей части "подспудные") социальные тенденции, которые создает, проявляет, трансформирует процесс реформирования, требуют обязательного, причем планомерного и квалифицированного, мониторинга и анализа. И, по тем же причинам, социальная политика российского государства должна быть осознанно ориентирована на предотвращение появления "критического" (по численности и радикальности) протестного потенциала не только в организованных явных формах (партийные и иные институты оппонентов власти и реформ), но и во всех неявных,

неформальных, "непрозрачных" структурах и частях отечественного "общественного организма".

За забвение (или недостаточный учет) этого неочевидного, но чрезвычайно существенного "рамочного обстоятельства" Россия неоднократно платила, и очень дорого. И потому мы не можем, не имеем права, допустить, чтобы наша страна наступила на подобные "исторические грабли" еще раз. Не можем хотя бы потому, что в складывающемся, очень непростом и тревожном, мировом контексте, еще одной попытки нам может и не представиться.

Еще раз подчеркнем: создавая в России рыночную экономику и демократический государственный строй, мы не должны забывать, что даже в тех развитых странах, на которые нам предлагается равняться, эта рыночная экономика и этот демократический строй всегда в чем-то особые. Что эти особенности везде, и у нас в России тоже, в своих сущностных качествах в огромной степени предопределены историей, культурой, географией, климатом, государственным окружением, составом населения и прочими специфическими условиями. А также – тем конкретным обществом, которое возникало, складывалось, вырастало, зрело, трансформировалось в этих специфических условиях.

Другой истории и другого общества – у нас нет и не будет.

И потому будущий цивилизованный правовой рыночный строй (который, я убежден, состоится в нашей России) – в любом случае будет особенным и специфически российским. Именно российским, во всех своих ключевых чертах и проявлениях учитывающим и наследующим именно наши, отечественные, социокультурные, властно-политические и хозяйственно-экономические исторические реалии, в их целостном взаимозависимом единстве.